

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

4

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

Бакиров В. С.	Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К.	Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г.	Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б. З.	Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А.	Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В.	Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн	Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К.	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Нарбут Н. П.	Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р.	Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А.	Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т.	Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В.	Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л.	Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К.	Венский университет, Вена, Австрия.
Цуленер П.	Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	SHCHYOLKOVA T. V. , PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: tanar2002@tut.by
<i>Bakirov V. S.</i>	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
<i>Beznyuk D. K.</i>	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Hentschel G.</i>	Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
<i>Hihin V. F.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Doktorov B. Z.</i>	Independent analyst and consultant, USA.
<i>Karol A. D.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Korosteleva E. A.</i>	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
<i>Lapina S. V.</i>	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
<i>Makallister Ien</i>	Australian National University, Canberra, Australia.
<i>Mamedov A. K.</i>	Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
<i>Narbut N. P.</i>	RUDN University, Moscow, Russia.
<i>Semen'ska-Zhokhovska R.</i>	Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
<i>Simkhovich V. A.</i>	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
<i>Titarenko L. G.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Toshchenko Zh. T.</i>	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
<i>Filinskaya L. V.</i>	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
<i>Halman L.</i>	Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
<i>Herpfer K.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.
<i>Zulehner P. M.</i>	University of Vienna, Vienna, Austria.

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

**Георгий Петрович
ДАВИДЮК**

**Georgii Petrovich
DAVIDYUK**

10 ноября 2020 г. закончил свой жизненный путь патриарх белорусской социологии Георгий Петрович Давидюк. Он ушел от нас на 98-м году жизни, тихо, умиротворенно, с чувством исполненного долга. Жизнь Георгия Петровича – правдивый учебник истории Отечества. Ученый стал человеком-легендой, старейшиной среди белорусских гуманитариев. Ни одно важное событие в жизни страны не минуло его. Вот уж действительно – воин, труженик, учитель.

Сегодня очень много людей, которые, вспоминая Георгия Петровича, искренне, от всей души говорят своему учителю простое человеческое «спасибо», восхищаясь его жизненным подвигом, самоотверженностью, человеческой отзывчивостью и участием. Несмотря на различные невзгоды, трудности и лишения военного лихолетья, Георгий Петрович никогда не изменял своим принципам, был целеустремлен и настойчив в отстаивании правды жизни, никогда не терял присутствия духа, стремился жить с радостью, заряжать коллег оптимизмом.

Родился Г. П. Давидюк 5 июля 1923 г. в белорусской крестьянской семье в д. Камень-Шляхетский

Кобринского повета (ныне Кобринский район Брестской области). С малых лет на собственном опыте Георгий Петрович познал тяжелый крестьянский труд, в школу ходил, когда позволяла работа. До войны он окончил шесть классов польской общеобразовательной школы. В неполные 20 лет стал командиром роты партизанского отряда. Воевал отчаянно и храбро, был трижды ранен. После войны одновременно работал и учился: закончил Минский государственный педагогический институт имени А. М. Горького, работал в партийных структурах Брестской области, ЦК КПБ, окончил Академию общественных наук в Москве, защитил кандидатскую диссертацию, трудился в Институте философии и права Академии наук БССР. В 1969 г. Г. П. Давидюк защитил докторскую диссертацию по философским наукам, в 1970 г. ему присвоено звание профессора.

С 1972 г. жизнь Георгия Петровича была связана с Белорусским государственным университетом, куда его пригласили в качестве руководителя кафедры философии гуманитарных факультетов, где он организовал сектор прикладной социологии, разработал систему социологических исследований

на предприятиях страны, создал условия и подготовил кадры для эффективной работы заводской социологии, руководил Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований, ставшей впоследствии широко известной в стране и далеко за ее пределами.

Георгий Петрович попал в первый призыв социологов. Социологической науке он посвятил себя полностью. В 1960-х гг. еще многих руководителей надо было убеждать в важности этой науки, доказывать свою правоту, подчас ставя на кон собственный авторитет и высокое служебное положение. Но он шел на все, без всяких колебаний. Здесь надо было знать Георгия Петровича! Как и в годы войны, молодой партизанский командир шел в бой с открытым забралом, получал ранения, но никогда не оставлял своих бойцов и не покидал поля боя. Белорусским социологам очень повезло в том, что за возрождение этой науки с трудной судьбой взялся Г. П. Давидюк. Пройдя через многие испытания, неприятности, упреки коллег и непонимание друзей, он достойно выполнил свою миссию – создал белорусскую социологическую школу. Себя Георгий Петрович никогда не щадил, никому не жаловался на трудности и непонимание, просто делал что мог, отдавая всего себя любимому делу.

Георгий Петрович поставил на крыло первое поколение профессиональных социологов в Беларуси, много сделал для утверждения социологии в Академии наук БССР, Белорусском государственном университете, и высшей школе в целом, на промышленных предприятиях республики. Высокий научный авторитет Г. П. Давидюка в обществе был основан на профессионализме, принципиальности и ответственности ученого. Он на равных говорил в любых, даже самых высоких кабинетах. И всегда добивался своего. Такая была эпоха, такие были люди. Иначе социология сама по себе никогда бы у нас не прижилась и не заняла бы сегодня столь высокого положения в белорусской науке. По инициативе профессора Г. П. Давидюка было создано Белорусское отделение Советской социологической ассоциации, которое Георгий Петрович возглавлял долгие годы. Он автор первых учебников по прикладной социологии, под его редакцией вышел первый в СССР «Словарь прикладной социологии». Ученый активно участвовал в развитии социологического образования, открытии перво-

го в стране социологического отделения, кафедры социологии Белорусского государственного университета.

Профессор Г. П. Давидюк вывел белорусскую социологию на международный уровень. Своим примером он доказал важность развития научного сотрудничества с другими странами, необходимость обмена опытом, эффективность совместных исследований и изданий коллективных монографий. Многим успешным исследователям он открыл дорогу в большую науку, всячески поддерживал их стремление к достижению международного признания.

Характер Георгия Петровича был под стать эпохе: строг, но справедлив. Сам профессор Г. П. Давидюк очень много работал и поэтому имел моральное право строго спрашивать с коллег, когда этого требовали обстоятельства и интересы дела. Однако Георгий Петрович всегда проявлял исключительно бережное отношение к людям, их здоровым амбициям и потребностям. Уже повзрослевшие и давно остепенившиеся ученики всегда добрым словом вспоминают своего учителя и атмосферу совместной работы. Их много, а если считать с учениками учеников, то это и есть практически все белорусское социологическое сообщество.

Георгий Петрович всю жизнь трудился на родной белорусской земле, любил свою небольшую, всегда ухоженную и возделанную загородную дачу. А когда полностью вышел на пенсию, переехал из столицы в старинный белорусский город Заславль. Крестьянская натура Георгия Петровича не давала ему ни минуты покоя, он использовал каждый свободный момент для работы в огороде и очень гордился полученными большими урожаями. Г. П. Давидюк говорил на разных языках, в последнее время больше на родном, белорусском. Всегда подтянутый, с иголочки одетый, он с удовольствием носил национальную одежду.

Сегодня мы прощаемся с классиком социологической науки, создателем белорусской социологической школы, нашим учителем. Светлая память о Георгии Петровиче Давидюке навсегда останется в наших сердцах.

А. Н. Данилов,
председатель Белорусского
социологического общества¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

УДК 316.42

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИДЕИ ПРОГРЕССА

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлено одно из важнейших направлений онтологического обоснования идеи прогресса, касающееся взаимоотношения человека и природы и способности человека преобразовывать ее во вторую природу в целях обеспечения комфортного и безопасного проживания на планете. Подвергаются критике современные подходы к трактовке идеи прогресса, показана ее объективная необходимость как на уровне познания, так и для реализации на практике. Критикуется также старый аргумент, вменяющий идее прогресса представление о неизменной направленности прогрессивных преобразований. Утверждается, что традиционные современные подходы к нему никогда не были прямолинейны, так как включали в понимание прогресса и движение вперед, и отход назад – регресс. Кроме того, показано, что данное направление и сегодня определяет стратегию исторической науки, которая отказывается от представления о так называемых темных веках, трактуемых в категориях регресса, что говорит о неоднозначном и конкретно-историческом характере соответствующих оценок. Предлагается понимание прогресса в его онтологии как способа и формы духовно-практического отношения человека и природы. Критикуются существующие спекуляции на этой проблеме, в частности провозглашающие связь идеи прогресса с идеологически окрашенным его обвинением в загрязнении природы, глобальном потеплении или похолодании, появлении озоновых дыр, остановке Гольфстрима и т. п. Обосновывается мысль, согласно которой человечество уже не в состоянии существовать вне прогрессивного развития и без влияния идеи прогресса, что в каждой исторической эпохе имеет своеобразное идейное воплощение. Представлены ответы на волнующие человечество вопросы о том, ведет ли прогресс к ухудшению состояния окружающей среды, гибели экологии и разрушению ноосферы или, наоборот, улучшает ее, изменяет в соответствии с потребностями личности, а также о том, кем является человек – покорителем природы или созидателем новой, социоприродной реальности. Автор анализирует и обосновывает объективно обусловленную и жизненно укорененную способность человечества к длинным проектам, видя в них пусковой механизм социального прогресса. Утверждается, что становление человека происходит одновременно с созданием второй природы и социальных отношений как среды, обеспечивающей локальные зоны комфорта в целях выживания в условиях враждебной природной среды. Критикуется распространенная трактовка окружающего мира – природы, из материала которой че-

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Онтологическое обоснование идеи прогресса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:6–13.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-6-13>

For citation:

Smirnov VE. Ontological justification of the idea of progress. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:6–13. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-6-13>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology), docent; leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

ловек строит вторую природу – очеловеченный мир, как исключительно дружелюбного. В результате именно вторую, очеловеченную, природу стали часто воспринимать как первую. Согласно такому «экологическому» видению сформировалось представление о том, что именно человек агрессивно врывается в природу, разрушая среду своего обитания, именно он враждебен ей. Однако нельзя забывать, что природа также не добра к человеку, и именно этот урок преподала человечеству последняя пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. На примере исторического прошлого и настоящего показано, что стремление человечества, пусть бессознательное, к длинным проектам представляет собой суть человеческого общежития, основу социальности и создания условий для сохранения человека как вида. Анализируются различные социальные сферы как результаты реализации длинных проектов на пути прогрессивного развития.

Ключевые слова: прогресс; человеческая деятельность; природа; свобода человека; длинные проекты; субъект; объект; вторая природа; культура.

ONTOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE IDEA OF PROGRESS

V. E. SMIRNOV^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

One of the directions of ontological substantiation of the idea of progress is presented, which concerns the relationship between man and nature and the ability of man to transform it into a second nature in order to ensure a comfortable and safe life on the planet. The article presents a critique of modern approaches to the interpretation of the idea of progress, as well as justifies its objective necessity, both in knowledge and for implementation in practice. The author criticizes the old argument that imputes to the idea of progress the idea of the unchangeable direction of progressive changes, arguing that the traditional modern ideas about it have never been straightforward, since they included in the understanding of progress both forward movement and backward movement that is regression. In addition, it is shown that this idea of progress still determines the strategy of historical science today: the very fact that modern historical science rejects the idea of the so-called «dark ages», interpreted in terms of regression, indicates the ambiguous and concrete historical nature of the corresponding assessments. The article offers an understanding of progress in its ontology as a way and form of spiritual and practical relations between man and nature. Existing speculations on this issue are criticized, in particular, proclaiming the connection of the idea of progress with its ideologically coloured fault in nature pollution, global warming or cooling, ozone holes, stopping the Gulf stream. The author substantiates the idea that humanity is no longer able to exist outside of progressive development and under the influence of the idea of progress, and has a unique ideological embodiment in each historical epoch. Answering the question that concerns humanity, whether progress leads to the deterioration of the environment, the death of ecology and the destruction of the noosphere, or improves it, changes it in accordance with human needs, and who is man – the conqueror of nature or the Creator of a new, socio-natural reality, the author analyzes and justifies the objectively determined and vitally rooted ability of humanity to long projects, seeing them as a trigger for social progress. It is argued that human development occurs simultaneously with the creation of a second nature and social relations as an environment that provides local comfort zones in order to survive in a hostile natural environment. The current interpretation of the environment – nature, from the material of which a person builds a second nature – the humanized world, is criticized as exceptionally friendly, so much so that the line between the first nature and the second, humanized nature is significantly blurred. As a result, it was the second one that was often perceived as the first. According to this «ecological» vision, the idea was formed that it is man who aggressively breaks into nature, it is he who is hostile to it, destroying the environment of his habitat. The author warns that we must not forget that nature is also not kind to man: she is indifferent to him and ruthless, and therefore can be both cruel and hostile. The author warns that one must not forget that nature is also not kind to man: she is indifferent to him and ruthless, and therefore can be cruel and hostile. And it is this lesson that the latest pandemic, COVID-19, taught humanity. Using the example of the historical past and the present, it is shown that the desire of humanity, albeit unconscious, for long projects is the essence of human community, the basis of sociality and the creation of conditions for the preservation of man as a species. Various social spheres are analyzed as the results of the implementation of long-term projects on the path of progressive development.

Keywords: progress; human activity; nature; human freedom; long projects; subject; object; second nature; culture.

Критика идеи прогресса не нова. Эту идею обвиняли в том, что она представляет собой всего лишь светское изложение еврейского мессианства, что является европоцентричной и игнорирует человеческую волю. Ф. Теннис акцентировал в данной идее прогрессирующее отчуждение между людьми, что, по его мнению, ухудшало жизнь

человека в его движении от традиционного к современному обществу. Русский философ В. Ф. Эрн обращал внимание на то, что конкретные культуры и цивилизации как расцветают, так и угасают, а с прогрессом технических средств, но без морального роста страдания людей только увеличиваются [1]. После Второй мировой войны критика идеи

прогресса только усилилась, причем основаниями для нее стали не столько ужасы войны, сколько ситуация общего кризиса капиталистического мироустройства. В частности, представители Римского клуба в онтологии человеческого бытия обнаружили так называемые пределы роста: не бесконечные запасы сырья, экологические ограничения, попросту размеры планеты в соотношении с растущей численностью населения, недостаток пресной воды и другие аналогичные барьеры [2]. Нужно заметить, что у всех подобных теорий существует одна важная деталь, которая обычно умалчивается. Речь идет о том, что социальный прогресс в таких теориях, по существу, подразумевает, что в обозримом будущем капиталистический рынок будет доминирующей формой хозяйствования на земле, поэтому связанные именно с ней трудности выдаются за проблемы человеческого развития вообще.

Впрочем, основная атака на идею прогресса была осуществлена в рамках постмодернистской традиции. Здесь можно упомянуть таких авторов, как М. Арчер, У. Бакли, И. Валлерстайн, Р. Нисбет и др. Под знаменем обращения к человеку, его самостоятельной воли и деятельности они пришли к отрицанию объективных факторов человеческой истории. Прогресс для постмодернистов есть лишь некоторая возможность в каждом конкретном случае, единичная вероятность, не более. Причем такой взгляд на самом деле весьма пессимистичен с точки зрения идеи прогресса, ибо, рассматривая его возможность как сумму вероятных выборов, нельзя не заметить, что, бросая монетку, невозможно каждый раз обратно получать орла. Если человеческие потенции к прогрессивному развитию, которые у названных авторов связаны со способностью к инновациям, будут реализованы, а это, по мнению М. Арчер и других исследователей, связано с состоянием социальных институтов (школа, семья или государство), то прогресс может состояться. Но этого не случится, если названные социальные институты будут недостаточно хороши. А. Этциони и вовсе видит источник совершенствования институтов общества в «самозапускаемой преобразовательности», которая, по его мнению, имманентно присуща людям. Впрочем, она реализуется только в так называемом активном обществе, обладающем рядом свойств. А вот почему складываются такие общества, не вполне понятно [3]. При этом можно вести бесконечный спор по поводу предложенных аргументов, начиная с содержания понятий, как, например, И. Валлерстайн в своей работе «Миросистемный анализ. Введение». Автор повторяет старый аргумент, вменяющий идее прогресса представление о неизменной направленности прогрессивных преобразований, притом что история, по мнению И. Валлерстайна, дает немало примеров регресса и деградации [4].

Во-первых, странно было бы полагать, что классические апологеты идеи прогресса не имели представления о периодах регресса. Совершенно очевидно, что их взгляды на прогресс не так прямолинейны. Во-вторых, что весьма любопытно, именно современная историческая наука отказывается от представления о так называемых темных веках, трактуемых в категориях регресса, говорящих о социальной деградации в разные исторические эпохи. Напротив, речь идет о смене форм развития.

Вопросы развития общества и, в частности, прогресса стали предметом дискуссий и практически определили главные направления не только идейной, но и политической борьбы. При этом само представление о благодати прогресса некоторыми политиками воспринималось как само собой разумеющееся. Однако сейчас нередко можно встретить подходы, в соответствии с которыми идея прогресса толкуется как не более чем одна из возможных парадигм, исторически не только приходящая, но и переходящая, причем на наших глазах. Допускается, что если существовали общества, в которых идея прогресса не только не господствовала, но и не существовала вовсе, то и в дальнейшем от нее можно отказаться. Более того, современная эпоха – это именно то время, когда от идеи прогресса можно и нужно отказаться, ибо в ней зачастую видят идеологического виновника загрязнения природы, глобального потепления или похолодания, возникновения озоновых дыр и остановки Гольф-стрима (люди быстро забывают свои страхи, но тут же выдумывают новые). Однако задача данного исследования состоит не в критике всевозможных взглядов на идею прогресса, ее эволюцию, а в обосновании ответа на вопрос о том, отражает ли эта идея реальность мира людей, их жизнедеятельность и историческое развитие социумов, а также о том, как воздействует она на этот мир. И здесь можно обнаружить, что, сколько ни рассуждай об актуальности или, наоборот, устарелости понятия прогресса, человечество уже не в состоянии существовать вне прогрессивного развития и без влияния идеи прогресса, существующей в каждой исторической эпохе в своеобразном воплощении.

Иначе говоря, отказаться от идеи прогресса, конечно, можно, но как быть с объективными процессами, лежащими в основе прогрессивного развития социума? Чтобы ответить на этот вопрос, опять же необходимо вернуться к рассмотрению самого понятия прогресса, причем не к тотальному переосмыслению его содержания как процесса освобождения человека в целом, а изучить одну грань прогресса, на которую в последнее время стали обращать недостаточно внимания, более того, резко критиковать с экологической точки зрения. Речь идет об отношениях человека и природы. Ведет ли прогресс к ухудшению состояния окружающей среды, гибели

экологии и разрушению ноосферы или улучшает ее, изменяет в соответствии с потребностями человека? И кем является человек – покорителем природы или созидателем новой, социоприродной реальности?

На мой взгляд, если не иметь в виду наиболее экстремальные и даже разрушительные формы этого «покорения», в данном представлении о прогрессе ничего ужасного нет. Речь скорее идет о создании и укреплении так называемой второй природы. Дело в том, что «естественный» человек, в данном случае с биологической точки зрения, может существовать в крайне узком диапазоне жизненных условий. Собственно говоря, на планете Земля этим условиям соответствует субэкваториальная зона, или, еще уже, граница тропических джунглей и саванны. Только там люди могут существовать как животные, не создавая между собой и природной средой так называемой второй природы (она включает прежде всего одежду, огонь, запасы воды и разнообразные орудия, причиной и результатом создания которых выступает человеческая социальность, которая является следствием и одновременно источником социальных отношений). Соответственно, чем дальше от этой идеальной зоны поместить нашего условного «естественного» человека, тем скорее он погибнет.

Я намеренно уточняю условность представления о «естественном» человеке. Такого человека никогда не было. В животной естественности существовали предки *homo sapiens*. Само становление человека происходило одновременно с созданием второй природы и социальных отношений как среды, в которой осуществляется ее производство. Но как бы то ни было, одна из двух основных граней человеческого существа есть постоянное воспроизводство второй природы из материала природы первой прежде всего в целях обеспечения локальной зоны комфорта для выживания в условиях враждебной природной среды.

Сегодня само понятие «враждебная окружающая среда» сделалось чем-то неприличным. Природа, из материала которой человек строит вторую природу, как очеловеченный мир настолько стала представляться дружелюбным, весьма лояльным к человеку естественным окружением, что в существенной степени стерлась граница между природой первой и природой второй, очеловеченной. В результате вторую часто стали воспринимать в качестве первой. Согласно такому «экологическому» видению сформировалось представление о том, что именно человек агрессивно врывается в природу, именно он враждебен по отношению к ней, разрушая среду своего обитания.

Глупо было бы отрицать зачастую губительную для природы деятельность человека. Однако нельзя забывать, что природа также не добра к людям: она безразлична к ним и безжалостна, а потому может быть и жестока, и враждебна. И именно этот урок мы

обязаны помнить после последней пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Это именно урок, поскольку на самом деле данная пандемия минимально опасна, вирулентность заболевания не очень высока, а смертность относительно низкая. Но точно так же природа может явиться в наш дом в куда более опасной и жестокой форме.

Само понятие второй природы довольно сложно. Часто культуру, следуя за Демокритом, который рассуждал о второй натуре, определяют как вторую природу. Но, во-первых, само понятие культуры слишком многозначно, чтобы через него определять не менее сложное понятие, а во-вторых, хотелось бы обратить внимание на другие аспекты этих понятий, в частности, на то, что феномен культуры скорее связан с алгоритмами деятельности, главным образом регулируемыми сферу взаимоотношений людей, так или иначе закодированными в культурных артефактах. А вторая природа – это плод человеческой деятельности, среда, тот самый «дом», который человек в меру своих сил воспроизводит в разнообразных географических и климатических условиях. С некоторых пор культуру и природу пытаются совместить в понятии культурного ландшафта (А. А. Шишкина, А. Г. Исаченко, М. В. Ладухина, И. Т. Фролов, В. К. Королев). Но в данном случае лишаются достаточной полноты и понятие культуры, и понятие второй природы. Не нужно забывать, что вторая природа – это все же природа, среда обитания человека – биологического, природного существа, причем комфортная для него среда. С помощью процесса труда человек превращает «естественные» ресурсы в удобную для потребления форму. Например, обрабатывая мясо огнем, он получает жаренное или вареное мясо, которое ему удобно потреблять ввиду недостаточно сильных челюстей. Согревая жилище или даже просто одеваясь, человек создает в доме или под одеждой комфортную температуру воздуха, условно говоря, ту самую, которая соответствует тропическому, субэкваториальному климату.

Собственно, даже лес, в котором производится отстрел чрезмерного и опасного для человека количества хищников, есть элемент второй природы. И при этом он включен в природу первую. Человеческая деятельность вторгается в естественные природные процессы и преобразует их в соответствии с потребностями субъекта этой деятельности. Постепенно человек освоил для жизни практически все климатические пояса, создавая все более сложные средства трансформации естественной среды в искусственную – во вторую природу. В этом смысле крайне значимым стало событие, произошедшее 12 апреля 1961 г. Речь идет о первом полете советского космонавта Юрия Гагарина в космос. Человек впервые оказался в абсолютно чуждой и враждебной среде, прихватив с собой кусочек земли. Если до тех пор вторая и первая природы всегда

сосуществовали для бытия человека, то теперь на относительно короткое время и в ограниченном объеме была создана область второй природы, минимально связанной с естественной средой. Собственно, космический вакуум и космический холод даже немного странно называть природой. Более того, этим полетом и отношением к нему человечество наметило дальнейшее движение прогресса. Кстати, именно в России была создана развитая индустриальная цивилизация в климатической зоне, чуть ли не наименее благоприятной для проживания людей. Все остальные развитые общества существуют в куда более благоприятных климатических условиях. На этом фоне не удивительно, что первый космонавт был советским, русским человеком.

Но вернемся к пандемии COVID-19. Вирусные инфекции – это явления аналогичной категории, в том смысле что это неблагоприятные явления внешней по отношению к человеку среды. Конечно, в распространении инфекции опять же можно обвинять людей, как это уже делают «экологи». Ведь действительно, широкое распространение эпидемии связано с определенными сторонами глобализации, ростом мобильности людей и коммуникаций, с тем, что процесс общественного производства в значительной части стал планетарным. Ровно так же эпидемия черной смерти в Европе была прямо связана с развитием караванной торговли на Востоке (в пределах империи монголов она стала безопасной) и итальянской, в первую очередь генуэзской, торговли на Средиземном море. Однако вряд ли решение проблемы лежит на пути отказа от мобильности и коммуникаций в пользу своего рода мировой пещеры. Наверное, его следует искать в другом направлении, а именно в совершенствовании второй природы, что, как уже отмечалось, и является одной из важнейших граней процесса, известного как «прогресс».

И здесь стоит перейти к следующему аспекту проблемы, к тем способам очеловечивания окружающего мира, которые человечество выработало в процессе создания и совершенствования второй природы. Конечно, человек всегда воспроизводит и укрепляет ее в процессе трудовой деятельности. Однако труд людей имеет важнейшую грань – совместный характер. Собственно, эта способность производить для других и вместе с другими порождает все богатство человеческой социальности. Однако нас интересует определенная и важнейшая для современной жизни особенность совместного труда людей, а именно способность к так называемым длинным проектам.

Длинные проекты – это особый термин, применяемый в различных областях знания. В экономической науке под ними подразумеваются проекты инвестирования. Это проекты, инвестиционная фаза которых тянется пять, десять и более лет. Для них нужны «длинные деньги», причем не очень до-

рогие, поскольку ожидать реализации приходится достаточно долго. Я же употребляю данный термин скорее в политэкономическом и даже социально-философском ключе. В этом смысле речь также идет о масштабных проектах с долгим сроком реализации, особенностью которых является то, что польза от них для человека здесь и сейчас совсем не очевидна, хотя на самом деле она огромна.

Такие проекты известны с глубокой древности. Например, это громадные ирригационные системы Древнего Египта, Месопотамии или Древнего Китая. Нет сомнений, что системная ирригация сыграла определяющую роль в существовании этих великих цивилизаций и развитии человечества в целом. Однако выгоды общества в целом и даже человечества вряд ли были понятны египетскому, шумерскому или китайскому крестьянину. Да и государственное насилие не имело определяющей роли, как стало известно из исторических исследований. У раннегосударственных образований попросту не было сил, чтобы принудить громадные массы населения к выполнению таких работ. Скорее, причина лежала в особенностях религиозного сознания людей той эпохи, когда общая польза, в том числе для будущих поколений, не осознаваемая на индивидуальном уровне, получала мифологическое, религиозное воплощение в представлении о фараоне, живом боге или о сыне неба и целых религиозно-философских системах. В этом смысле ошибочны разговоры о бессмысленности строительства, например, пирамид в Египте. Нужно понимать, что пирамиды – это обратная сторона громадных ирригационных систем, воздвигнутых на Ниле. И без одного компонента в той конкретной культурной ситуации, возможно, не было бы и другого. Античная эпоха находила основания для реализации длинных проектов в полисном сознании людей, их идентичности, сосредоточенной на полисе и его жизни. Соответственно, любое дело во благо полиса воспринималось как *res publica*, где общая собственность и общее дело укрепляют то потенциально бессмертное, в чем античный человек преодолевал свою конечность, – полисно-гражданскую общину, с которой индивид себя идентифицировал. Долгие проекты Средневековья нашли свое выражение в строительстве соборов. Рекордсмен в данной области – Кёльнский собор, который строился с 1248 по 1437 г. Спасение бессмертной души – тот узловой элемент, который лежал в основе долгих проектов Средневековья. Человеку было неважно, увидит ли он окончание строительства, так как само участие в строительстве служило делу спасения его бессмертной души. И только Новое время предложило рациональное обоснование длинным проектам. Речь идет об идее прогресса – представлении о том, что человечество, развиваясь, живет все лучше и лучше, и наши дети будут жить лучше нас.

Современные критики идеи прогресса часто утверждают, что она нерациональна, что это всего лишь вера, причем зиждущаяся на христианских представлениях о линейном ходе истории. Но с этим сложно согласиться. Все же развитие общества реализуется через деятельность людей. Понятно, что сама идея прогресса в своей наиболее развитой марксизмом форме вызревала постепенно, проходя ряд стадий, мифологизирующих те или иные стороны этого процесса, например, так называемый гоббсовский миф о естественном человеке, существующем в дикости до начала прогрессивного возвышения, или миф о невидимой руке рынка как двигателе прогресса и многие другие. Вместе с тем идея прогресса постоянно использовалась разными политическими силами в своих интересах. В руках господствующих классов и социальных сил она зачастую становилась элементом идеологии – ложного сознания, поскольку использовалась в целях обоснования господства этих социальных сил, что оборачивалось своей же противоположностью, а именно поводом для того или иного «конца истории». Так, идею прогресса использовали Ф. Фукуяма в своем труде «Конец истории» и А. Гор в теории устойчивого развития. Вследствие всего этого на идею прогресса ополчились с разных сторон, в том числе господствующие социальные силы, полагающие, что они и так хорошо управляют и прогресс уже не нужен, а также критики современного порядка вещей, видящие в идее прогресса лишь элемент идеологии господства и не более. К последним можно отнести, например, известного ученого, Т. Шанина, излагавшего свои критические взгляды в статье «Идея прогресса» [5].

Проблема в том, что как бы мы ни относились к идее прогресса, она давно стала не просто идеей. Она определенным образом организовала жизнь всего человечества и таким образом превратилась в непосредственный фактор существования. Выше я уже писал о том, что идея прогресса послужила обоснованием для осуществления длинных проектов, главным образом в Новейшее время. В частности, речь идет о послевоенных десятилетиях как об эпохе длинных проектов, создавших современный мир. Например, хотя канализация в Париже в центральной части города была создана во второй половине XIX в. (если, конечно, не вспоминать древнеримскую и средневековую канализации, понятное дело, совершенно другого качества), однако и в предвоенные 1930-е гг. множество домов все еще были оборудованы выгребными ямами. И только после войны центральной канализацией стали пользоваться все жители города. Система здравоохранения – именно как система, а не некоторое количество врачей, с большим или меньшим успехом излечивающих больных, – также появилась в XX в. (в СССР – известная система Семашко). Люди, как правило, мало понимают, насколько сильно от-

личался мир даже XIX в. от мира, в котором они живут сегодня. И отличия состоят главным образом даже не в каких-то технологичных изделиях, которых раньше не было, а в тотальных системах жизнеустройства. Можно вспомнить, еще, например, и систему санитарного контроля, ведь порча продуктов была в XIX в. обыденным явлением. В кулинарной книге издания 1892 г. есть целая глава, посвященная описанию фальсификации продуктов и содержащая советы, как их избегать [6]. Речь идет о цементе и извести в муке, крахмале в сахаре и др.

Правоохранительная система в нынешнем виде также появляется в XX в. (впрочем, далеко не везде), тогда же был принят ряд наиболее значимых элементов, связанных с принципом равенства граждан перед законом, признававшихся всеми странами мира. В XX в. произошли также решительные изменения в градостроительстве: стали проектировать городское пространство как систему организации жизни и труда людей, а не как пространство, разделенное на сферы символической конкуренции элит и зоны трущоб для рабочих и обслуживающего персонала. Громадную роль в этом процессе сыграл советский конструктивизм, что, конечно, прямо связано с социально-экономическими изменениями в стране, осуществлявшимися после революции 1917 г. Электрификация не только производства, но и быта применительно к России и другим постсоветским странам – это та самая лампочка Ильича, что стала предметом иронии в постсоветскую эпоху. Но мыслимо ли сегодня неэлектрифицированное жилье? Промышленность потребовала решительного изменения системы образования... В общем, перечислять можно долго. Все это результат осуществления длинных проектов, и важнейшей их особенностью является то, что «откатить» их обратно невозможно. Вернее сказать, можно, но это чревато массовыми страданиями людей, ростом смертности, существенным сокращением населения, т. е. человечество в таком случае должно сократиться в несколько раз.

Собственно говоря, нынешняя пандемия как раз и демонстрирует нам следствия такого «отката». В последние десятилетия система здравоохранения, выстроенная с большей или меньшей эффективностью по аналогии с советской системой Семашко в большинстве стран мира, размывалась, возвращаясь к привычной в XIX в. организации, состоящей из определенного количества врачей, которые с тем или иным успехом лечат больных. Впрочем, в некоторых странах, таких как США, эта система и не менялась по большому счету, но в Европе в послевоенные годы система здравоохранения все же была создана. Временем сокращения и постепенной ликвидации этой системы стал XXI в. Количество коек, под которыми подразумеваются, конечно, не сами кровати, а весь комплекс оборудования, и в первую очередь

специалистов (от врачей высокого класса до санитарок), уменьшалось. Вернее, «оптимизировалось» – именно так звучит современный эвфемизм, означающий элементарное сокращение и регресс. И грянул гром...

В связи с этим необходимо признать, что отказ от прогресса и даже значительное его замедление, я уж не говорю о регрессе, будет иметь и имеет крайне тяжелые, трагические последствия для человечества. А замедление прогресса и регресс в ряде областей достаточно очевидны, если, конечно, мы не станем всю материальную жизнь человечества сводить к производству новых гаджетов или делать вид, что повторение технологий полувековой давности, осуществленное с громадными затратами, есть гигантский шаг вперед всего человечества (речь о полете к Международной космической станции корабля *Crew Dragon* компании *SpaceX*).

Необходимо помнить, что создание и укрепление второй природы является одной из важнейших черт общественного прогресса. При этом стоит осторожно отнестись к умильному заигрыванию с природой, с которой современный человек по большому счету и не сталкивается в своей обыденной жизни. Та природа, с которой он имеет дело, есть давно в той или иной мере вторая природа, своего рода парк, созданный человеком для своего удобства и поэтому уже имеющий черты некой «доброжелательности» к человеку. Оттуда возникают иллюзии, связанные с приданием природе черт субъектности, причем субъектности приязненной. Так как представления о прогрессе связаны с идеей освобождения человека, то появляются представления о том, что «свобода мыслится уже не как овладение и контроль, а как

установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с нерелексированными и “непрозрачными” процессами моей собственной психики...” [7, с. 19]. И хотя освобождение человека как его социальное освобождение находится вне темы данной статьи, тем не менее хочется еще раз подчеркнуть, что разговоры об установлении «равноправно-партнерских отношений» с природными процессами при всем благостном их звучании не только разрушают смысл категорий субъекта и объекта в практике и теории (в частности, философии), но и приводят к проявлениям опасного инфантилизма массового сознания.

Природа не является субъектом в практическом и «эпистемологическом» отношении человека и природы. Природа не другой, с которым можно разговаривать, общаться. Поэтому и говорить о каком-то отношении к человеку со стороны Вселенной можно только в форме поэтической гиперболы или фантастики, как, например, в романе «Солярис» С. Лема. Однако не следует забывать, что природные процессы, как познанные, так и не познанные человеком, могут с легкостью смахнуть человечество как вид с «лабораторного стола» Вселенной в любой момент. И единственное, чем может ответить человек, – это овладение и установление контроля хотя бы над ближайшей зоной ареала обитания, что человек и делает, создавая вторую природу. Вторая природа есть плод труда рук и ума человека, плод его овладения природными процессами и контроля над ними, и в данном смысле тем более это не другой, а часть самого человека.

Библиографические ссылки

1. Эрн ВФ. *Идея катастрофического прогресса* [Интернет]. 2020 [процитировано 01 октября 2020 г.]. Доступно по: http://vladimir-ern.narod.ru/Idea_catastroph.html.
2. Медоуз ДХ, Медоуз ДЛ, Рэндерс Й, Беренс III ВВ. *Пределы роста*. Кавтарадзе ДН, редактор; Саркисова АС, переводчик. Москва: Издательство МГУ; 1991. 208 с.
3. Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. 5-е издание. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 688 с. (Мастера психологии).
4. Валлерстайн И. *Миросистемный анализ. Введение*. Тюкина Н, переводчик. Москва: URSS; 2017. 304 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского).
5. Шанин Т. *Идея прогресса* [Интернет]. 2020 [процитировано 01 октября 2020 г.]. Доступно по: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html>.
6. Симоненко ПФ. *Образцовая кухня и практическая школа домашнего хозяйства*. Москва: Типография И. Д. Сытина; 1892. 687 с.
7. Лекторский ВА. *Эпистемология классическая и неклассическая*. Москва: Эдиториал; 2001. 256 с.

References

1. Ern VF. *The idea of catastrophic progress*. [Internet]. 2020 [cited 2020 October 01]. Available from: http://vladimir-ern.narod.ru/Idea_catastroph.html. Russian.
2. Meadows DH, Meadows DL, Randers J, Behrens III WW. *Limits of growth*. New York: Universe Books; 1974. 205 p. Russian edition: Meadows DH, Meadows DL, Randers J, Behrens III WW. *Predely rosta*. Kavtaradze DN, editor; Sarkisova AS, translator. Moscow: Moscow State University Publishing House; 1991. 208 p.
3. Ritzer J. *Modern sociological theories*. New York: McGraw-Hill; 2000. 486 p.

Russian edition: Ritzer J. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. 5th edition. Saint Petersburg: Piter; 2002. 688 p. (Mastera psikhologii).

4. Wallerstein I. *World-systems analysis: an introduction*. Durham: Duke University Press; 2004. 109 p.

Russian edition: Wallerstein I. *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie*. Tyukina N, translator. Moscow: URSS; 2017. 304 p. (Universitetskaya biblioteka Aleksandra Pogorel'skogo).

5. Shanin T. The idea of progress [Internet]. 2020 [cited 2020 October 1]. Available from: <https://www.yabloko.ru/Publ/Articles/shanin-2.html>. Russian.

6. Simonenko PF. *Obraztsovaya kukhnya i prakticheskaya shkola domashnego khozyaistva* [Exemplary kitchen and practical school of household management]. Moscow: Printing House of I. D. Sytin; 1892. 687 p. Russian.

7. Lektorsky VA. *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology classical and non-classical]. Moscow: Editorial; 2001. 256 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.10.2020.
Received by editorial board 10.10.2020.

ИСТИНА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

М. Г. ВОЛНИСТАЯ¹⁾, Е. Д. КОРКИЯ²⁾, А. К. МАМЕДОВ²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Исследуется новый дискурс об изучении истины в современной науке. Дан краткий ретроспективный анализ основных областей интерпретации истины. Эти направления не просто перечислены, но включены в общую схему современной эпистемологии. Показаны объем и относительная ограниченность таких понятий, как теория соответствия, эволюционная эпистемология, социогуманитарная кибернетика, адаптационизм и неоадаптационизм. Важное место отводится проблеме истины в художественном творчестве. Представлены устойчивые выводы о полифоничности истины и ее мерцающем характере.

Ключевые слова: эпистемология; знание; истина; мезокосм; социализация; творчество; дизайн; адаптация; согласованность; энантизм; синергия.

TRUTH AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON: MODERN INTERPRETATION

M. G. VOLNISTAYA^a, E. D. KORKIYA^b, A. K. MAMEDOV^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Corresponding author: M. G. Volnistaya (mgv22@mail.ru)

The history of science in any of its transformations and metamorphoses is, in fact, a search for and definition of the truth. As an example, I. Kant's famous four questions start with the question «What can I know?». Thus, the search for truth as a subject of research has been a dominating force throughout human history. Of course, sociology as a social meta-science is also involved in this topic. A simple assertion of the existence of three concepts of truth, namely accordance, agreement and advantage, does not fully answer the prerequisites of contemporary discourse. The present article analyses a new discourse on the study of truth in contemporary science. We give a brief retrospective analysis of the main fields of truth interpretation. At the same time, these directions are not just listed but linked into the general outline of contemporary epistemology.

Образец цитирования:

Волнистая МГ, Коркия ЭД, Мамедов АК. Истина как социокультурное явление: современная интерпретация. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020;4:14–22 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-14-22>

For citation:

Volnistaya MG, Korkiya ED, Mamedov AK. Truth as a socio-cultural phenomenon: modern interpretation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:14–22.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-14-22>

Авторы:

Марина Георгиевна Волнистая – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философских и социальных наук.

Эка Демурувна Коркия – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета.

Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии и социальных коммуникаций социологического факультета.

Authors:

Marina G. Volnistaya, PhD (sociology), docent; head of the department of philosophy and methodology of university education.

mgv22@mail.ru

Eka D. Korkiya, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology of communication system, faculty of sociology.

ekakorkiya@mail.ru

Agamali K. Mamedov, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology communication systems, faculty of sociology.

akmnauka@yandex.ru

Of course, a greater bias is made towards the sciences of the social and humanitarian profile. That, however, does not exclude the necessary portion of the data of natural science research. In the article these data are not used as demonstrations, but as independent meta-scientific research. We give various examples of the complementarity of different branches of science. In particular, we show the scope and relative limitation of such concepts as correspondence theory, evolutionary epistemology, socio-humanitarian cybernetics, adaptationism and neo-adaptationism. A significant place in the article is occupied by the problem of truth in artistic creation. We also give sustainable conclusions about the polyphonicity of truth and its flickering character.

Keywords: epistemology; knowledge; truth; mesocosm; socialisation; creation; design; adaptation; coherence; enactivism; synergy.

The many faces of history show us non-linearity and unpredictability of social development. Disillusionment becomes more and more common in the very process of cognition, in the rationality of reflection. There has occurred a certain split in man himself. On one hand is our dear physical reality, on the other is our rational understanding of it, which is affected by a number of ever-changing factors. This splitness puts the questions of the accuracy of our knowledge at the forefront, together with questions on the boundaries of delusion and the polyphony of our views. The life of people as a social-tribal being with its vicissitudes and a wide palette of variations is cognition. An individual realises their self through evolutionarily developed abilities to navigate and adapt (individually or collectively) to the environment. The picture of the world, which is constructed inside the mind of a man, the knowledge that he acquires is not and can be neither a homomorphic copy of reality nor the result of an ad libitum conversion. Cognitive skills are involuntarily determined by the three-dimensional world, which people learn and transform using their natural abilities. The truth, paradoxically, is corporeal, because it is framed by the possibilities of human cognition as a mesocosmically real being [1]. At the same time, in the cognitive mechanisms of living beings, there is a vector for the ultimate freedom of the results of perception from the introduced anthropological factors, and for consciousness, this comes from arbitrary or illusory constructs.

In the process of cognition and the corresponding cognitive practices, people deal with themselves, first and foremost, because any information is received through their cultural filters developed in the process of searching and developing as people. The world is comprehended through complex processes of idealisation, abstraction, mortification and coarsening. These models are determined by the boundaries of their knowledge in a given segment of their social life [2]. This thesis is especially relevant for social sciences because here the researcher builds a picture of the world, which is determined, first of all, by its mesocosmic position. It should be recognised that people as a whole, by their non-alternative socialness, are always looking for social guidelines and ways to adapt to the world. The person looks into the world and sees his face: generally speaking, the picture of the world to a certain extent bears the stamp of the personality of the subject creating it [3].

In social cognition, to a great extent (although it's the same in natural sciences), people perceive the world by literally letting it pass through their soul (M. Scheller, F. Jacobi), their cultural capital. J. Ortega y Gasset noted that Cartesian man was antipathetic to history and subjective experience because at the time man did not act «more geometrico».

Existential problems are already by definition eternal, they are pondered time and time again depending on the needs of the cultural space and the personality of the researcher. It is no coincidence that respected thinker of the 20th century B. Russell marked dialogical substantivity of philosophy, where the acquired answers are not as important as the questions that are generated in the process of pondering, in reflection. Humanitarian reflection is the answer to eternal questions in a historical and cultural context. At the same time, scientific theories, if they wish to remain scientific at their core, are neutral to all kinds of versions of ontology, epistemology, and axiology. Thus, depriving themselves of the general potency of teleology, the value of interpretation, and hermeneutics, the exact sciences (a term the author disagrees with) have substantially constricted their field of influence.

In socialisation or self-creation of personality, people try to: know him or herself, for they are in search of their *I*, their identity, which simultaneously lies in their creative hands and is constantly slipping away from them. Secondly, they seek to understand themselves, to interpret themselves in the *I Am the World* system. Third, they construct their lifeworld and themselves. Every moment of cognition is burdened by the past and fraught with future (G. W. Leibniz).

In literary creation, reality undergoes further metamorphoses. It is multi-layered and discrete, the past, present and future are superimposed on each other, mixing into wonderful metaphorical constructs (M. Proust: «Today is yesterday's tomorrow, or tomorrow's yesterday»). A writer, similarly to M. Chagall's «Blue violinist», offers the reader to travel to polyphonic virtual worlds of characters, where history isn't conventional, but fantasy as seen by the writer. Consequently, a single truth, as it was in the medieval discourse, does not exist, but a multitude of truths are presented. Truth as its product is created and arbitrarily declared by the author (for example, N. V. Gogol's devil in «Christmas eve»). The narrator departs from reality, but all his fantasies are

generated by reality, which means that they are true or may be true (S. Dali, «Premonition of civil war»). They remain just words, an image and a correlative, and not the actual reality. Thus, words are more real than reality itself, because words are expressed, published. Meanwhile, the reality is a moment of being, it mimics, can be interpreted in different ways and in different systems (F. Kafka, «Angels don't fly»).

The assertion that people design themselves and their world inevitably leads to the question about the rules and boundaries of free construction of reality. Even I. Kant in his «Critique of pure reason» (1781) raised the question of the boundaries of the intelligible world and further strictly divided the world of noumena and phenomena [4].

According to the classical – based in antiquity – correspondence theory of truth, the truth is the correspondence (or rather adequacy – authors' note) of knowledge to an object. Knowledge is the cognitive attitude of people to their environment. In the process of active converter (I. G. Fichte, «Wissenschaftslehre») activities, people know the world through transforming it, when processing information coming from the outside (think G. W. Leibniz's marble analogy). Knowledge corresponds, at least it should, to the object, since the subject itself is the result and the actor (one of) the transformation of the world, which lets the subject survive. Acquired human knowledge and experience (religious and artistic as well) have unconditional adaptive value, they form the necessary first social capital and skills in search activity and social orientation. Cultural practices as an element of practical transforming activity also become an integral adaptation segment, through games, imitation, and comprehension [5]. Also, even religious symbolic actions and rituals (prayer, singing, meditation, austerity, etc.) support different systems of self-control; awareness of the sacredness of such practices unites social groups.

Non-adaptationist approach (F. Vuketych, F. Varela and U. Maturana) defines people as an operationally closed system, actively «tasting the world», rather than a «claymation», flexible yet passive or a J. Locke tabula rasa. It is proclaimed that it is wrong to regard truth simply as a form of adaptation, and the result of adaptation practices [6], to it we must add the provisions of constructivism. Whilst being one – absolute and unchanging – the truth, writes J. Ortega y Gasset, cannot be the property of our abilities, perishable and transient [7].

E. Oeser, within his paradigm, advocates that evolutionary epistemology is not as adequate as the coherence theory of truth, defining it as the theory of evolution theory of the truth of coherence, which refers to «diachronic coherence of areas of knowledge, which is based on the logic of successive cognition processes, which precedes the logic of the products of cognition

(statements and systems of statements) since it is already rooted in the structures of the human cognitive apparatus as something genetically a priori»¹ [8].

According to this position, the reality is fleeting and discrete. A subject can only cover a small portion of the elusive moment of life, and therefore we are – in the sense of coherence theory of truth – never have clear unbiased access to the truth. Our knowledge is inadequate, it is not a mirror of reality, nor is it isomorphic. Therefore, we rely, as there are no other options, on the knowledge that has been formed throughout the history of man as a species, i.e. on the diachronic coherence of the development of knowledge. For each individual there is an innate metric of the probability of expectations of obtaining a certain knowledge, cognitive optics, which developed in the process of living and acculturation; this is optimal for the real functioning of the cognitive system. Oeser draws on H. Lorentz's fundamental thesis in evolutionary epistemology that ontogenetically a priori knowledge is phylogenetically a posteriori. Evolutionary epistemology can be viewed as an attempt to explain the a priori structures of our knowledge through evolution and «to dynamise» these structures [9].

The classical correspondence theory of truth is based, according to A. F. Oeser, on the concept of empirical realism, which is characteristic of the old paradigms such as the classical mechanics of I. Newton («Hypotheses non fingo / I frame no hypotheses»). To a greater extent, hypothetical realism is removed from reality, which presupposes not only the ontological existence of reality but also the problem of its adequate reflection. The following is a position shared by Oeser and it is internal realism with the actualisation of the coherence theory of truth, which is characteristic of theories of nonclassical or post-nonclassical rationality.

In the scientific matrix of a coherent theory of truth and understanding of the conditionality of the results of human cognition by its place in the process of cosmic evolution, evolutionary epistemology reveals the roots of some delusions of the collective human mind. It reveals the mesocosmic roots of erroneous conclusions and ideas, cognitive failures (a certain tolerance of convention) of the science of that time. It is worth noting that even the discarded scientific concepts that no longer have the conductive correlate, in reality, can hardly be called completely false, because the diversity of life (primarily social) provides the researcher with a wide range of interpretations and a field of further scientific research (Feyerabend's principle of proliferation).

G. Vollmer, the author of the evolutionary theory of knowledge, shows that our perceptual illusions, intuitive erroneous judgments, and expectations are programmed mesocosmically. The delusions of the collective

¹ Hereinafter translated by M. V., E. K., A. M.

human mind, fundamental in the history of science, have a mesocosmic origin [10].

From the point of view of evolutionary epistemology, the cognitive activity of living beings is determined by the peculiarities of their bodily organization. The fact that the human mind does not mirror the world was shown by F. Bacon in his work «The idols of the four idols of the mind criticism». Idols of the genus are something present in human nature, in each of us as a representative of the species *homo sapiens*. This is due to our certain bodily organization, evolutionarily developed adaptation to the world, to the so-called mesocosm, as the evolutionary epistemologists of the L. Altenberg school of philosophy say; some aspects have also been highlighted by the General system theory creator, L. von Bertalanffy.

The human eye is adapted to a particular optical window, which is a quite narrow spectrum of electromagnetic waves that can be sensed by the retina of the human eye. Likewise, humans hear only in a strictly defined acoustic window; it lacks the potency to perceive ultrasonic signals that some animals use in the process of communication. A priori knowledge is not arbitrary pre-experience knowledge but is a product of historical development.

In what is now an in-style book, «Head against the wall. Biological limitations of thinking» R. Riedl notes, that our cognitive abilities are framed by dynamic boundaries of preformed cognitive abilities. R. Riedl calls attempts at cognitive leaps Munchausen-esque or metaphysical aspirations of epistemological science.

Completeness and successful learning outcomes are based not only and not so much on linguistic and logical coherence, as on the current functional coherence abilities of the human brain as a self-referential system. That is formed as a result of the evolution of natural functional coherence mechanisms and technologies of cognition.

One of the most influential modern concepts in cognitive science continues to develop the ideas put forward by the founders of the evolutionary epistemology of K. Lorenz's social circle. We are talking about the concept (F. Varela, et al.) of incarnated, or bodily, knowledge.

Knowledge is bodily, it is embodied, directly pre-determined by physical human investment, due to the elaborated mesocosm abilities at reflecting reality. The known and the how it is known depend on the body structure and its specific functional features, social orientation and movement in space. There are bodily threads that control the mind.

In the matrix of modern epistemological research, it is postulated that cognition as a complex process is not only the embodiment of the logic of unsurpassed intellectual rigour but also bodily affected and determined by bodily capital.

When defending the unity of body and spirit, M. Merleau-Ponty remarked that the spirit is the other side of the body. It is firmly embedded in the body, anchored in it. People perceive themselves bodily: «I am not in front of my body, I am not in my body, rather I am my body».

F. Nietzsche in 1881 emphasised the «human, all too human» understanding of the truth: «We philosophers... we must constantly give birth to our thoughts out of our pain and maternally endow them with all that we have of blood, heart, fire, pleasure, passion, agony, conscience, fate, and disaster. Life – to us, that means constantly transforming all that we are into light and flame, and also all that wounds us; we simply can do no other» [11].

The corporality of consciousness is closely related to the idea of its situationality. Corporeal means territorialised, located in a certain space of life, which is topologically and temporally structured. The cognitive system is built-in, rooted both internally – in the material neural substrate that provides its activity, and externally – included in the external situational physical and socio-cultural environment. It is impossible to understand the cognitive and creative activity of people, if we abstract from the subject of cognition as a living organism, which is included in a certain situation that has a peculiar configuration, i.e. operating in environmentally defined conditions. Every cognitive act expands into a certain situation with certain topological properties; it is realised here and now.

Body consciousness is not just active, it is enacted: consciousness performs its cognitive functions in action and through action. Through actions, motor activity, the cognitive abilities of a living organism are formed both in ontogenesis and in phylogeny.

The sensorimotor meaning of the bodily *I* is demonstrated by the psychologist D. Legrand – the bodily *I* not only observes actions from the outside and is not just the instigator of actions, it in itself is feeling and action. The body is the point at which action and perception converge... At the bodily level, having pre-reflective self-awareness means experiencing the coherence of action and perception.

Cognitive activity in the world creates the environment itself in relation to the cognising subject – in the sense of selection, picking out and by the cognising subject from the world which corresponds to his cognitive abilities and attitudes. F. Varela connects enaction with the well-known concept of the event by the German thinker M. Heidegger, namely with the double conditioning of the act of birth as being and as historicity. Enaction is an event, i.e. joint and coordinated being of the subject and the object cognizable by him, their coherent and iterative birth and coordinated transformation.

So, it is impossible to understand the work of the human mind, the cognitive abilities of the human intellect, if the human mind is abstracted from the

organism, its corporeality, the ability to perceive in a certain way through the senses, an organism included in a special situation, an environment that has a certain configuration [9]. The mind exists in the body, and the body exists in the world, while the bodily being acts, hunts for something, reproduces itself, dreams, imagines.

The world around us, as F. Varela noted, can be characterised not by means of attributes, but by means of potentials that are revealed, actualised by means of people's involvement in the world, the so-called enaction. One of the decisive arguments in defence of the plurality of truths and, accordingly, the plurality of realities of living beings is based on the idea that every living being, and man to the highest degree, not only reflects the world but also actively builds and constructs it. All this leads us to the problems of constructivism – a very relevant topic for reflection in philosophy, psychology, psychotherapy, and communication theory.

Constructivism began to develop actively in the theoretical reflections of the Modern Age, in the views of G. Vico and G. Berkeley, who have focused on the knowing and the thinking subject in the matter. G. Vico's maxim sounded like this: A person can know only what he knows, i. e. in the process of his knowledge of the world, a person turns only to his own experience and rethinks only this experience. Berkeley, who drew attention to the concept of being, or existence, argued that «to be is to be perceived», that the subject can only access the content of his consciousness, and the world of experience is only the world of knowledge. In this way, the subjects deal in the process of cognition and activity with themselves, they cannot get away from themselves. To a certain extent, this fits in with Voltaire's position «I am a body and I think». The subject is constantly revolving in the circle of his own experience. The German classics I. Kant and J. G. Fichte can also be referred to as constructivists. Reason displays, according to Kant, spontaneous and autonomous activity: it shapes and constructs experience. *The I*, according to Fichte, is busy and active. From *the I*, on the basis of *the I* appears *the non-I*; *I* and *not-I* combine with each other and form each other. *The I* creates the romantic German landscape of forest and mountains that *the I* perceives, but *the not-I* also creates and shapes *the I*.

Representatives of the humanitarian wing (not an oxymoron – authors' note) of cybernetics H. von Foerster, G. Bateson, P. Watzlavik, and the creator of genetic psychology J. Piaget can be seen as successors to the ideas of constructivism. This kind of naturalistically based constructivism thus arose from evolutionary approaches in epistemology and cybernetics, especially from the so-called cybernetics of cybernetics, or second-order cybernetics, i. e. cybernetics as a theory of knowledge. Since people actively build and create the world around them, the idea of truth and its criteria

changes radically. Truth is what serves the adaptation and survival of the human body. That which is viable, that which promotes social adaptation and orientation, is the truth.

Constructivism as a theoretical concept finds substantiation in cybernetics, more precisely. The two basic concepts of cybernetics – cyclical causality and structural conjugation of systems – are commonly used in constructing the concept of radical constructivism, in the form, for example, as constructed by E. von Glasersfeld. Cyclic causality is the basis of the concept of homeostasis, i.e. negative feedback, through which the system can return to a state of equilibrium, despite the constantly present internal and external disturbances, and maintain its integrity. Homeostasis mechanisms underlie the self-maintenance of a complex human body and the functioning of automata, as well as many technical systems studied by cybernetics. Meanwhile, synergetics studies different types of connections: not only negative feedbacks that ensure self-maintenance and preservation of integrity, but also nonlinear positive feedbacks that provide a very rapid, avalanche-like development of complex systems.

Cyclic causality determines the property of self-reference. Any self-organising system of inanimate or living nature or society organises itself, being separated from the surrounding world (maintaining its integrity) and built into it, open to it (openness as a condition for self-organisation). A living being (a living organisation) realises itself as a living system through the production of its operations, it, as *causa sui*, recreates itself (autopoiesis). The subject and the object of cognition are also linked by feedback, the subject is inscribed in the environment, and the environment is inscribed in it. They create, and in the process of this collaboration create each other. Knowledge flows not just from the subject or the object, but from this bundle of subject & object.

The second concept, which has received significant development in the theory of autopoiesis by H. Maturana and F. Varela, is the concept of structural conjugation of the organism and the environment of its activity, the subject and the object of cognition. In the cyclic process of mutual determination, the subject and the object of cognition turn out to be mutually adjusted, adapted to each other, they have undergone the process of co-evolution, otherwise, there would be no survival. The subject is not only open to the environment but also operationally closed, which enables it to maintain its identity [12].

On the basis of these two concepts, the concept of H. von Foerster derives radical conclusions that everyone is in the closed world of their own, because they develop and construct their reality, and thus the concept of truth is the invention of a liar. Therefore, the goal of cognition is not the search for truth, but its very

process, just as dance arises in the process of dancing and is a self-fulfilling goal.

The fundamental idea of cybernetic thinking is the idea of cyclicity, feedback, self-reference, and self-structuring. No system could survive without the ability to maintain and reproduce its behaviour and its organisation. There is always a cyclical moment in self-organisation: it is, in fact, the organisation of the organisation. The consciousness of consciousness is self-awareness, and understanding of understanding is self-understanding. The world around us in the form in which we perceive it is our invention. Instead of worrying about external reality inaccessible to us, it is wiser to focus attention on the world that we build in the process of interaction and communication with other people, on the world of our experience.

According to Heinz von Foerster, everything that is said is said by an observer (because there is no observation without the subject). Descriptions are always self-descriptions. The question that is asked, as a rule, already contains the answer that can be received. Therefore, he recognises as legitimate only those questions that are pure: for him, there is no ready-made answer.

In 1974 this brought H. von Foerster to the development of the original concept of cybernetics of cybernetics, or second-order cybernetics. Indeed, cybernetics is defined by the isolation area of research which, unlike traditional disciplinary areas, acquires the property of self-applicability. Cybernetics itself (a term introduced by the physicist A.-M. Ampère in the first half of the 19th century) is the research subject in cybernetics. «Cybernetics of the first order separates the subject and the object, it points to the supposed independent world out there, outside of us», notes H. von Foerster. «Cybernetics of the second order is in itself cyclical: people learn to understand themselves as a part of the world, of the world that they intend to observe. The whole situation of description shifts to another area in which people are suddenly forced to take responsibility for their observations» [13]. In an effort to develop second-order cybernetics H. von Foerster is, undoubtedly, following the ideas (sometimes quite paradoxical) of G. Pask, whose research goal was on the need to humanise cybernetics, actualising it in arts and everyday life.

«We do not reflect, but invent and design the world», H. von Foerster notes [10]. «We are not able to find out what the reality is. Therefore, we are constantly reinventing and reconstructing our reality and our present being. Since the world is our invention, each of us is cognitively alone, and hopelessly at that. For each of us perceives and comprehends the world to the extent of our own cognitive capabilities. Everyone masters and activates their own world for themselves, constructing their own reality. The concept of truth is a real chameleon in the history of science, which always takes on different colours – in accordance with the position of the

one who uses it. Therefore, the goal of cognition is the process of cognition itself» [9]. Buddhists are right when they say that you pave your path while moving along it because the path is not something eternal and predetermined. The path appears at the moment of movement, the road is laid in the course of moving along it. The constructive theory of knowledge is determined by people's curiosity about the world; it is a doctrine of curiosity.

Developing an original cybernetic epistemology, the Anglo-American psychologist Gregory Bateson introduced the phenomenon of looping and loop structures. The researcher, in practice, substantiates the theory of nonlinear cyclical causality, ambiguity and retroactivity of relations that are established between the individual mind and its environment. With regard to the meaning of the message, he spoke about a double bond and a double order. That is about the text and context of messages which can be directly opposite to each other. The subject in this case lives simultaneously in two different worlds, operates with two different, sometimes directly opposite, truths.

The individual mind transcends its bodily certainty and dissolves in its ecological environment, in the networks of the collective mind. The individual mind is immanent, but not only to the body but also to circuits and messages outside the body. There is also a great Intelligence, in which the individual intelligence is only a subsystem. G. Bateson further developed the ideas expressed by another cyberneticist W. Ross Ashby in the 1940s.

P. Watzlawick's basis for constructivism in «The invented reality» (1984) is usually presented in the following quotes. We construct reality while we assume that we perceive it. What we call reality (individual, social, ideological) is an interpretation constructed through communication. The patient is enclosed in a systemic structure that makes up their world. Therefore, therapy should be to destroy this structure. By changing the way the patient sees the world, other people, and themselves, we awaken their strength to overcome the disease: It is impossible not to manipulate. The attending physician also manipulates, destroys the patient's structures, invents a reality that can become a new positive reality for the patient, in which their health condition will improve.

From P. Watzlawick's point of view, there is no single reality. What exists are different versions of reality, which may even contradict each other. The proposed psychotherapeutic method «Be spontaneous!» means a call to play with reality, to soft mutual adjustment to the surrounding world, to create oneself and the world in order to better adapt to it.

P. Watzlawick built his constructivist theory of communication on the following axioms.

1. It is impossible not to communicate. Every behavioural act entails communication.

2. Any communication has two aspects: the content and the ratio (manner, transmission code). Moreover, the second aspect is in a sense metacommunication («the how» of communication is more important than «the what» of communication).

3. The nature of the relationship (approval, opposition, denial) depends on the placement of pauses in the sequence of acts of communication between partners. To establish a harmonious relationship, one should find means to renew the relationship. The most unbearable thing is to be ignored.

4. Human beings use two methods of communication: digital (complex logical syntax with a lack of semantics) and analog (using images, personalised stories, word games, quotations, reformulations with rich semantics).

5. Any communicative exchange is symmetrical or complementary, depending on whether it is based on equality or difference.

The advantage of this position is that constructivism expands the space of the possible. It allows us to play freely with reality and with our experience, which was expressed by I. Kant in his idea of imagination as a productive ability of cognition. Imagination opens up a set of possibilities in any thing or event, as well as shades or perspectives of a different vision. The world appears to us in a free suspended state, we can rebuild it at our discretion, experiment, and wait for a response from it.

Secondly, constructivism emphasises the importance of creating meta-reality in the communication process (which was pointed out by P. Watzlawick), in which the attitude plays a greater role than the content transmitted.

Thirdly, constructivism focuses on the possibility of constant and active creation of reality and oneself, individual emergence, the dissolution of the subject's self in the world around them, in the activity, in the communication networks that they create and which then create them.

The main drawback of the position of constructivism is that the subject of activity, actively creating reality and building themselves in interaction with it, does not meet any resistance from reality, it gets stuck in reality, without noticing the boundaries between own experience and reality as such. It's not just reality that gets stuck, but also the human experience. Facts, as we all know, are stubborn things, but if people question the facts themselves (lat. *Factum* – something is done or made), if facts become hypotheses, then it becomes a «do what you want» situation. People cannot escape from themselves, go beyond the boundaries of their experience, their perceptions and thoughts. They look into the world, and see in it, as in a mirror, themselves, albeit in a different way. Everything is *the I* and everything is *not-I*, everything is a product of my works and imagination.

The criticism of radical constructivism, on the one hand, comes from the position of evolutionary epistemology, and on the other, from the position of nonlinear dynamics and synergetics.

K. Lorenz and his pupils R. Riedl, E. Oeser, G. Vollmer, and F. M. Vuketic showed that knowledge and perception are not the result of an arbitrary construct of the world. This is a form of adaptation of a living organism to the surrounding world, developed by a long evolutionary path. G. Vollmer, being close to the L. Altenberg circle of evolutionary epistemologists, holds the position of hypothetical realism. The window to reality that opens to people (a certain optical window, a certain dormer window) is a mesocosmic window. The mesocosm is a world to which man is evolutionarily adapted. J. Piaget, too, generally speaking, was not inclined towards radical constructivism and called his position ontological minimal realism.

In the very cognitive mechanisms of living beings, a vector is laid for the maximum possible purity of the results of perception from what is introduced, including concrete bodily factors, and consciousness – from its arbitrary, subjective structures. K. Lorenz calls this important phenomenon objectification. The possibility of objectification is a way out of the endless circle of recursion and mutual subject-object determination. Whenever we manage to explain the origin of any element of our experience through internal, subjective processes or states and exclude it from our consideration of super-subjective reality, we in our knowledge come one small step closer to what exists independently of our knowledge. Our picture of objective reality is built exclusively from such steps. The material world, divided into objects which we perceive, arises only through the fact that we abstract from the subjective and the accidental. Something that allows us to believe in the reality of things is ultimately the constancy with which certain external influences appear at the same time and in the same regular connection with each other in our experience, despite all the changes in the perception of conditions and internal conditions of our selves... Therefore, activities related to abstracting are called objectifying and the act of cognitive activity is called objectivation. K. Lorenz's position can be summarised as follows, objectivation acts on the primary level of physiological mechanisms of perception and it largely formed conceptually thinking (K. Lorenz, «Behind the Mirror»). It is postulated, that the objectified perception of surrounding space peculiar to man is not given a priori, it is formed and determined in the process of acculturation of living space.

K. Lorenz also spoke about deliberate rational objectification, which continues non-reflective physiological objectification, which brings us to the religious aspect of the problem, which has not received significant interest in science. E. Knyazeva notes: «Religious asceticism, in our opinion, is not some kind of whim or

experimentation with one's own body, but a reflection of a deep spiritual and bodily need of people, which fits into the general series of the phenomenon of objectification and deserves serious consideration within this framework. The bodily approach, which has taken the direction (and rightly) of introducing the body into the focus of analysis; thus, we must take into account this need as a significant counterfactor» [9].

Criticism of radical constructivism also comes from the side of synergetics, where H. Haken designated the position as reality-based constructivism or constructivist realism.

According to synergetics, we do have real limitations of our potency, not all of us can do deus ex machina-type feats in this reality and sculpture it as we please. Reality is not infinitely flexible and cannot voluntarily bend under the actions of people, but there are boundaries of both constructivism, and, moreover, voluntarism. The constructive and creative activity of people, in order to be successful, must be guided by natural limitations in the form of their own ways of co-evolution of complex systems, the spectra of their structures-attractors, which are determined by the internal properties of the complex systems themselves, the surrounding world itself. It is possible to realise, design, build, but only what is determined and consistent with internal tendencies.

The synergistic vision of the subject-object connection is such that the subject of cognition with certain attitudes and constructs of consciousness constructs the surrounding natural and social world not at random, but «hits the keys of the possible». Strikes on the keys (according to the established rules) – the carving of new forms, awakening the world to its own new life, a trigger for the beginning of the self-organisation processes.

Using cognition to try to enter into the nature of being, people with their consciousness make irreversible and inevitable changes to it, as shown in non-classical science, in quantum mechanics in early and then late 20th century, and in nonlinear dynamics and synergetics. People become accomplices from the conjugated process of the birth of nature, the process of their development in it.

The possibility of knowing the world in principle, its mesmerizing intelligibility, is connected with the fact that all the elements in the Man and the World System as a complex dynamic structure co-evolve when entering into a complex process of collaboration. Adaptation is multivariant and active: man converts, probes, samples, and experiences the world and waits for a response from it; thus, designing themselves and their mesocosm world. Coevolution at the biological level is associated with the formation of ecological niches, and at the level of human cognition and activity – with the formation of cognitive niches that fit into cognitive landscapes.

I. Kant (and before him, Nicholas of Cusa, and then mathematician É. Galois wrote about the proportionality of knowledge and ignorance) spoke about the impossibility of absolute delusion. All knowledge, our knowledge is always enclosed in ignorance, noted Professor V. Nalimov [14, p. 19]. Ch. Darwin completed his theoretical work by defining the scope of applicability of the theory, denoting, in fact, things-in-themselves, the border of the intelligible world. Theories and concepts rejected in the course of the historical development of science, contain a certain fraction of truth, and were applied in human activities. They were the primary form of human adaptation to the world and its survival in it.

Thinking is nothing other than the adjustable teleological and evolutionarily asserted delusion. It is in this delusion that insight and new viewpoints appear. From dead-end branches of knowledge emerge unorthodox scientific constructs, a symbiosis of new hypotheses (I. Pavlov on the light at the end of the tunnel).

The multivariate process of coevolution, as a result of which a stable mechanism of objectification of the results of cognition has been developed, is subject to constant change, i.e. it evolves and develops in accordance with the challenges of the time. The world has become more complex and vaster before our eyes. We began to suspect that history and life cannot and should not be governed by principles, like books on mathematics, said J. Ortega y Gasset [7].

Библиографические ссылки

1. Мамедов АК. Логика социального познания (Поппер vs Маркс). *Социология*. 2016;3:8–19.
2. Ленин ВИ. *Философские тетради*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1947. 469 с.
3. Мамедов АК. *Эпистемология социального познания*. Москва: КАНОН+; 2017. 224 с.
4. Кант И. *Сочинения*. Том 3. Москва: Мысль; 1964. 780 с.
5. Тард Г. *Законы подражания*. Москва: Академический проект; 2011. 302 с.
6. Вукетич Ф. Эволюция и познание: парадигмы, перспективы, проблемы. В: Князева ЕН, редактор. *Эволюционная эпистемология. Антология*. Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив; 2012. с. 275–314.
7. Ортега-и-Гассет. Х. *Избранные труды*. Руткевич АМ, составитель, редактор. Москва: Весь мир; 1997. 704 с.
8. Эзер Э. Динамика теорий и фазовые переходы (в связи со схемой научной эволюции по Карлу Попперу). *Вопросы философии*. 1995;10:37–44.

9. Князева ЕН. Понимание истины в эволюционной эпистемологии. В: Касавин ИТ, Князева ЕН, Лекторский ВА, редакторы. *Истина в науке и философии*. Москва: Альфа-М; 2010. с. 357–384.
10. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. Москва: Русский Двор; 1998. 256 с.
11. Ницше Ф. Веселая наука. В: Ницше Ф. *Сочинения. Том 1*. Москва: Мысль; 1990. с. 491–719.
12. Матурана У, Варела Ф. *Древо познания: биологические корни человеческого понимания. 2-е издание*. Москва: УРСС; 2019. 320 с. Совместно с издательством «Ленанд».
13. Foerster H von. *Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer; 2003. 374 p.
14. Налимов ВВ. *Спонтанность сознания*. Москва: Прометей; 1989. 288 с.

References

1. Mamedov AK. Logic of social knowledge (Popper vs Marx). *Sotsiologiya*. 2016;3:8–19. Russian.
2. Lenin VI. *Filosofskie tetradi* [Philosophical notebooks]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1947. 469 p. Russian.
3. Mamedov AK. *Epistemologiya sotsial'nogo poznaniya* [Epistemology of social cognition]. Moscow: KANON+; 2017. 224 p. Russian.
4. Kant I. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Mysl'; 1964. 780 p. Russian.
5. Tarde G. *Zakony podrazhaniya* [Laws of imitation]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 302 p. Russian.
6. Vuketic FM. [Evolution and cognition: paradigms, perspectives, problems]. In: Knyazeva EN, editor. *Evolutsionnaya epistemologiya. Antologiya* [Evolutionary epistemology. Anthology]. Saint Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives; 2012. p. 275–314. Russian.
7. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Rutkevich AM, compiler and editor. Moscow: Ves' Mir; 1997. 704 p. Russian.
8. Oeser E. [Dynamics of theories and phase transitions (in connection with the scheme of scientific evolution according to Karl Popper)]. *Voprosy filosofii*. 1995;10:37–44. Russian.
9. Knyazeva EN. [Understanding truth in evolutionary epistemology]. In: Kasavin IT, Knyazeva EN, Lektorskii VA, editors. *Istina v nauke i filosofii* [Truth in science and philosophy]. Moscow: Alfa-M; 2010. p. 357–384.
10. Vollmer G. *Evolutsionnaya teoriya poznaniya. Vrozhdennye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki* [Evolutionary theory of knowledge. Inborn structures of cognition in the context of biology, psychology, linguistics, philosophy and theory of science]. Moscow: Russkii Dvor; 1998. 256 p. Russian.
11. Nietzsche F. [The gay science]. In: Nietzsche F. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Mysl'; 1990. p. 491–719. Russian.
12. Maturana U, Varela F. *Drevo poznaniya: biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: biological roots of human understanding]. 2nd edition. Moscow: URSS; 2019. 320 p. Co-published by the «Lenand». Russian.
13. Foerster H von. *Understanding. Essays on Cybernetics and Cognition*. New York: Springer; 2003. 374 p.
14. Nalimov VV. *Spontannost' soznaniya* [Spontaneity of consciousness]. Moscow: Prometei; 1989. 288 p. Russian.

Received by editorial board 23.11.2020.

ЭТИЧЕСКАЯ ДИЛЕММА ИНВЕСТИЦИОННОГО ГРАЖДАНСТВА

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Выявляются социально-философские основания суждения о феномене инвестиционного гражданства в креативном обществе с этической точки зрения. Демонстрируются различные способы оценки развития формы и содержания инвестиционного гражданства в качестве социального и морального прогресса или регресса. Раскрыта парадоксальная природа выбора представителей креативного класса между этически обоснованной возможностью инвестирования в выгодное для индивида гражданство и необходимостью его ограничения с моральной точки зрения европейского сообщества, выражаемой в публичном пространстве и официальном политическом дискурсе ЕС.

Ключевые слова: инвестиционное гражданство; супергражданство; креативное общество; консьюмеризация гражданства; креативный класс; этическая дилемма; этическая оценка.

THE ETHICAL DILEMMA OF CITIZENSHIP BY INVESTMENT

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article reveals socio-philosophical basis for judging the phenomenon of the citizenship by investment in the creative society from the ethical perspective. Different ways of assessing the development of forms and content of the citizenship by investment as social and moral progress or regress are demonstrated. The paradoxical nature of the creative class choice between a sound possibility to invest into the beneficial citizenship and a necessity of its limitation from the moral point of European community view, expressed in public space and the EU official political discourse, is explicated.

Keywords: citizenship by investment; super-citizenship; creative society; consumerisation of citizenship; creative class; ethical dilemma; ethical evaluation.

Введение

Развитие социальной действительности конца XX – начала XXI вв. характеризуется противоречивыми стремлениями разрушения и построения стен между различными регионами. Мир становится более открытым для все возрастающего количества обладателей символического капитала, вошедших в ядро креативного класса. Но в то же время появляются и новые непреодолимые препятствия для экономических мигрантов в различающихся

по качеству жизни странах, в том числе и для креативной элиты. Одним из возможных инструментов преодоления подобных преград для мобильности креативного класса является приобретение гражданства, позволяющего беспрепятственно передвигаться по большей части государств мира.

В условиях консьюмеризации и последующей креативизации института гражданства в интересах определенных социальных групп, демонстрирующих

Образец цитирования:

Мацевич-Духан ИЯ. Этическая дилемма инвестиционного гражданства. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:23–28.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-23-28>

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. The ethical dilemma of citizenship by investment. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:23–28. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-23-28>

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru

высокий уровень профессиональной и досуговой мобильности, зарождается исследовательское направление в теории права, обосновывающее возможность и необходимость покупки «лучшего гражданства» представителями мировой элиты, формирующей ядро креативного класса. Одна из причин введения новой категории гражданства, с точки зрения ее создателей, заключается в том, что «большинство гражданств не являются достаточно хорошими, оказывают негативное воздействие на жизнь их обладателей как внутри, так и вне страны гражданства»¹ [1, р. 9].

Гражданства существенно различаются по качеству, поскольку наделяют каждого индивида определенным *статусом*, тем самым предоставляя ему разные уровни свободы передвижения и получения достойного образования, достижения богатства, поддержания здоровья и в целом перспектив жизни. Се-

годня активно формируется специализированная коммерческая инфраструктура для приобретения гражданства, которая не всегда поддается управлению и контролю со стороны как государственных, так и международных организаций. Дискуссия о приемлемости такой деятельности и поиске аргументов за и против нее выходит за рамки национальных и государственных интересов и оказывается в 2019 г. в центре внимания Европейской комиссии [2; 3].

Данная статья рассматривает возможность критически оценивать инвестиционное гражданство даже в предельно толерантном креативном обществе. Любая форма жизни поддается аргументированной критике [4], а ее оценка может быть обоснована либо опровергнута в той мере, в какой форма жизни претендует на валидность, заявляет свое право на существование в нормативном поле общественной жизни.

Клуб «суперграждан»

Изучая топографию «индекса национальностей» [5], можно прийти к выводу о возможности создать универсальную карту «распределения уязвимости», руководствуясь вопросом Дж. Батлер: «Чи жизни больше погружены в ощущение бренности и ранней смертности?» [6, с. 52]. Выделим одним цветом некоторые регионы (обозначим их как как «сносная жизнь» [6, с. 44]), а оставшиеся закрасим другим.

Индекс «качества национальностей» [5], с точки зрения его создателей, демонстрирует первый объективный *рейтинг гражданств* в мире на основе компаративного анализа внутренних (таких как экономический рост, развитие человеческого капитала, обеспечение мира, стабильности и безопасности) и внешних факторов (в том числе безвизовый проезд в определенное количество стран, возможность проживания и работы за рубежом без каких-либо ограничений, касающихся иностранцев, и др.). Согласно данным 2018–2019 гг., гражданство Республики Беларусь имеет «низкое качество», Российской Федерации – «среднее качество», стран Европейского союза – «очень высокое качество» [5].

У читателей подобных текстов с красочными графиками, диаграммами и таблицами международных рейтингов может и должно возникнуть ощущение неоправданной дискриминации в пользу искусно подобранных статистических показателей. Но является ли язык статистики достаточным обоснованием необходимости покупки «сносной жизни»? Международная оценка качества жизни в конкретном регионе мира является условной и детерминированной социально-культурными антиципациями (*anticipations*), ожиданиями, верованиями

и традициями [7]. Что касается свободы передвижения, то едва ли для большинства индивидов наличие паспорта стран первой десятки рейтинга является гарантией ее обретения. Кроме того, в ситуации мирового экологического кризиса императив гипермобильности все чаще подвергается обоснованной критике. Приемлемый аскетизм экоактивистов демонстрирует альтернативные способы знакомства с окружающим миром и улучшение качества жизни в определенном месте. Подобный стиль жизни предъявляет свои аргументы против инвестиционного гражданства, которое создает дополнительные риски для стабильности экосистемы.

В этом контексте возникает вопрос о том, можно ли рассматривать продажу гражданства как проявление *эрозии* существующего *морального и социального порядка*. Если ее нельзя осуждать с точки зрения морали, можно ли подвергнуть ее критике с помощью *вкуса*? Подобно тому как К. Маркс в третьем томе труда «Капитал» называет частную собственность чем-то безвкусным (*abgeschmackt*), немецкий философ Р. Йегги рассматривает возможность оценки некоторых форм жизни с точки зрения вкуса в категориях вульгарного, пошлого, презренного, отвратительного, слегка забавного, несоответствующего, обесцененного, нестильного и др. [8, р. 21–22]. Любого рода временное и ситуативное общественное соглашение, укорененное в *этосе*, склоняет индивида к определенному суждению *вкуса*, являющему не только свою *эстетическую* природу, но и *социально-этическую*. «В этом смысле обозначение *безвкусный* отсылает к этическим основаниям, – к изменениям в протоценностях общества и, вероятно, также в их фундаментальной социальной онтологии – что делает институты и описываемые

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

практики возможными или невозможными, воспринимаемыми или невоспринимаемыми на базисном уровне» [8, р. 22].

Речь идет не только об общих эффектах маркировки, о ее справедливости или несправедливости, но и о том, что значит быть для продажи или не для продажи. Не хотелось бы рассматривать продажу гражданства как явно патологический процесс. Но на каком основании возможно оценивать вектор такого развития, как изменение к лучшему?

Ситуация обретения традиционного гражданства чем-то напоминает обряд крещения взрослого человека у католиков: нужно предварительно пройти курс катехизиса, индивидуальное собеседование с ксендзом, пройти условный тест в вопросах и ответах и только после этого получить свидетельство о крещении, подтверждающее принадлежность к католической общине. При крещении младенца процедура предельно упрощена: ему не нужно проходить испытание, а необходимо лишь физически присутствовать в определенном месте при наличии воли родителей. В момент рождения младенец еще не становится гражданином по факту одного лишь рождения. Чаще всего он становится таковым с момента получения свидетельства о рождении (хотя бывают исключения, например, в случае беженцев в отдельных регионах мира). Наделение кого-то гражданством – это практика, которая подчиняется определенным правилам осуществления данной процедуры в юридическом порядке. Данная практика призвана не только объединять граждан в общество с общими ценностями, но и *исключать* из него *чужих*, не попадающих под определение имеющейся категории, индивидов.

В этом отношении любой институт гражданства вынужден осуществлять и *дискриминационную* функцию в интересах прав и свобод тех, кого он объединяет. Некоторые исследователи подвергают обоснованной критике развитие данного института в XXI в., сводя его роль к задаче оправдания власти и осуществления давления с его помощью в интересах определенных социальных групп [1]. Если исходить из подобной точки зрения, получается, что история института гражданства берет начало из истории дискриминации индивидов по различным критериям и ее оправдания [9].

Нарратив *оправдания дискриминации* становится темой специального изучения в современном дискурсе *этики миграции* [10–19]. На демократические страны возлагаются моральные обязательства принимать мигрантов, стремящихся обрести качество жизни. Однако философы, политологи и экономисты занимают достаточно противоречивые позиции в этом споре [16; 19–22].

Американский политический философ М. Уолцер, автор концепции справедливой войны, внесшей вклад в развитие современной теории коммунита-

ризма, защищает принцип тылового иммунитета каждого государства, в том числе и в отношении миграционной политики, который может быть нарушен лишь в случаях экстренной неотложной помощи нуждающейся стороне в зависимости от скорости приближения опасности и ее природы, степени устрашающей необычности. Британский политический теоретик Д. Миллер [16] высказывает умеренно либеральное мнение частичного открытия границы с позиции защиты национальных интересов государства. Турецкий экономист Д. Родрик [22], оценивая негативные последствия глобализации и все более активное расселение человечества по разным регионам мира, выступает на стороне умеренных космополитов, предлагающих открывать границы с учетом последствий увеличения потока мигрантов для принимающей и отправляющей стран, устанавливая относительный баланс между национальными и глобальными интересами. Американский философ Дж. Каренс [13; 23] разрабатывает этические аргументы за постепенное открытие границ так называемого либерального мира по мере преодоления глобального расслоения *север – юг* и против ограничения выдачи гражданства тем, кто в течение длительного времени проживает на территории государства.

В ситуации мирового миграционного кризиса и отсутствия универсальных способов его преодоления ряд исследователей разрабатывают этические нормы регуляции миграционных потоков, которые должны касаться в равной степени всех экономических мигрантов. Р. Баубёк [14; 19] формулирует этическую трилемму сохранения уважения к ценностям социальной справедливости, индивидуальной свободы и демократического самоуправления в современном мире. Сохранение данных ценностей во многом зависит от того, в какой мере будет найден баланс между интересами принимающего государства, страны рождения мигранта и предпосылками, которые рассматриваются в качестве личных, побуждавших индивида отправиться в чужую страну. Достижение консенсуса во многом зависит от нахождения и обоснования взаимной выгоды в пределах нормативно-ценностного и юридического поля обретения гражданства конкретного государства.

Однако такого рода практика нахождения всестороннего консенсуса становится все более проблематичной с учетом роста числа мигрантов в мире. Среди этих потоков выделяется так называемая элита, которая готова платить за упрощение процедуры натурализации. С 2000-х гг. активно формируется институт *экономического гражданства*, дарующий его как исключительную привилегию тому, кто обладает определенным финансовым и символическим капиталом. В целом риторика *инвестиций в гражданство* оказывается достаточно упрощенной в своем построении и переходит непосредственно

к главному тезису, не требующему логически отточенных аргументов: «**Супергражданство** – не о границах, а о вратах возможности» [1, р. 248].

В 2018 г. Европейский парламент впервые озвучил свои опасения в отношении продвижения программ по «золотым паспортам» (инвестиционное гражданство) и «золотым визам» (инвестиционное резидентство): «Приобретение вида на жительство и (или) гражданства через такие схемы может предоставить доступ к благоприятным налоговым режимам, оно поднимает вопрос о справедливости и вызывает обеспокоенность относительно рисков» [24]. Высказывая такого рода озабоченность, Европейский парламент отмечает необходимость

проведения детального исследования экономического, социального и политического влияния подобных схем и возможных дальнейших действий ЕС в данной сфере с учетом сформулированных рисков.

С точки зрения представителей индустрии инвестиционного гражданства препятствовать данной практике на уровне общеевропейских решений и консенсусов едва ли возможно, так как ЕС не является сверхгосударством и поэтому осуществить такой замысел ему едва ли удастся. Каждое государство вправе самостоятельно решать, кому, каким образом и в каком количестве продавать (или дарить) гражданство.

О прогрессе (регрессе) инвестиционного гражданства

Исследование природы морального суждения в этике глобального странствия тесно переплетается с анализом социальной динамики сквозь призму повседневной практики. Изменения в нормативной оценке могут рассматриваться как эффект эволюции всего горизонта социальных практик и их трактовок. Моральные действия и их интерпретации оказывают влияние на весь комплекс социальных практик, подвергаются их встречному влиянию и в этом контексте оформляются. Некоторые практики, соответствующие друг другу, образуют своеобразные «созвездия практик» [8, р. 24]. Когда изменяются ансамбли практик, моральный институт может стать «странным» и начать отвергаться социальными акторами как неуместный. Формирующееся моральное восприятие действительности отражает изменения в окружающих практиках и их интерпретациях.

Рассмотрим один из примеров трансформации оценочного суждения о возможности реализации ряда социальных действий в современном публичном пространстве, когда первоначальная позитивная оценка технологического изобретения, призванного предоставить дополнительный комфорт в жизни социального субъекта, сменяется осознанием необходимости выработки строгих правил его использования. Распространение электросамокатов в больших городах сменяется постепенным введением официальных и неофициальных запретов на использование подобных транспортных средств в ряде публичных пространств мегаполисов. Человеку может быть удобно передвигаться на электросамокате, но из-за увеличения числа аварий с их участием и негативных оценок со стороны окружающих в некоторых ситуациях, из-за демонстрации критического отношения общественности к данной практике в определенных условиях индивид может отказаться от нее в нормативно очерченном контексте. Данный пример юридического ограничения права на использование технологического новшества, а также разработки норм и пра-

вил его регулирования в публичном пространстве демонстрирует, каким образом социальная практика, которая может первоначально казаться естественной и удобной для большинства, постепенно превращается в предмет критики с точки зрения общественной морали, выявляющей зыбкие основания социальной солидарности в ситуации все возрастающей технологической модернизации социальной действительности, принципов ее упорядочивания и контроля.

Нечто подобное может происходить и с социально-политическими технологиями, в том числе и с распространяющимися технологиями инвестирования в гражданство. Подобно тому как публичные оценки сдерживают кого-то в высказывании своих политических или религиозных предпочтений, общественное осуждение высказывания в публичных местах персонального желания инвестировать в гражданство другой страны может сдерживать индивида в демонстрации своей негативной оценки качества жизни в родной стране или ее гражданства. Выражение искреннего намерения приобрести второе гражданство может оцениваться в ряде случаев как недостаточно тактичное поведение в отношении окружающих сограждан. Предполагается определенный род этикета поведения в подобных ситуациях.

Изменения происходят на уровне практик и закрепляются институционально. Едва ли можно сказать, что вначале возник официальный запрет, а затем – публичное осуждение, как и наоборот. Эти процессы взаимообусловлены. Мораль аккумулирует в себе множество правил нашей повседневной практики, их переживания и интерпретации, предлагая формы их рациональной и эмоциональной оценки. Иногда индивидуальное суждение оценивается общественностью как *неправильное* с моральной точки зрения, но при этом к нему не обязательно испытывают отвращение. Определенная эмоциональная окраска появляется в конкретной переживаемой ситуации личного опыта. С точки

зрения немецкого философа Р. Йегги, одной из чувствительных к оттенкам социальных изменений теорий морали является прагматистская, так как она ищет принципы решения конкретных проблемных ситуаций.

При рассмотрении *прогресса* в качестве *изменения к лучшему* необходимо выявить оценочные рамки для вынесения подобного суждения, найти общие ссылки на разделяемые ценности. Например, можно допустить существование разновидности прогресса в *форме* развития средств для достижения цели. Но как в этом случае соотносится социальный и морально-нравственный прогресс? Подобно Аристотелю, Р. Йегги полагает, что *telos* социальной жизни – это хорошая жизнь справедливого общества. При этом последнее едва ли поддается четкому развернутому содержательному определению, так как прогресс – это «аккумулятивный процесс решения разных проблем, который не прерывается и не блокируется» [8, р. 29]. В этом смысле он всегда является *экспериментальным* процессом. Противоположный процесс всегда будет выявлять противоречия и герменевтические пробелы, обедняющие эксперимент, блокирующие его вплоть до отчуждения от коллективного действия. Во встречах с препятствиями появляются нормативные критерии для оценки и позитивного описания цели прогрессивного развития: «Вещи становятся лучше (если становятся) не потому, что

мы преследуем фиксированную и нормативно продемонстрированную цель; скорее, это материя характера самого “прогрессирования”» [8, р. 29].

Таким образом, Р. Йегги формулирует «нетелеологический подход» к прогрессу как *принципу движения*, а не его цели, так как сами проблемы, которые необходимо решать, тоже подвержены изменению. Отсюда многообразие версий изменений к лучшему. Категория *прогресса* является *оценочной категорией, критическим и аналитическим концептом*, используемым в качестве средства оценки социальной динамики. Р. Йегги соглашается с Т. Адорно, что прогресс – это одновременно и «сопротивление на всех стадиях его развития, которое не капитулирует перед постоянным восхождением на каждом новом этапе» [8, р. 29].

Используя социально-критическую модель прогресса Р. Йегги применительно к инвестиционному гражданству, можно попытаться сопротивляться его развитию с помощью оценочных суждений с позиции общественной морали. Последняя все еще заставляет современных политиков поднимать вопрос о допустимости продажи гражданства, несмотря на возможные прагматические выгоды от ее реализации для некоторых категорий субъектов [2; 24]. Данная проблема возникает не только с точки зрения национальной безопасности ряда государств, но и с позиции уважения традиции наследования и приобретения прав и свобод европейского гражданина.

Заключение

Таким образом, категория инвестиционного гражданства призвана, с одной стороны, преодолеть навязываемые первым миром условия дискриминации граждан определенных государств, но в то же время создает новую неразрешимую проблему этического характера: в каких ценностно-нормативных рамках допустимо с моральной точки зрения продавать гражданство своей страны? Дальнейшая легализация процедуры инвестирования в гражданство в большинстве стран мира во многом будет зависеть от их способности найти этически оправданные аргументы для обоснования своего решения. Аргументация со ссылкой на формирование глобального креативного класса, миро-

вой элиты «суперграждан» не находит должного оправдания в традиционном этическом поле фундаментальных ценностей европейской культуры. Очевидно, что на данный момент дискуссия в ЕС достигает той кульминации, которая должна прояснить, насколько разрешимой является обозначенная этическая дилемма на языке закона и права как ЕС в целом, так и каждого отдельного его государства. Имеющиеся расхождения в трактовке данной проблемы на общеевропейском и национальном уровнях препятствуют нахождению оптимального решения, удовлетворяющего все стороны, вовлеченные в данную дискуссию внутри европейского пространства.

Библиографические ссылки / References

1. Kochenov D. *Citizenship*. Cambridge: MIT Press; 2019. 344 p.
2. European Commission. Investor citizenship and residence schemes in the European Union [Internet; cited 2020 January 10]. Available from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/com_2019_12_final_report.pdf.
3. Kochenov D. Investor citizenship and residence: the EU Commission's incompetent case for blood and soil [Internet; cited 2020 January 10]. Available from: <https://verfassungsblog.de/investor-citizenship-and-residence-the-eu-commissions-incompetent-case-for-blood-and-soil/>.
4. Jaeggi R. *Critique of forms of life*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press; 2018. 416 p.
5. Kochenov D, Lindeboom J, editors. *Kälin and Kochenov's quality of nationality index: nationalities of the world in 2018*. Oxford: Hart Publishing; 2020. 305 p.

6. Butler J. *Zametki k performativnoi teorii sobraniya* [Notes toward a performative theory of assembly]. Moscow: Ad Marginem Press; 2018. 248 p.
7. Nussbaum MC. *Women and human development. The capabilities approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. 312 p.
8. Jaeggi R. «Resistance to the perpetual danger of relapse»: moral progress and social change. In: Allen A, Mondiet E, editors. *From alienation to forms of life. The critical theory of Rahel Jaeggi*. University Park: Penn State University Press; 2018. p. 16–31.
9. Shachar A. *The birthright lottery. Citizenship and global inequality*. Cambridge: Harvard University Press; 2009. 290 p.
10. Hardin G. Lifeboat ethics: the case against helping the poor [Internet; cited 2020 January 10]. Available from: <https://rintintin.colorado.edu/~vancecd/phil1100/Hardin.pdf>.
11. Singer P, Singer R. The ethics of refugee policy. In: Gibney M, editor. *Open borders? Closed societies? The ethical and political issues*. New York: Greenwood Press; 1988. p. 111–130.
12. Bader V. The ethics of immigration. *Constellations*. 2005;12:331–361.
13. Carens J. H. *The ethics of immigration*. New York: Oxford University Press; 2013. 364 p.
14. Bauböck R. Temporary migrants, partial citizenship and hypermigration. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2011;14(5):665–693.
15. Hosein A. *The ethics of migration. An introduction*. London: Routledge; 2019. 206 p.
16. Miller D. *Strangers in our midst. The political philosophy of immigration*. Cambridge: Harvard University Press; 2016. 240 p.
17. Wellman ChH, Cole Ph. *Debating the ethics of immigration: Is there a right to exclude?* Oxford: Oxford University Press; 2011. 340 p.
18. Oberman K. Can brain drain justify immigration restrictions? *Ethics*. 2013;123(3):427–455.
19. Bauböck R. Mare nostrum: the political ethics of migration in the Mediterranean. *Comparative migration studies*. 2019;7(1):1–15.
20. Walzer M. *Spheres of justice. A defense of pluralism and equality*. New York: Basic Books; 1983. 364 p.
21. Carens JH. Aliens and citizens: the case for open borders. *The Review of Politics*. 1987;49(2):251–273.
22. Rodrik D. *Straight talk on trade: ideas for a sane world economy*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 336 p.
23. Carens JH. How should we think about the ethics of international migration? [Internet; cited 2020 January 10]. Available from: <https://www.eui.eu/Documents/RSCAS/PapersLampedusa/FORUM-Carensfinal.pdf>.
24. Scherrer A, Thirion E. Citizenship by investment (CBI) and residency by investment (RBI) schemes in the EU [Internet; cited 2020 January 10]. Available from: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627128/EPRS_STU\(2018\)627128_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627128/EPRS_STU(2018)627128_EN.pdf).

Статья поступила в редколлегию 14.11.2020.
Received by editorial board 14.11.2020.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИСТОКИ СЕМИОТИКИ РИСКА

В. К. ЩЕРБИН¹⁾¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками, основными составляющими которой являются накопленный обществом опыт предсказания и купирования рисков, непрерывное усложнение современного общества и порождаемые в связи с этим новые социальные риски. Анализируются причины формирования указанных составляющих, позитивные и негативные результаты их использования обществом. Описываются реакции управленцев и ученых на существующие социальные риски. Важнейшим отличием данных реакций является диаметрально противоположное отношение управленцев и ученых к феномену редукционизма при решении сложных общественных проблем. Определяется роль междисциплинарных областей научных исследований – синергетики, системологии, общего социального анализа, науковедения и др. – в решении проблем, связанных с социальными рисками. Предложенная А. Г. Теслиновым классификация существующих миров (материальный, социальный, мир идей и мир знаков) соотносится с традиционными дисциплинарными классификациями. Устанавливается место нового научного направления (семиотики риска) в системе существующих наук о рисках, а также среди других искусственных семиотик. Обосновывается вывод о необходимости взаимосвязанного развития социальной семиотики и семиотики риска.

Ключевые слова: структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками; природные опасности; социальные риски; система наук о рисках; знаки и знаковые системы; система искусственных семиотик; социальная семиотика; семиотика риска.

SOCIAL ORIGINS OF RISK SEMIOTICS

V. K. SHCHERBIN^a^aCenter for System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademichnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The article examines the structure of the inter-relationship between society and its inherent risks, the main components of which are society's accumulated experience in predicting and mitigating risks, the continuous complication of modern society and the new social risks it generates. The reasons for the formation of these components, the positive and negative results of their use by society are analyzed. The reactions of managers and scientists to existing social risks are described. The main difference between these reactions is the diametrically opposite attitude of managers and scientists to the phenomenon of reductionism in solving complex social problems. The article defines the role of interdisciplinary research areas (synergetics, systemology, the combined social analysis, science of science, etc.) in solving problems related to social risks. The proposed by A. G. Teslinov's classification of existing worlds (the material world, the world of ideas, the social world and the world of signs) correlates with traditional disciplinary classifications. The place of a new scientific direction (risk semiotics) in the system of existing risk sciences, as well as among other artificial semiotics is established. The conclusion about the need for interrelated development of social semiotics and risk semiotics is substantiated.

Keywords: structure of inter-relationship between society and its inherent risks; natural hazards; social risks; system of risk sciences; signs and systems of signs; system of artificial semiotics; social semiotics; risk semiotics.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Социальные истоки семиотики риска. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:29–38.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-29-38>

For citation:

Shcherbin VK. Social origins of risk semiotics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:29–38. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-29-38>

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6217-1265>

Введение

На страницах данного журнала автору уже доводилось писать об ускоренном формировании в разных странах буквально десятков новых типов обществ, наиболее характерной чертой которых «является исключительно высокая роль в их жизни многочисленных экономических, политических, экологических, социальных, инновационных, научно-технических, образовательных и прочих рисков, угроз, ошибок, опасностей, вызовов, ущербов, кризисов, дисбалансов, провалов, потерь, препятствий, неопределенностей, неудач, социальных нестроений (беспорядков), структурных диспропор-

ций, дисфункций и иных малоприятных явлений» [1, с. 20]. Наличие подобной взаимосвязи у отличающихся между собой новых типов обществ, с одной стороны, и многочисленными рискогенными явлениями, перечисленными выше, с другой, дало основания У. Беку, автору монографии «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию», сделать обоснованный вывод о том, что «общество возникает в борьбе с опасностями; в борьбе с глобальными опасностями создается глобальное общество; но не только это дает повод говорить о мировом обществе риска» [2, с. 74].

Структура взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками

Сегодня отмеченная выше взаимосвязь между обществом и присущими ему рисками имеет намного более сложную структуру. Одной из ключевых составляющих этой взаимосвязи является **накопленный обществом опыт предсказания и купирования рисков**. Как справедливо заметил О. Яницкий, «человечество издревле училось предсказывать и купировать риски» [3, с. 19]. Именно накопленное обществом знание о существующих рисках и опасностях формирует у каждого представителя данного общества биологическую готовность адекватно реагировать на ту или иную опасность. Эта готовность конкретного индивида позволяет ему «использовать чужие знания об опасности в тех случаях, когда их получение на собственном опыте может привести к летальному исходу. Подготовленный объект (или ситуация) – это такой объект, который представлял опасность на протяжении человеческой истории (например, змеи, пауки или темнота). Если ребенок наблюдает, как кто-то другой проявляет страх перед таким объектом, то для выработки этого вида страха часто достаточно столкнуться с этим объектом один раз. Например, у многих видов животных страх перед ядовитыми змеями не является врожденным, но страх перед ними вырабатывается при наблюдении за тем, как подобный страх проявляет другой человек» [4, с. 299].

Использование накопленного обществом опыта предсказания и купирования рисков имеет как позитивные, так и негативные стороны. К числу позитивных можно отнести следующие результаты использования указанного опыта:

1) «социальное копирование страха (т. е. неосознанное использование индивидами. – В. Ш.) психологического принципа “бояться всего, чего боится твоя социальная группа”, позволяет нам узнавать о всех опасностях, не подвергая им себя» [4, с. 310–311];

2) учет накопленного обществом опыта предсказания и купирования рисков способствует формированию позитивной культуры ошибок, которая

приходит на смену негативной культуре таких ошибок: «Культура ошибок... характеризует отношение индивида или учреждения к ошибкам. Позитивная культура ошибок признает ошибки» в целях «изучения их причин и создания более безопасной среды. Негативная культура ошибок скрывает ошибки, чтобы защитить себя, выдвигает обвинения вместо того, чтобы устранять причины, и обычно повторяет те же ошибки в будущем» [4, с. 305].

К числу негативных результатов использования указанного опыта можно отнести следующие:

1) накопленное социальное знание об опасностях, рисках и угрозах делает менее жизненно необходимым для современного человека аналогичное знание, накопленное им лично. По этой причине, как считает израильский историк Ю. Харари, «древний человек обладал гораздо более подробными, разнообразными и глубокими знаниями о своей среде обитания, чем ныне его потомки. Большинство граждан индустриальных стран прекрасно выживают в невежестве. Много ли нужно знать о природе, чтобы стать компьютерщиком, страховым агентом, преподавателем истории или рабочим на фабрике? Мы должны всерьез разбираться в собственной узкой специализации, но в большинстве вопросов – жизненно-насуточных – мы слепо полагаемся на помощь других специалистов, знания каждого из которых ограничены такими же шорами. В совокупности коллектив людей накопил сегодня гораздо больше информации, чем было у древних родов и племен, однако на индивидуальном уровне древние собиратели и охотники заслуживают звания самых эрудированных и умелых людей в истории. <...> Выживание в древности требовало величайшего интеллекта. С появлением сельского хозяйства и промышленности образовались и ниши, где могли приткнуться “дурачки”. Появилась возможность выжить, трудясь, например, водоносом или на конвейере, и передать другим свои “глупые” гены» [5, с. 62]. Для сравнения: «Охотники и собиратели... различали самые тихие шорохи – не ползет

ли в траве змея. Сквозь густую листву деревьев их зоркий взгляд различал плоды, птичьи и пчелиные гнезда. Сами люди передвигались бесшумно и экономно, они умели сидеть, ходить и бегать так, чтобы тратить минимум сил с максимальной отдачей. Живя в постоянном движении, они становились крепкими, словно марафонцы, и приобретали такую гибкость, о какой современный человек не может и мечтать. Даже после многолетних занятий йогой или кунг-фу» [5, с. 63];

2) уменьшение объема лично накопленного каждым индивидом знания о современных ему опасностях, рисках и угрозах приводит к снижению общей рискованной грамотности современного общества. Как справедливо заметил Г. Гигеренцер, «проблема заключается не в том, что отдельные люди глупы или безграмотны, а в том, что общество в целом безграмотно по отношению к рискам. <...> Рискованная грамотность – это базовое знание, необходимое для выживания в современном технологическом обществе. В XXI веке, когда технические инновации появляются с головокружительной быстротой, рискованная грамотность становится столь же важной, как умение читать и писать в предыдущие века. Если вы ею не владеете, вы не только можете оказаться во власти необоснованных страхов или надежд, но и поставите под угрозу и свое здоровье, и свои деньги. Возможно, кто-то решит, что основам рискованной грамотности и так уже достаточно обучают. Однако вы будете тщетно искать эту дисциплину в учебных планах большинства технических, юридических, медицинских и прочих учебных заведений. В результате большинство людей остается безграмотным в этой области» [4, с. 10].

Более того, ситуация с рискованной грамотностью современного общества с каждым годом постоянно ухудшается в силу ускоренного формирования другой составляющей взаимосвязи между обществом и присущими ему рисками – **непрерывного усложнения современного общества и порождаемых им новых социальных рисков**. В основе процесса формирования указанной составляющей лежат достаточно объективные причины, к числу которых можно отнести следующие:

1) создание сложных социальных структур, обусловленное необходимостью обуздания агрессивной природы человека. Как свидетельствует Юваль Харари, «многие антропологические и археологические исследования указывают, что в простых аграрных обществах, где еще не имелось социальных структур выше деревни и племени, насилие было причиной примерно 15 % всех смертей (25 % смертей среди мужского населения). У земледельческого племени дани на Новой Гвинее насильственная смерть уносит 30 % мужчин. У другого племени, энга, – до 35 %. В Эквадоре вероятность насильственной смерти для мужчины из племени узорани составляет 60 %. По-

степенно с хищной природой человека удалось отчасти совладать, выстроив более сложные социальные структуры: города, царства, империи. Но на создание эффективных социальных и политических структур ушли тысячелетия» [5, с. 101];

2) технологизация современного общества, усиливающая социальное неравенство. По мнению В. Оноприенко, «по мере развития общества, основанного на высоких технологиях, возрастает риск исключения из социальной жизни многих слоев населения. Прежде всего это малообеспеченные граждане, которые просто не могут позволить себе получить качественное образование, приобрести новую цифровую технику и работать в компьютерных сетях. Вместе с тем существует и такая проблема, как нежелание или неумение пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями, требующими от потребителя новых качеств – высокого уровня абстрактного мышления, готовности к постоянному повышению образования» [6, с. 85]. Сходную мысль высказывает также итальянский исследователь Э. Руллани: «Индивиды, фирмы и целые регионы не застрахованы от ошибок, когда они пытаются сориентироваться в сложных ситуациях, в которых сохранение стоимости их собственного ресурса не гарантируется. Преследуя цель минимизировать риск, они сокращают инвестиции в новые знания и таким образом сталкивают сами себя на обочину процесса социального обучения и производства стоимости» [7, с. 69];

3) стремительное усложнение современной технологической цивилизации (хоррификация): «Сейчас по всей Америке стремительно проходит процесс хоррификации самых обычных предметов и орудий цивилизации, их превращение в источник ужаса. И чем больше цивилизации здесь и сейчас, тем она опаснее. Нью-Йорк и Вашингтон опаснее, чем маленькие городки Среднего Запада. Бурлящие стадионы, многолюдные моллы, аэропорты, вокзалы опаснее, чем тихие полудеревенские пригороды. Цивилизация становится особенно грозной в местах своего скопления. Цивилизация определяется проникаемостью своих коммуникативных сетей, своей прозрачностью, подвижностью, транспортабельностью, в ней все связано со всем. А значит, и запущенные в нее частицы заразы скорее растворяются в жилах столь совершенного организма. Кто, из каких мест и с какой целью рассылает бактерии сибирской язвы – остается все еще неизвестным после усилий целой армии лучших сыщиков, а почему? Потому, что такая неуследимость, свобода входов и выходов встроена в саму структуру цивилизации, которая озабочена тем, чтобы быть эффективной и проницаемой, пересылать каждый день 700 миллионов почтовых отправок (только в США)» [8, с. 766–767]. Появилась даже новая научная дисциплина (хорро-

рология), специализирующаяся на изучении ужасов и ловушек современной цивилизации: «...хоррорология (*horrorology*) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “хоррорология”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> Хоррорология – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. Хоррорология – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культура, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррорология изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовычитания» [8, с. 766];

4) вступление современной человеческой цивилизации в эпоху кардинальных перемен. Вот как об этом писал российско-белорусский философ академик РАН В. С. Стёпин:

«Сегодня цивилизация вошла в эпоху новых радикальных перемен. Эти перемены охватывают все основные сферы социальной жизни. Причем, в отличие от предыдущих эпох, они протекают в ускоряющемся темпе. Мир меняется буквально на наших глазах. Информационные технологии изменили социальную жизнь вплоть до политики, которая сейчас не может обойтись без того, чтобы не отреагировать на Интернет и другие социальные процессы, порожденные внедрением новых информационных технологий...

Социальные перемены происходят в глобальном масштабе. В процессе этих изменений усложняется структура общества. Возникают новые социальные институты и типы социальных взаимодействий.

Глобализация по-новому организует взаимовлияние различных обществ и культур. Все эти процессы протекают на фоне обостряющихся глобальных кризисов, которые изначально придали рискам невиданные ранее масштабы негативных последствий для всего человечества» [9, с. 26–27].

Реакция политиков и ученых на социальные риски

На перечисленные выше объективные причины непрерывного усложнения современного общества и порождаемых им новых социальных рисков представители мировой управленческой элиты и мирового научного сообщества реагируют по-разному. Управленцы, к примеру, демонстрируют склонность к редукции (упрощению) сложных общественных проблем и к ручному управлению сложными социально-экономическими механизмами. Подобная редукционистская традиция решения указанных проблем сложилась еще несколько столетий назад. По свидетельству американского философа А. Лавджоя, «деятели Просвещения семнадцатого и восемнадцатого столетий... отличались явно выраженной склонностью к простым решениям» [10, с. 13]. К сожалению, указанная редукционистская традиция решения сложных проблем имеет свое продолжение и в управленческой практике XX в. В 1989 г. газетой «Правда» был опубликован дневник украинского кинорежиссера А. Довженко, в котором были зафиксированы следующие наблюдения автора: «Я заметил, что характерной чертой тупых людей, занимающих иногда ответственные должности, является умение быстро принимать кардинальные решения по всякому вопросу. Тут актом действия компенсируется пустота. Это есть твердость. Отсюда до гибкости большая дистанция» [11, с. 4].

Под влияние указанной редукционистской традиции решения сложных проблем порой попадают и представители науки. Ярким примером этого может служить монография доктора технических наук А. И. Добролюбова «Государственная власть как техническая система: о трех великих социальных

изобретениях человечества», в которой осуществлена попытка описать тайны «технологии власти», а «создание в будущем глобального надгосударственного органа управления» представлена автором в качестве «третьего социального изобретения человечества» [12, с. 203] (наряду с иерархической структурой общества и государства, а также периодической обновляемостью вершины пирамиды власти, которые выделены как первые два социальных изобретения [12, с. 156–158]).

В этом редукционистском контексте не вызывает особого удивления тот факт, что «даже сам риск рассматривается часто как особая «социальная технология», которая служит преодолению опасностей. В самой реальности нет никаких рисков. Риск – чисто социальный конструкт; все, что угодно, может быть рассмотрено с точки зрения риска. В нашей современной жизни все больше и больше решений каждого принимается в форме взвешивания рисков. Однако ожидание от таких социальных технологий того, что они способны сделать технологические опасности и катастрофы точно калькулируемыми, принципиально неверно. Они предполагают широкий диалог создателей техники, ее потребителей, государственных структур и общественности, экспертов и тех, кого штатное или нештатное функционирование затрагивает или может затронуть в сложном процессе общественного взаимного обучения всех участвующих в нем сторон, формирования их коллективного взаимопонимания. Социальные технологии обращения с технологическими рисками направлены на преодоление неопределенности будущей эксплуатации новой техники с помощью учета опасностей от внедрения инноваций» [13, с. 133].

Более того, существующие риски и угрозы нередко используются в политических целях. По мнению российского политолога О. А. Толпыгиной, «активное использование рисков и угроз в политике объясняется и многими другими инструментальными возможностями, которыми они обладают. Например, это эффективное средство упрощения социальной реальности, ее сведения к наглядным и эмоциональным формулам. <...> Таким образом, риски и угрозы как социальные конструкты являются эффективным политическим инструментом» [14, с. 121]. Однако рисками и угрозами инструментарий, используемый в социально-экономической сфере, не ограничивается. Как показало изучение деятельности международных экономических убийц, проведенное Дж. Перкинсом, «их инструменты – это фальсифицированные финансовые отчеты, сфабрикованные выборы, взятки, вымогательство, секс и убийство» [15, с. 13]. Именно эти древнейшие и максимально упрощенные подходы являются основой так называемого ликвидкома (термин предложен С. Е. Кургиняном и обозначает форму господства над объектом, которое покупается ценой разрушения этого объекта).

По мнению С. Е. Кургиняна, «борьба с ликвидкомом начинается с протеста против “редукционизма”. Вышеописанный “фарш” (социум, пропущенный через мясорубку двух социальных машин – комфорта и страха. – В. Ш.)... вообще не замечает этой прогрессирующей редукции. Он просто прогрессирующе тупеет вместе с прогрессирующей редукцией (притом, что в воронку редукции втягиваются все новые и новые системы – не только СМИ, но и система публичных партийных и гражданских дискуссий, научных обсуждений, экспертиз и прочего). Незаметность этого прогрессирующего отупения не отменяет его воздействия на общество. Именно так, почти незаметно для самих себя, и гибнут цивилизации. Конечно, если внутри них не возникает эффективного противодействия. Противодействие возникает. Оно не может не возникать. Никакое общество нельзя низвести целиком до фарша. Всегда остаются группы (или отдельные особи), которые хотят понять, что именно происходит. Судьба этих групп и судьба нашей цивилизации суть синонимы» [16, с. 40–41]. Поэтому даже политологи, изучающие феномен власти и в силу этого максимально приближенные к ней, рассматривают в качестве основы для выполнения властных функций истинные, исчерпывающие,

а не редуцированные знания: «Чтобы достойно властвовать, надо обладать истинными знаниями, постоянно их накапливать, глубоко обдумывать, эффективно использовать в анализе, синтезе, прогнозе. В противном случае придется творить произвол, хитрить, бесчинствовать, быть деспотом и узурпатором» [17, с. 189].

В целом же для мирового научного сообщества грех редукционизма в решении сложных социальных проблем свойственен в меньшей степени, нежели для мировой управленческой элиты. В отличие от представителей последней ученые твердо убеждены в могуществе науки и научно-технического рационализма: «Беспощадно и зло отсекая потуги на всезнание, всевидение и всемогущество, наука вводит разум в жесткие рамки возможного, вероятного и достижимого. Это происходит в большом и малом. ...Мир становится все более нетерпимым к восторгам и экстазам воинствующего невежества, и в этом, в растущей строгости мира, “повинна” прежде всего наука. Проводя исследования, формулируя законы существования и направленного изменения окружающей нас действительности, наука задает человеческим действиям исходную определенность. И всякий нарушитель ее законов оказывается в незавидном положении человека, который пытается говорить без грамматики и считать без таблицы умножения» [18, с. 192].

Именно накопленное научное знание о существующих социальных проблемах и рисках позволяет ученым глубоко проанализировать и осознать связанные с ними опасности. В свою очередь, по мнению У. Бека, «осознанные опасности, по-видимому, разрушают автоматизм принятия общественных решений за плотно закрытыми дверями. То, что втайне от общественности обсуждалось и принималось менеджерами и учеными, должно теперь получать свое оправдание с учетом последствий в острых публичных дискуссиях. Там, где конкретные законы развития раньше вступали в силу как бы сами по себе, теперь появляются ответственные лица, которые под давлением общественности могут признать свои ошибки и назвать упущенные альтернативы. Подводя итог сказанному, можно утверждать, что создающая опасности технократия невольно производит противоядие от собственных, пущенных на самотек дел: опасности, которые вопреки утверждениям ответственных лиц, что у них все под контролем, осознаются общественностью, открывают простор для политического действия» [2, с. 80–81].

Междисциплинарные области научных исследований и их роль в решении проблем, связанных с социальными рисками

В свое время американский футуролог А. Тофлер констатировал следующую ситуацию: «Вертикальные иерархии бюрократии разбиваются при

столкновении с новыми технологиями, новыми знаниями и общественными переменами. То же происходит и с территориальными иерархиями,

которые до сих пор делят людей по профессиональным качествам. Старые связи между специальностями рушатся. Человек обнаруживает, что решение новых задач находится за пределами узких дисциплин» [19, с. 111]. Проведенное ранее исследование по данному вопросу позволило сделать вывод, что «решение предельных проблем различных отраслей знаний, связанных с изучением рискогенной составляющей жизненного мира личности и общества, требует обязательного использования междисциплинарных подходов, которые сформировались в рамках таких комплексных научных дисциплин, как синергетика, системология, общий социальный анализ, науковедение и др.» [1, с. 28]. Тема данной статьи требует расширить приведенный выше перечень междисциплинарных областей научных исследований с учетом классификации основных родов объектов исследования, представленной в книге А. Г. Теслинова «Концептуальное проектирование сложных решений» [20].

В частности, автор предполагает, что «основными родами объектов исследования выступают:

- материальный мир, мир “вещей”, который мы можем наблюдать;
- мир идей – абстракции, образы, представления и все прочее, что способно порождать наше сознание. Психический мир этот постигается лишь посредством выражения его различными средствами;
- социальный мир – бездна отношений, выстраиваемых людьми в коллективном бытии, постигаемых не столько наблюдением, сколько непосредственным проживанием;

• мир знаков как свидетельств первых трех миров, независимо от того, вещи они или что другое. Как писал Августин Блаженный: “Знак есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но еще и вводит с собою что-нибудь в мышление”. Это все то, что указывает нам на исследуемую реальность. Эти различия полезно знать хотя бы для того, чтобы, приступая к концептодеятельности, быть готовым к особым способам работы с разными “отрезками” реальности, с разными мирами данностей» [20, с. 30–31].

Если соотнести уже существующие дисциплинарные классификации с выделяемыми А. Г. Теслиновым четырем мирами, то достаточно очевидным будет то, что материальный мир изучается естественными и техническими науками, мир идей – точными и гуманитарными, социальный мир – социальными, а мир знаков – различными направлениями такой междисциплинарной науки, как семиотика. Причем если среди естественных наук к числу междисциплинарных областей исследований следует в первую очередь отнести такие, как естествознание, науки о хаосе и нелинейных системах, синергетику, экологию и др., среди точных и гуманитарных наук – философию, системологию, топологию, культурологию, науковедение и др., среди социальных наук – социологию, общий социальный анализ и социологию социобиотехнических систем, то среди семиотических направлений наибольшей комплексностью характеризуются общая семиотика, киберсемиотика, лингвосемиотика, семиотика риска и социальная семиотика.

Место семиотики риска в системе наук о рисках

В последние годы среди исследователей, изучающих различные рискогенные явления (кризисы, опасности, вызовы, угрозы, дисбалансы, риски, ловушки, ошибки и др.), особый интерес вызывают способы символического представления этих рискогенных явлений в виде **международных знаков опасности** (эти знаки могут иметь значения «высокое напряжение», «купаться запрещено», «непитьевая вода», «радиация» и др. [21, с. 382]); **симптомов глобального кризиса** («формы дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре» [22, с. 8]); **апокалиптических (религиозных) символов** (бифуркации, переходные процессы к иным режимам бытия, догмы этики и моральные заповеди, выраженные в Апокалипсисе на языке символов [23, с. 130–131]); **логических символов (графем) правовой аналитики аварий, катастроф, опасностей, рисков, угроз** (см., например, [24, с. 27–33]) и иных семиотических средств.

По справедливому замечанию В. В. Кима, «все, с чем имеет дело человек во всех сферах своей деятельности, так или иначе им обозначено и представлено, – в одних случаях в разнообразных

образах, в других – в понятиях, но в любом случае все это осуществляется в знаковых структурах. В этих семиотических средствах представляется мир, через их посредство понятия и образы фиксируют единство, целостность и разнообразие предметного мира, в котором осуществляется человеческая деятельность. Следовательно, все, что доступно человеческому мышлению, что отражается в нем, непременно образует семиотическое поле мышления» [25, с. 384].

Иными словами, разнообразные знаки и символы позволяют обозначить и разграничить в нашем мышлении миллионы существующих предметов, процессов, явлений, а также их качеств, характеристик, свойств и иных атрибутов, делая тем самым возможным само мышление. Совокупность этих знаков и символов образует особый вид реальности – **мир знаков и символов**, который обозначается в специальной семиотической литературе посредством термина «знаковая реальность», имеющего следующую дефиницию: «**Знаковая реальность** – это исторически возникающая благодаря деятельности людей и объективно существующая

совокупность знаков и знаковых систем, представляющая собой материальные формы выражения и закрепления систем идей (понятий, знаний) и средство приобретения, хранения и передачи этих идей в человеческих коллективах» [25, с. 52].

О том, насколько значимым для развития человеческого мышления и социального познания является мир знаков и символов, свидетельствует следующая мысль В. М. Ивинса: «Наука и технология продвигались вперед прямо пропорционально развитию способности человека изобретать методы, с помощью которых феномены, известные только благодаря осязанию, слуху, вкусу и обонянию, были помещены в серию визуальных узнаваний и измерений и стали объектом логической символизации, без которых невозможны рациональная мысль и анализ» (цит. по: [26, с. 107]). Чем сложнее становятся наука и научное познание, тем больше требуется для их нормального функционирования различных специально созданных знаков и знаковых систем (групп знаков, таких, например, как цифры и алфавит). Соответственно, растет и количество искусственных семиотик, изучающих эти специально созданные знаки и знаковые системы. Причем процесс создания таких искусственных семиотик всегда носил достаточно стихийный характер.

По свидетельству Н. Б. Мечковской, «стихия в мире искусственных семиотик проявляется не только в далекой истории древнейших символов, но и в сегодняшней наблюдаемой жизни искусственных знаковых систем. Функционирование в современном мире тысяч (!) искусственных семиотик отнюдь не до конца поддается целенаправленному регулированию и упорядочению. Чем шире применяются искусственные языки, в том числе такие сугубо специальные, как языки программирования, тем больше в их жизни обнаруживается незапланированных стихийных (самопроизвольных) процессов, связанных с “человеческим фактором”. Например, в языках программирования возникают “диалекты”, развивается вариантность записей, синонимия и омонимия и даже свои средства экспрессии (не говоря об эмоциональных «разрядках» в текстах программ и сообщений). Сама многочисленность искусственных языков напоминает скорее последствия стихии, чем плановой работы...» [21, с. 380–381].

Например, еще «в середине прошлого века ученые испытывали эйфорию от побед на физико-математическом фронте, в которых значительная роль принадлежала быстро развивавшейся математической логике. Последняя казалась многим универсальным ключом для открывания всех еще запертых дверей на пути познания. Увы, универсальных ключей не существует. И задачи разветвленной семиотики – помогать в поиске ключей самых разнообразных конфигураций» [27, с. 165].

Именно этим обусловлено появление все новых и новых «ответвлений» семиотики (ср.: «В конце XX – начале XXI в. наблюдается дальнейшее развитие семиотики, появляются новые направления: политическая семиотика, социальная семиотика, когнитивная семиотика, визуальная семиотика, организационная семиотика, киберсемиотика и др.» [28, с. 404]).

Свое место в существующей системе наук о рисках (сегодня к их числу относятся «кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография» [29, с. 44]) должно занять и такое новейшее научное направление, как семиотика риска. Во всяком случае, без его помощи подобрать знаковые «ключи необходимой конфигурации», способствующие трансферу знаний между перечисленными выше науками о рисках, вряд ли получится. А без налаживания широкого трансфера знаний между различными областями социальной деятельности нельзя будет обеспечить «процесс интеграции человечества в единый коллективный сверхразум, способный в короткие сроки решить множество кажущихся сейчас неразрешимыми проблем. Такая интеграция, однако, не будет ограничивать индивидуальность и свободу каждого отдельно взятого человека, но, напротив, сможет способствовать максимальному творческому развитию и раскрытию безграничного потенциала. В этом заключается адекватный ответ мыслящего человечества на вызовы, кризисы, риски и угрозы современности» [30, с. 10–11].

Для осуществления вышеуказанной интеграции человечества в единый коллективный сверхразум более всего подходит, по мнению Г. Л. Тульчинского, семиотика, которая «обладает колоссальным потенциалом интеграции мультидисциплинарного анализа. Прежде всего речь идет о процессах смыслообразования и осмысления, учете как их социально-культурных контекстов, так и роли личности как источнике, средстве и результате динамики смысловых структур и культурного опыта. <...> Такие возможности заложены как в традиционных концепциях семиотического “мейнстрима”, так и в концепциях, выводящих семиотику в более широкий и глубокий контекст. Экстракция содержания обозначенного круга идей позволяет систематически представить структуру смыслового содержания социального опыта, как включающего в себя материальную форму знака, предметное и функциональное социальное значение, а также личностный смысл (эмоционально-оценочное отношение и переживание). Речь идет не просто о компонентах смыслового содержания социального опыта, а о системе их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Переход от материальной формы знака к предметному и функциональному социальному значению и далее к личностному смыслу, вплоть до переживания

ния, демонстрирует процесс усвоения социального опыта, его субъективацию, распределечивание, понимание» [31, с. 115].

Семиотика риска среди других искусственных семиотик

Ускорить формирование семиотики риска можно путем изучения уже существующих искусственных семиотик разных типов и максимального использования накопленного в рамках данных научных направлений знания о знаках и знаковых системах, применяемых в процессах изучения разнообразных рисковенных явлений. Например, какую пользу для семиотики риска, казалось бы, может оказать знание о религиозных символах и идеях, накопленное религиоведением и социологией религии? Однако террористический акт, осуществленный против зданий Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, дает, по мнению Дж. Сакса, однозначный ответ на подобный риторический вопрос: «Трагедия 11 сентября ужасает своим символизмом. Две иконы глобального капитализма – авиалайнер и небоскреб – были превращены в орудия уничтожения. <...> Методы террористов были чрезвычайно современны, но их религиозные идеи – тысячелетней давности. <...> Внезапно религия предстала миру не столько тающим ледником, сколько пожаром, вырвавшимся из-под контроля» [31, с. 23].

Еще большее значение для создания семиотики риска могут иметь знания рискованного характера, аккумулируемые в рамках формирующейся на наших глазах социальной семиотики, поскольку, в-первых, данное направление семиотики изучает наиболее сложную из существующих в настоящее

время естественных систем (человеческое общество со всеми характерными для него социальными рисками), во-вторых, в качестве центрального понятия социальной семиотики выступает мультимодальность, представляющая собой определенный вызов для мира семиотики в целом. По свидетельству Г. Кресса, «мир семиотики, который мы все еще воспринимаем нормальным, изменяется очень быстро. “Язык”, со всей уверенностью считающийся на “Западе” гарантом того, что определенно является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшейся им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов. Соответствующий вызов известен под именем мультимодальности, и он будет иметь далеко идущие последствия для эпистемологии и онтологии в целом, а с ними и для всех аспектов культуры. <...> *Мульти-* в слове *мультимодальность* предполагает, что существует целый ряд модусов, общедоступных для воспроизводства всеми членами общества. Многие (хотя и не все) модусы встречаются в широком диапазоне сообщений: таковы, например, *письменность, жесты, изображения*. С другой стороны, *устная речь* является модусом, недоступным для членов сообщества людей “с нарушениями речи”...» [32, с. 77, 84].

Выводы

Проведенное исследование процесса накопления социальных знаний о таких феноменах, как природные, технологические и социальные риски и иные рисковенные явления, а также формы символического представления этих знаний при помощи многочисленных знаков и знаковых систем, позволяет сделать ряд выводов:

1. Обобщив накопленный человечеством опыт преодоления последствий природных, техногенных и социальных катастроф, экономических и политических кризисов, современная система семиотических

исследований должна институционально обогатиться за счет формирования двух новейших направлений – семиотики риска и социальной семиотики.

2. В сложившейся иерархии искусственных семиотик социальная семиотика должна занимать доминирующее положение из-за постоянно растущего катастрофизма изучаемых ею социальных рисков.

3. Укреплению позиций социальной семиотики в системе существующих направлений семиотических исследований будет способствовать ее взаимосвязанное развитие с семиотикой риска.

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;1:19–35.
2. Бек У. *Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию*. Григорьев А, Седелник В, переводчики. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 301 с.
3. Яницкий ОН. Четвертая научно-технологическая революция и глубинные изменения процессов глобализации. *Вестник Института социологии*. 2017;8(2):12–34. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452.

4. Гигеренцер Г. *Понимать риски. Как выбирать правильный путь*. Кузин А, переводчик. Москва: КоЛибри; 2015. 352 с. Совместно с издательством «Азбука-Аттикус».
5. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Сумм Л, переводчик. Москва: Синдбад; 2018. 512 с.
6. Оноприенко В.И. *Аспирантура. Тернии и риски становления исследователя*. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2016. 121 с.
7. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu? *Логос*. 2007;4:64–69.
8. Эпштейн М. *Знак пробела: о будущем гуманитарных наук*. Москва: Новое литературное обозрение; 2004. 864 с.
9. Стёпин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков. В: Белкина ГЛ, Фролова МИ, редакторы. *Проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек?* Москва: URSS; 2016. с. 26–41. Совместно с издательством «Ленанд».
10. Лавджой А. *Великая цепь бытия: история идеи*. Софронов-Антониони, переводчик. В. Москва: Дом интеллектуальной книги; 2001. 376 с.
11. Карабутенко И, переводчик. «Я принадлежу человечеству как художник» (из дневника А. Довженко). *Правда*. 1989, 11 сентября. с. 4.
12. Добролюбов АИ. *Государственная власть как техническая система: о трех великих социальных изобретениях человечества*. Минск: Наука и техника; 1995. 239 с.
13. Бехманн Г, Горохов ВГ. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе. (Дебаты о технологических рисках в современной западной литературе). *Вопросы философии*. 2012;8:127–136.
14. Толпыгина ОА. Интерпретация рисков и угроз в партийной идеологии (на примере российских парламентских партий). *Политическая наука*. 2016;3:118–136.
15. Перкинс Дж. Новое о мире экономических убийц. В: Хайат С, редактор. *Игры экономических убийц*. Москва: Претекст; 2007. с. 13–32.
16. Кургинян СЕ. *Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания*. 2-е издание. Москва: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр»; 2007. 392 с.
17. Халипов ВФ. *Кратология как система наук о власти*. Москва: Республика; 1999. 303 с.
18. Петров МК. *Самосознание и научное творчество*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета; 1992. 272 с.
19. Тоффлер А. *Футуришок*. Санкт-Петербург: Лань; 1997. 461 с.
20. Теслинов АГ. *Концептуальное проектирование сложных решений*. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 288 с.
21. Мечковская НБ. *Семиотика. Язык. Природа. Культура*. Москва: Академия; 2004. 428 с.
22. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
23. Скурлягин АА. Апокалипсис в философском и естественнонаучном контексте. В: Гусаков ВГ, редактор. *Национальная философия в глобальном мире. Тезисы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 130–131.
24. Исаков ВБ. *Словарь правовой аналитической графики*. Москва: Норма; 2019. 272 с. Совместно с издательским домом «ИНФРА-М».
25. Ким ВВ. *Семиотика и научное познание: философско-методологический анализ*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; 2008. 416 с.
26. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе. *Логос*. 2017;27(2):95–156.
27. Соломоник А. *Позитивная семиотика (о знаках, знаковых системах и семиотической деятельности)*. Крейдлин Г, редактор. Минск: МЕТ; 2004. 191 с.
28. Гаврилова МВ. Социальная семиотика: опыт систематизации терминологической системы. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*. 2018;8:404–417.
29. Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:35–47.
30. Ицков ДИ. Общественное движение «Россия 2045» и глобальное будущее. В: Дубровский ДИ, Климова СМ, редакторы. *Глобальное будущее – 2045. Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты. Материалы Первой Всероссийской конференции; 11–12 апреля 2013 г.; Белгород, Россия*. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2014. с. 8–14.
31. Тульчинский ГЛ. Расширение возможностей семиотического анализа: источники и содержание концепции «глубокой семиотики». *Вопросы философии*. 2019;11:115–125.
32. Сакс Дж. *Достоинство различия. Как избежать столкновения цивилизаций*. Дынин Б, переводчик. Москва: Мосты культуры; 2008. 329 с. Совместно с издательством «Гешарим» (Иерусалим).
33. Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности. *Политическая наука*. 2016;3:77–100.

References

1. Shcherbin VK. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;1:19–35. Russian.
2. Beck U. *Was ist globalisierung? Irrtümer des Globalismus – Antworten auf Globalisierung*. Berlin: Suhrkamp; 1997. 269 S. Russian edition: Beck U. *Что такое globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu*. Grigoryev A, Sedelnik V, translators. Moscow: Progress-Traditsiya; 2001. 301 p.
3. Janitskii ON. The fourth technological revolution and deep shifts in globalization processes. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2017;8(2):12–34. Russian. DOI: 10.19181/vis.2017.21.2.452.
4. Gigerenzer G. *Risk Savvy. How to make good decisions*. New York: Penguin Books; 2014. 336 p. Russian edition: Gigerenzer G. *Ponimat' riski. Kak vybirat' pravil'nyi put'*. Kuzin A, translator. Moscow: KoLibri; 2015. 352 p. Co-published by the «Azбука-Attikus».

5. Harari YuN. *Sapiens. A brief history of mankind*. [S. l.]: Harper; 2015. 464 p.
Russian edition: Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Summ L, translator. Moscow: Sindbad; 2018. 512 p.
6. Onoprienko VI. *Aspirantura. Ternii i riski stanovleniya issledovatelya* [The postgraduate study. Thorns and risks of researcher's formation]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2016. 121 p. Russian.
7. Rullani, E. [The Cognitive Capitalism: déjà vu?]. *Logos*. 2007;4:64–69. Russian.
8. Epstein M. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space character: on the future of humanities]. Moscow: Novoye literaturnoye obozrenie; 2004. 864 p. Russian.
9. Stepin VS. [The Transhumanism and Problem of Social Risks]. In: Belkina GL, Frolova MI, editors. *Problema sotsial'nykh riskov. Redutsionizm kak soblazn nauk o cheloveke. Ob idolakh i idealakh biotekhnologicheskogo samoizobreteniya cheloveka. Kak vozmozhno soversheniy chelovek?* [The Problem of Social Risks. Reductionism As the Temptation of Sciences on Man. About Idols and Ideals of the Biotechnological Self-Invention of Man. How should Be Possible a Perfect Man?]. Moscow: URSS; 2016. p. 26–41. Co-published by the «Lenand». Russian.
10. Lovejoy A. *The great chain of being. A study of the history of an idea*. [S. l.]: Harvard University Press; 1976. 400 p.
Russian edition: Lovejoy A. *Velikaya tsep' bytiya: istoriya idei*. Sofronova-Antomoni V, translator. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 2001. 376 p.
11. Karabutenko I, translator [«I am a part of humankind as an artist» (from the Diary of A. Dovzhenko)]. *Pravda*. 1989 September 11. p. 4. Russian.
12. Dobrolubov AI. *Gosudarstvennaya vlast' kak tekhnicheskaya sistema: o trekh velikikh sotsial'nykh izobreteniyakh chelovechestva* [The state power as a technical system: on the three great social inventions of mankind]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1995. 240 p. Russian.
13. Bechmann G, Gorohov VG. [The social-philosophical and methodological problems of treatment to technological risks in the modern society]. *Voprosy filosofii*. 2012;8:127–136. Russian.
14. Tolpygina, OA. Interpretation of the risks and threats in the party ideology. (The example of Russian parliamentary parties). *Politicheskaya nauka*; 2016;3:118–136. Russian.
15. Perkins J. [New about world of an economic hit men]. In: Hiatt S, editor. *Igry ekonomicheskikh ubiits* [A game as old as empire]. Moscow: Pretekst; 2007. p. 13–32. Russian.
16. Kurginyan SE. *Slabost' sily. Analitika zakrytykh elitnykh igr i ee conceptual'nye osnovaniya* [The Weakness of Force. The analytics of closed elite games and its conceptual foundations]. 2nd edition. Moscow: Mezhdunarodnyi obshchestvennyi fond «Eksperimental'nyi tvorcheskii tsentr»; 2007. 392 p. Russian.
17. Halipov VF. *Kratologiya kak sistema nauk o vlasti* [The cratology as a system of sciences about power]. Moscow: Respublika; 1999. 303 p. Russian.
18. Petrov MK. *Samosoznanie i nauchnoye tvorchestvo* [Self-consciousness and scientific creation]. Rostov-on-Don: Publishing House of the Rostov University; 1992. 272 p. Russian.
19. Toffler A. *Future shock*. New York: Random House; 1970. 505 p.
Russian edition: Toffler A. *Futuroshok*. Saint Petersburg: Lan'; 1997. 464 p.
20. Teslinov AG. *Kontseptualnoye proektirovaniye slozhnykh resheniy* [The conceptual projecting of complicated decisions]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 288 p. Russian.
21. Mechkovskaya NB. *Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura* [The semiotics. Language. Nature. Cultura]. Moscow: Akademiya; 2004. 428 p. Russian.
22. Sztompka P. [The social change as trauma]. *Sotsial'nye issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
23. Skurliagin AA. [The Apocalypse in philosophical and natural-scientific context]. In: Gusakov VG, editor. *Natsional'naya filosofiya v global'nom mire. Tezisy Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [The national philosophy in a global world. The abstracts of the First Belarusian Philosophical Congress]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 130–131. Russian.
24. Isakov VB. *Slovar' pravovoi analiticheskoi grafiki* [The dictionary of law analytical graphics]. Moscow: Norma; 2019. Co-published by the INFRA-M. 272 p. Russian.
25. Kim VV. *Semiotika i nauchnoye poznanie: filosofsko-metodologicheskii analiz* [The semiotics and the scientific cognition: the philosophical-methodological analysis]. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University; 2008. 416 p. Russian.
26. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. Russian.
27. Solomonik A. *Pozitivnaya semiotika (o znakax, znakovykh sistemakh i semioticheskoi deyatel'nosti)* [The positive semiotics (about signs, systems of signs and semiotic activity)]. Krejdlin G, editor. Minsk: MET; 2004. 191 p. Russian.
28. Gavrilova MV. Social semiotics: the experience of the systematization of the terminological system. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. 2018;8:404–417. Russian.
29. Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world risk analytics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:35–47. Russian.
30. Itskov DI. [The Public Movement «Russia 2045» and the Global Future]. In: Dubrovskii DI, Klimova SM, editors. *Global'noye budushchee – 2045. Antropologicheskii krizis. Konvergentnye tekhnologii. Transgumanisticheskie proekty. Materialy Pervoi Vserossiiskoi konferentsii; 11–12 aprelya 2013 g.; Belgorod, Rossiya* [The global future 2045: the anthropological crisis. Convergence technologies. Transhumanist projects. Proceedings of the First All-Russian Conference; 2013 April 11–12; Belgorod, Russia]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya»; 2014. p. 8–14. Russian.
31. Tulchinskii GL. Extensions of the semiotic analysis capabilities: the sources and content of the «deep semiotics» concept. *Voprosy filosofii*. 2019;11:115–125. Russian.
32. Sacks J. *The dignity of difference. How to avoid the clash of civilizations*. [S. l.]: Continuum; 2003. 224 p.
Russian edition: Sacks J. *Dostoinstvo razlichiya. Kak izbezhat' stolknoveniya tsivilizatsii* Dynin B, translator. Moscow: Mosty kul'tury; 2008. 329 p. Co-published by the «Gesharim» (Jerusalem).
33. Kress G. Social semiotics and the challenge of multimodality. *Politicheskaya nauka*. 2016;3:77–100. Russian.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 327.5

СИСТЕМНЫЙ РАСИЗМ США И ПРОБЛЕМА ПОЛЯРИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Проанализирована суть радикальных протестов афроамериканского населения США, которые обострили кризис общественной системы государства и оказывают негативное влияние на социальное равновесие в странах Панатлантического сообщества. Сделана попытка проследить негативное влияние неуправляемых стихийных радикальных протестов на глобальные процессы. Утверждается, что США не хватает внутреннего ресурса для реализации мироуправленческих задач, оказавшихся непосильными для систем политической власти, основанной на идеологии либерализм, не хватает экономического, социального и даже нравственного ресурса, чтобы решать актуальные задачи, которые встают перед миром. Показано, что политическая поляризация и экономический кризис стали серьезной угрозой самому функционированию и существованию американского государства, а колоссальные дисфункции демократических процедур, растущая идеологическая непримиримость партийных программ, рост числа безработных, разорение малого и среднего бизнеса придают социальному протесту форму политического противостояния.

Ключевые слова: США; современное общество; кризис общественной системы; идеология либерализма; системный расизм; социальная поляризация; бедность; новые формы сотрудничества; Трансатлантическое сообщество.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Системный расизм США и проблема поляризации общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:39–49.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-39-49>

For citation:

Antonovich II. Systematic racism in the USA and the problem of polarisation of society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:39–49. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-39-49>

Автор:

Иван Иванович Антонович – академик Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, academician of Russian Academy of Social Science, doctor of science (philosophy), full professor.
iantonovich@mail.ru

SYSTEMATIC RACISM IN THE USA AND THE PROBLEM OF POLARIZATION OF SOCIETY

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Independent researcher, Moscow, Russia*

The article analyzes the essence of the radical protests of the African American population of the USA, which exacerbated the crisis of the state social system and have a negative impact on social equilibrium in the countries of the Pan-Atlantic Community. There was made an attempt to trace the negative impact of uncontrollable spontaneous radical protests on global processes. Over the course of two decades of the 21st century, it has become obvious that the USA does not have enough internal resources for the implementation of world-governing tasks, which turned out to be unbearable for the systems of political power based on the ideology of liberalism. There is not enough economic, social and even moral resources to solve the urgent problems facing the world. Political polarization and economic crisis have become a serious threat to the very functioning and existence of the American state. Colossal dysfunctions of democratic procedures, the growing ideological intransigence of party programs, the growing number of unemployed, the ruin of small and medium-sized businesses give social protest the form of political confrontation. There is talk of a second civil war in the USA. Moreover, it is difficult to say whether the ideology of black racism will be less radical than the ideology of white. African American Democrats, who encouraged spontaneous riots in many cities, accuse Republicans of initiating social protests. Democrats blame the Republicans for failing to create an effective governance system that would prevent such social explosions and growing discontent. Radical African American protest is becoming a structural component of USA public life. It was introduced into the system of public relations at all levels, paralyzing the activities of state institutions, systems of legal support for everyday existence, destroying the established value systems and the very practice of rule of law, which constituted the basis of American statehood. What is happening in America is having a negative impact on the entire Transatlantic community.

Keywords: USA; modern society; crisis of the social system; ideology of liberalism; systemic racism; social polarization; poverty; new forms of cooperation; Transatlantic community.

Со времени окончания Первой мировой войны США сохраняют свое положение самой крупной в индустриально-техническом отношении державы мира. Используется эта уникальность исторического положения для реализации целей американского лидерства, которые в практической политике принимают достаточно упрощенные модели строительства миропорядка по стандартам американской демократии, распространения американского образа жизни, системы идей и мышления, максимально отвечающих мироуправленческим целям и стратегии США.

Геополитическим началом этой стратегии послужили тезисы президента США В. Вильсона, сформулированные им после окончания Первой мировой войны. Их центральная идея заключалась в том, чтобы «делать мир безопасным для демократии». Эта в общем безобидная фраза сопровождалась несколькими уточняющими положениями, согласно которым интересы США совпадают с интересами всего мира. Понятно, что в пропагандистском обосновании геостратегических устремлений США эта формула стала постепенно приобретать более прагматичный характер: интересы всего мира должны быть подчинены интересам этой страны. После Второй мировой войны в условиях биполярного противостояния геополитические императивы США существенным образом сдерживались, корректировались геополитическими целями и задачами СССР и его союзников. С начала XX в. мировое развитие опосредовалось двумя противостоящими уни-

версальными идеологиями: идеологией свободы предпринимательства, разработанной президентом В. Вильсоном, и идеологией революционного преобразования мира, провозглашенной В. И. Лениным, – что вылилось в стратегию панамериканизма и мировой гегемонии.

Интересно отметить, что до идеологического противоборства, которое в значительной степени стало формировать геополитическую ситуацию в мире на протяжении всего XX в., США и Россия умели налаживать дружеские, иногда, можно сказать, партнерские отношения. Известна переписка императора Александра II с А. Линкольном. Показательно, что исторический факт освобождения рабов в ходе Гражданской войны в США в какой-то мере был параллельным декрету императора Александра II о ликвидации крепостничества. Еще интереснее, что и А. Линкольн, и Александр II заплатили своей жизнью за эти великие нововведения.

Известен факт американо-русского сотрудничества по итогам Русско-японской войны 1904–1905 гг. Переговоры о перемирии состоялись в американском городе Портсмуте под явным курированием и давлением со стороны президента США Т. Рузвельта. В результате японцы с удивлением обнаружили, что Россия, побежденная в ходе этой военной акции, вроде бы выходила победителем с минимальными потерями. В американо-русских отношениях всегда довлеющим являлся национальный интерес. Активное участие Т. Рузвельта в ходе российско-японских переговоров на

американской территории было мотивировано главной задачей: не дать японцам утвердиться в Тихом океане в качестве господствующей силы. Американцы уже тогда, как и сейчас, считали Тихий океан «американским озером» (*American pacific lake*). Достоянием истории стало и уникальное сотрудничество США и СССР в годы Второй мировой войны, которое сделало возможным победу над Гитлером. Изучение архивов Второй мировой войны говорит о том, что между двумя лидерами ведущих государств, СССР и США, утвердилось взаимопонимание о необходимости тесного сотрудничества. В результате возникла ООН, а также целая система иных международных организаций, которая хотя и находится сегодня в несколько угнетенном, dormantном состоянии, но все же представляет собой единственную всемирную правовую систему регулирования глобальных процессов.

В ходе биполярного противостояния СССР и США по итогам Второй мировой войны в критические минуты взаимоотношений лидеры стран всегда умели остановиться, сменить острую конфронтацию на политику переговоров. Обращает на себя внимание эпоха разрядки напряженности в 1990-х гг., когда были достигнуты важнейшие международные договоренности о контроле над вооружениями, исключении возможностей неожиданного термоядерного конфликта и др. Распад СССР, ставший неожиданностью для элит влияния и власти в США, создал у них иллюзию того, что сейчас можно править миром в одиночку, используя в несколько преобразованном виде старую добрую формулу президента В. Вильсона.

В борьбе за демократию в мире президент Дж. Буш – старший после распада СССР заявил о создании нового миропорядка, в котором США намерены единолично осуществлять роль мирового лидера. Почему-то преемник Дж. Буша – старшего и Б. Клинтона на президентском посту США Дж. Буш – младший счел необходимым начать строительство однополярного миропорядка с военных действий. Была предпринята серия военных авантур в Ираке, Ливии, Сирии, и обнаружилось, что объявить о мировом лидерстве несколько проще, чем реализовать его в конкретных геополитических шагах и проектах.

На протяжении двух десятилетий XXI в. стало очевидным, что США не хватает внутреннего ресурса для реализации мироуправленческих задач, оказавшихся непосильными для систем политической власти, основанной на идеологии либерализма (американская система – наиболее полное выражение этой политической философии). Не хватает экономического, социального и даже нравственного ресурса, чтобы решать актуальные задачи, которые встают перед миром. Попытка реализовать их силой и заставить мир подчиниться в страхе потерпе-

ла полный провал, о чем свидетельствуют неудачи военных стратегий США на Ближнем Востоке.

Как-то незаметно для политических элит влияния и власти США свершился разрыв между политическими структурами либеральной демократии, осуществляющей власть в странах Атлантического сообщества, и экономической стратегией частного капитала. Две декады XXI в. ознаменовались мощным аутсорсингом, выводом промышленного производства из ведущих капиталистических стран, особенно из США, в страны Азии с дешевой рабочей силой – Китай, Индию, Южную Корею, Малайзию, Таиланд. Политические структуры лишились важной финансово-экономической подпитки частного капитала для решения социальных задач внутри своих стран, что вызвало усиление социального протеста, требования реформ и перемен.

Эти события обнаружили себя в США с особенной четкостью и выразились в недоверии к системе политического лидерства и очевидной устарелостью структуры политической власти. Президентские выборы 2000 г. впервые серьезно обнажили также архаичность политической модели управления. Избирательная кампания ознаменовалась противостоянием двух кандидатов – представителя Демократической партии вице-президента А. Гора и республиканца Дж. Буша – младшего. А. Гор победил по количеству голосов, однако за Дж. Буша проголосовало большинство выборщиков. Это малоизвестная у нас избирательная система, корректирующая возможные неудобные правящим кругам общенародные волеизъявления в ходе свободных выборов. Каждый штат пропорционально числу населения выдвигал представителей – выборщиков, которые утверждали решение президентских выборов. Поскольку количество выборщиков определялось численностью населения штатов, система работала довольно бесперебойно до той поры, пока не начались колоссальные демографические передвижения внутри штатов. Изменение (в одном случае увеличение, в другом – уменьшение) численности населения штатов не сопровождалось соответствующей корректировкой количества выборщиков. К тому же отдельные штаты приняли решение, по которому победитель получает все, и это окончательно нарушило соответствие количества поданных голосов в ходе выборов числу голосов выборщиков, утверждающих их результаты.

По итогам избирательной кампании 2000 г. была проведена серьезная корректирующая проверка в одном из штатов – Флориде, где, кстати, губернатором являлся младший брат Джорджа Буша – Джеб Буш. Были выявлены колоссальные нарушения технологий избирательной системы. Это настолько обеспокоило правящие элиты, что решение о том, кому стать президентом, было принято Верховным судом США, присудившим победу Джорджу Бушу.

И, хотя за это он получил титул «случайный президент», в тот раз конфликт был исчерпан.

В ходе избирательной кампании 2016 г. ситуация повторилась. В этом случае кандидат от Демократической партии Х. Клинтон, которая была слишком уверена в своей победе и всячески это демонстрировала, получила на 3 млн голосов больше, чем кандидат от Республиканской партии Д. Трамп, который победил по числу голосов выборщиков и был провозглашен президентом, на сей раз без вмешательства Верховного суда США.

По стране прокатилась мощная волна социальных протестов. Они не утихали долго и по сценарию событий во многом напоминали цветные революции, которые США с успехом использовали на постсоветском пространстве для навязывания силой угодных им политических режимов. Свершилось своего рода возмездие: то, что США готовили для мира, пришло к ним самим.

Однако глубинные причины социального протеста в США избранный президент Д. Трамп разглядеть не сумел. Пропагандистская машина, обслуживающая его интересы, интерпретировала это как козни демократов. На самом деле ситуация была гораздо более серьезной: в движение в США пришли социальные слои и силы, долго ощущавшие вопиющую несправедливость. Раньше симптомы этой несправедливости прорывались наружу во время избирательных кампаний со времен М. Ромни, кандидата от Республиканской партии, сражавшегося за президентский пост против президента Б. Обамы в 2012 г. Тогда он впервые признал, что 45-миллионное население США живет на социальные пособия. Это практически означало, что для 45-миллионного массива граждан государству не удалось создать условия для нормальной жизни. Богатейшая страна мира так и не сумела решить проблему массовой бедности.

Политические элиты США не придали этому должного внимания. Борьба обострилась лишь за высшие должности в системе американской политической власти. Противостояние демократов и республиканцев приняло характер непримиримой борьбы и в ходе президентской кампании 2020 г. приобрело скандальные формы. Давление на оппонентов оказывается с использованием всех имеющихся средств: от дискредитации Д. Трампа до попыток помешать исполнению обязанностей всей структуры федеральной власти. Демократы не брезгуют подкупами, обвинениями, шантажом. Известный дипломат и общественный деятель США У. Бёрнс стал говорить о том, что политическая поляризация представляет собой прямую угрозу внутри- и внешнеполитической стратегии США. В одной из

публикаций он писал: «Считается, что общенациональные кризисы должны спланировать американцев. Но сегодня, когда страна под руководством крайне противоречивого президента столкнулась одновременно с небывалой пандемией и обострением застарелых проблем расизма и неравенства, раскол в американском обществе глубок как никогда. Негативные последствия этого раскола проявляются не только внутри страны, но и в ее внешней политике. Из внутренней политики поляризация проникла и в американскую дипломатию. Партийные склоки дезориентируют внешнюю политику. Каждая новая администрация меняет прежние международные обязательства, институты политизированы, а разногласиям не видно конца. Неспособность достичь компромисса внутри страны начинает предопределять поведение США за рубежом. Раньше осознание общей цели, к которой движется страна, придавало устойчивости американской внешней политике, но сегодня оно отсутствует, и это ослабляет дипломатию»¹.

Межпартийные дискуссии У. Бёрнс называет проявлением шизофрении: «Противостояние между партиями достигло дна, но президент Дональд Трамп сумел это дно пробить – как бывает почти во всем, что он делает. Став президентом, он принял бодро и весело разрывать одно соглашение за другим, не предлагая никакой альтернативы. В мусорное ведро полетели ядерная сделка с Ираном (“недоразумение”), Парижское соглашение по климату (“очень несправедливо”) и Транстихоокеанское партнерство (“насилие над нашей страной”), над которыми работала предыдущая демократическая администрация. Недавно президент вышел из Договора “открытого неба”, следующим может стать договор СНВ-III. Тем временем администрация угрожает возобновлением ядерных испытаний и развязыванием новой гонки вооружений, которая “пустит по миру соперников США”»².

У. Бёрнса как видного отставного дипломата интересуют негативные последствия прежде всего для внешней политики США, однако фактом внутривнутриполитической жизни он признает, что двухпартийный консенсус размыт, возможность примирения партий не предвидится, кризис политической системы становится перманентным явлением. Никто из нынешних политологов, пытающихся найти ключ к целой серии политических неурядиц США, не принял во внимание предупреждения одного из известных американских исследователей Р. Д. Каплана, который говорил о том, что причина нынешнего кризиса заключается в социальном расслоении и социальной поляризации, являющихся наиболее очевидным продуктом процессов глобализации: «Чем более

¹Бёрнс У. Вирус поляризации. Как США преодолеть партийный раскол во внешней политике // Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. URL: <https://carneigie.ru/commentary/82319>. (дата обращения: 27.07.2020).

²Там же.

динамична капиталистическая экспансия, тем более неравным становится распределение богатства как среди стран, так и среди индивидуумов. В ходе всего этого возникают два новых класса: прямые продукты глобализации – новые богатые из класса предпринимателей и, что гораздо более серьезно, новый субпролетариат. Миллиарды работающих и неработающих бедняков»³ [1, р. 5].

Исследователи считают, что по мере распространения интернета информация о неблагополучии и несправедливости, социальной поляризации неравенства и массовой бедности в ведущих странах мира станет значительной угрозой общественному равновесию не только внутри этих стран, но и во всем мире. США фиксировали целый ряд негативных явлений в процессах распределения богатства. В частности, достоянием общественности стал тот факт, что в течение первой декады XXI в. стагнировала заработная плата среднего класса и количество бедных в стране не уменьшалось, но в стиле американской пропаганды, приписывающей все беды и проблемы кому угодно, только не самим себе, фиксация неравенства обличалась лишь в стане европейских союзников и приуменьшалась по своему значению в самих США.

Правда, Д. Трамп сумел сделать эту проблему основным содержанием к своей избирательной кампании 2016 г., обратившись к «белому большинству», якобы испытывающему самые большие экономические трудности, с обещаниями ситуацию улучшить. Эта позиция была с энтузиазмом принята в ряде штатов с большой концентрацией представителей профессионального сословия, белых и голубых воротничков, живущих на заработную плату. Надо отдать должное Д. Трампу: благодаря целому ряду реформ ему удалось оживить производство, увеличить число рабочих мест, ослабить недовольство определенных слоев общества, но концентрация на белом населении дала обратный негативный и непредвиденный эффект: взорвалось обиженное, неудовлетворенное своим положением, все более остро ощущающее несправедливость по отношению к себе афроамериканское меньшинство США.

Как правило, в таких случаях достаточно одного события, банального по своему характеру, чтобы активизировать лавину общественного недовольства. Таким событием стало то, что полицейский буквально задушил афроамериканца Джорджа Флойда, человека, шесть раз судимого, наркомана, которого по сигналу из магазина полиция арестовала за то, что он за фальшивую банкноту приобрел пачку сигарет. Когда ему предложили ее вернуть, он отказался, полиция применила силу. Само по себе событие являлось достаточно обыденным. Буквально каждую ночь в США убивают кого-нибудь из афроамериканцев, подозревая, что у него есть оружие, или

опасаясь, что он может применить насилие по отношению к полицейским. У полицейских есть разрешение стрелять, когда они ощущают угрозу своей жизни. Это толковалось ими, как правило, очень свободно, и за такие убийства в разных городах США полицейские не подвергались юридической ответственности: даже если расследование проводилось, они избегали наказания.

На сей раз, однако, насилие над Дж. Флордом приобрело особо очевидные формы: на глазах массы прохожих, под телекамерами, даже несколько рисуясь, полицейский наступил коленкой на шею задержанному, пренебрегая криками о пощаде и призывами прохожих не делать этого. Дж. Флорд скончался. Афроамериканское население США взорвалось революцией, которой до сих пор страна не знала. Революция приобрела затяжной характер.

Как всегда, протесты начинает радикальное меньшинство, к нему присоединяются массы молодежи, незанятого населения. Бунты сопровождаются грабежами магазинов, насилием над прохожими. На сей раз, однако, революционное движение приобрело характер противостояния всей общественной системе. В разных регионах протестующие начали сносить памятники Христофора Колумба, первооткрывателя для европейцев Америки, Джорджа Вашингтона, командовавшего добровольцами США в борьбе против английского владычества, а также ряда других деятелей, которых афроамериканцы стали воспринимать как символы угнетения и колониализма.

Мощные социальные бунты в ведущих городах США приобрели постоянный характер, слившись в одну массу радикального противостояния современной системе политической власти страны, всему общественному устройству. Демократическая партия, желая любой ценой взять реванш за свое поражение на президентских выборах 2016 г., попыталась использовать начавшиеся протесты в своих интересах, организовав ряд пропагандистских акций сочувствия бунтующим, однако растущий радикализм заставил демократов приумолкнуть.

Весь мир увидел, как бунтовщики заставляют становиться на колени белых граждан США, целовать их обувь, как афроамериканские студенты стали требовать к себе особого отношения во время учебы, работники предприятий – особых условий и оплаты труда. В бунтующей черной Америке появились свои лидеры с радикальными программами, которые сравнивают происходящее с Американской антиколониальной революцией XVIII в. Свою лепту внесла и пандемия. Цифры смертей, ужасающие образы фургонов с мертвыми телами в пластиковых пакетах, переполненные госпитали и морги разрушили остатки той общей цели, которая все еще оставалась. На смену единству пришла яростная

³Здесь и далее перевод наш. – И. А.

поляризация, еще один вирус, для лечения которого в США пока нет вакцины. Нельзя даже всерьез обсуждать, что можно сделать, чтобы эта политическая эпидемия утасла.

Многие исследователи едины в том, что поляризация американского общества свершилась прежде всего в политической области. Колоссальные дисфункции демократических процедур, растущая идеологическая непримиримость партийных программ, неумение остановиться, ставшая привычкой предвыборная кампания не как борьба программ по развитию страны, а как противостояние финансовых структур, которые хотят отвоевать право преимущественного влияния на политическую власть – все это ставит под сомнение возможность выживания нынешней политической системы.

Ситуация политического кризиса в США усугубляется, безусловно, экономическим кризисом, вызванным пандемией. Рост числа безработных, разорение малого и среднего бизнеса добавляют к бастующим сотни тысяч белых. Социальный протест получает, таким образом, форму политического противостояния. Поначалу американские СМИ делали попытки возложить вину за «возбуждение расовой проблемы США» даже на союзников страны. Вспомнили, что сразу после Второй мировой войны в Европе активизировалась критика расового неравенства в США. Критика американского расизма из Европы тогда не особенно была замечена США, хотя, например, выдающийся французский мыслитель Ж.-П. Сартр в своем эссе «Черный орфей» говорил о том, что рано или поздно черный гигант США проснется и заявит о своих правах. Выступления французского публициста Ф. Фанона против французского колониализма и западной политики в значительной степени были использованы движениями за социальные права в США. Представители афроамериканской интеллигенции, такие как Р. Райт, М. Дейвис, Н. Симон, вынуждены были эмигрировать в Европу, чтобы спастись от расизма в своей собственной стране. В этой среде выделилась группа исследователей, подвергших особенно острой критике американский расизм. В их числе выделяются Х. Арендт и Г. Маркузе. Ряд афроамериканских интеллектуалов нашли убежище и в послевоенной Германии. Так, известный деятель А. Дэвис защитила докторскую диссертацию в Берлине, после этого присоединилась к Партии черных пантер, что закончилось для нее длительным тюремным заключением. Однако сегодня в общем движении *черные жизни имеют значение* (*black lives matter*) критика американского расизма европейскими мыслителями используется в качестве одного из обоснований современного социального протеста. Нынешнее движение сопровождается рядом публикаций, наполненных изложением обид на то, что почти все американские исследователи называют системным

расизмом США, а в качестве причины происходящих событий указывается «все еще присутствующее наследие рабства в Америке, которое и есть системный расизм» [2, р. 158].

Сегодня американская власть не может найти слов, которые были бы услышаны протестующими, чтобы хотя бы частично успокоить их. Более того, протестующие обращают внимание на то, что по мере приобретения протестом общенационального характера президент Д. Трамп стал осторожно говорить о существовании несправедливости в обществе. Американский социолог Дж. Уорланд писал: «Власть не хочет видеть, что речь идет ни о чем большем, кроме как о ярости против недавних примеров полицейской жестокости. Столетия расистской политики открыты и закрыты. Они привели к тому, что черные американцы жили в пыли и пренебрежении физически, эмоционально и экономически. Официальная власть говорит о том, что США сбросили иго рабства в мусорную яму истории после Гражданской войны, однако страна так и не провела необходимую работу, чтобы ликвидировать его травматичные последствия. Это и оставило те грозды гнева, которые дискриминируют черных американцев: медицинское обслуживание низкого качества, которое делает их более уязвимыми для болезней, и экономика, которая не дает возможности миллионам негров получить нормальный заработок. <...> Политики, активисты и обычные люди так и не знают, что делать с этой реальностью, но эта реальность в томах конкретных исследований, фактических описаний, не говоря уже об опыте многих американцев, страдающих каждый день, вполне очевидна. Историческим этот момент делает то обстоятельство, что за истекшие недели и месяцы (протеста. – И. А.) большая часть американцев осознали реальность проблемы». [3, р. 16, 18].

Суть этой реальности, по утверждению автора, в том, что понимание системного расизма, которое раньше было просто достоянием дебатов в академических кругах, стало частью общественного сознания Америки. Более того, сегодня оно овладело и умами ведущих общественных деятелей США: как известных политиков прошлого, в частности консерватора Дж. Буша, так и тех, кто хотел бы занять Белый дом, – Дж. Байдена и Д. Трампа. Дж. Уорланд не думает, что сработают попытки объяснить массовый социальный протест отдельными частными случаями несправедливости и вернуть протестующим назад состояние до массового бунта. Он говорит о том, что истина глубже: «Происхождение несправедливого американского расового порядка уходит своими корнями в одно из самых жестоких институтов порабощения, которые когда-либо испытывали люди. Более 12 млн африканцев самого разного возраста, закованных в кандалы, сброшенных в трюмы пароходов, были проданы в пожизненное

вынужденное рабство, которое сопровождалось непрерывным насилием и стратегической дегуманизацией. Свидетельством этого являются актовые записи о прибытии, купле, продаже этих рабов. На основе этого “особого института” мыслители выстроили бесчеловечную идеологию, оправдывающую такую жестокость, использующую религиозную риторику с псевдонаучной рационализацией обращения с людьми, как со скотом. После Гражданской войны структура рабства, имевшего правовое обоснование, была заменена другой организованной и уже не правовой структурой террора. Линчевание, лишение гражданских прав, рабство – все в какой-то мере сохранило расовую иерархию из периода реконструкции до середины XX в.» [3, p. 19].

Сегодня США осознают всю несправедливость сложившегося положения, но, похоже, осознание это пришло намного позже того периода, когда еще можно было исправить ситуацию. Сейчас вырисовывается достаточно консистентная философия обличения системного расизма США. Она подвергает серьезной критике весь исторический нарратив страны, суть которого, как мы знаем, заключается в том, что группа энтузиастов, страдателей за веру, явилась на американские берега, чтобы строить там новое будущее как образец для всего мира, «город на холме», «новый Иерусалим» и т. д. Афроамериканские исследователи Ф. Уильямс и М. Хэрриот жестко заявляют, что первые пароходы, которые в 1607 г. доставили первых поселенцев на берега Северной Америки, везли не борцов за свободу или справедливость. Они были представителями вирджинской коммерческой компании, задача которой состояла в освоении богатства американского континента для обеспечения прибыли дома. Суть этой акции была только одна – колониализм: «В течение более 400 лет единственным путем к американской мечте была частная дорога с ограниченным доступом и частнособственническим владением. Черным американцам никогда не удавалось насладиться плодами американского изобилия, даже учитывая то, что основную часть работы делали они. Обеспечение каждого гражданина возможностью успеха и процветания независимо от класса, пола или цвета кожи является столь же патриотичным принципом, как и заявление о том, что без представительства не может быть и налогообложения. Это единственный способ гарантировать жизнь, свободу и стремление к счастью» [4, p. 28].

Консерваторы из числа белых называют эту позицию негритянского меньшинства черным расизмом. Они не предлагают решения возникших острых социальных проблем и конфликтных ситуаций в американском обществе, надеясь, что, как и в прошлом, эти конфликты утихнут сами. Нынешний социальный протест привел к идеологическому расколу общества, американские социальные структуры

сейчас в значительной степени начинают определяться расовой идеологией. Английский журнал *The Economist* характеризует ситуацию так: «Американская проблема расизма может быть разделена на две части. Одна содержит все мириады несправедливости, которая по-прежнему угнетает афроамериканскую жизнь 150 лет спустя после формального уничтожения рабства. Другая состоит в том, что правые фракции эксплуатируют расовый разлом как политический инструмент. Примером первого является убийство на одной из улиц в Миннеаполисе Джорджа Флойда белым полицейским. Примером другого является ситуация, когда 3 июля на горе Рашмор, где находятся скульптуры выдающихся американских президентов, во время выступления Дональда Трампа афроамериканцы попытались прорваться, уничтожить эти статуи и навредить самому Трампу» [5, p. 7].

Трудно сказать, будет ли идеология черного расизма менее радикальной, чем идеология белого расизма. Во всяком случае, ее господство над толпами участвующих в социальном протесте очевидно, и это плохой симптом для будущего американской политической системы. Либеральные элиты США, увлеченные идеей толерантности, как-то незаметно попали под влияние агрессивных меньшинств. Началось с феминизма, особых прав ЛГБТ, трансгендеров. Естественно, следовало ожидать, что другие, гораздо более угнетенные, более многочисленные и готовые к социальным протестам меньшинства тоже заявят о себе самым решительным образом. Когда-то за день до своей смерти от пули белого расиста Мартин Лютер Кинг, известный борец за гражданские права афроамериканцев, говорил, что он на самом деле боится того, что когда-нибудь афроамериканцы объединятся и выступят против столетий презрения, эксплуатации, нищеты. В таком случае произойдут колоссальные потрясения мирового масштаба. Многое указывает на то, что если нынешние социальные протесты обретут столь всеохватывающие глобальные последствия, то закончится все самым трагическим результатом для США.

Сегодня многим кажется, что этого и следовало ожидать. Начиная с 1960-х гг. жизненный уровень афроамериканцев неизменно падал. Средняя афроамериканская семья зарабатывала только 60 % от суммы, которая составляла доход белой американской семьи. Только 10 % афроамериканских семей имеют сбережения (против 75 % белых семей). Растет число афроамериканцев, содержащихся в тюрьмах: в период с 1960 по 2010 г. оно увеличилось втрое. По статистике, один из трех афроамериканских мальчиков, родившихся в 2001 г., может быть уверен, что хотя бы один раз в своей жизни он подвергнется тюремному задержанию (среди белых – один из 17). «Экономическое неравенство, которое испытывают афроамериканцы, по многим

измерениям такое же, каким оно было 50 лет назад. Средний доход на афроамериканскую семью такой же, как в 1968 г. Высокий уровень преступности и тюремного задержания – постоянная особенность черной жизни, свидетельствующая о неизменном расизме. Изменения в индивидуальном поведении и экономическом положении афроамериканцев играют главную роль в их движении протеста. Самым важным фактором является колоссальная концентрация нищеты в афроамериканских гетто, которые исключают возможность его жителям пользоваться благами американской жизни» [6, р. 9].

Характерно, что потоки информации об имущественном, социальном и моральном неравенстве афроамериканцев в современном американском обществе публикуются европейскими журналами. Издание *The Economist* представляет консервативную часть английского общества, которое всегда было на стороне американцев во многих их геополитических и других начинаниях. Тот факт, что даже англичане вынуждены указывать на существенное моральное расовое неравенство в американском обществе, говорит о масштабах его распространения. Американские СМИ, ведущие представители истеблишмента очень осторожны в анализе реальных причин расового неравенства. Все еще господствует надежда на то, что с помощью геополитических методов и электоральных манипуляций удастся демобилизовать часть лидеров афроамериканского меньшинства и вернуть ситуацию на прежнее место. Однако сегодня в США заговорили о второй гражданской войне. Республиканцы обвиняют в инициировании социальных протестов афроамериканцев демократов, которые поощряли стихийные бунты во многих городах. Демократы обвиняют республиканцев в том, что они не смогли создать эффективную систему управления, которая предотвращала бы подобные социальные взрывы и рост недовольства. Происходящее в США оказывает негативное воздействие на все Трансатлантическое сообщество. Болгарский исследователь В. Апостолов пишет: «Последние события в США настолько абсурдны, показательны и опасны, что нам нужно ещё раз повторить, что произошло. Совершенно серьёзно и осознанно гигантские коммуникационные платформы будут писать о чернокожих “Black”, а о белых – “white”. Этнорафический символизм, из-за которого выглядит обиженная, озлобленная ненависть к себе, замаскированная в нелепую реваншистскую форму антирасизма. Антирасизм, расистский по своей природе, становится новой религией, партийной линией, культурной догмой и тиранической тоталитарной социальной структурой в свихнувшемся, но влиятельном мире так называемых либеральных элит» [7, с. 16].

Российские исследователи на этот счет более категоричны. Известный публицист Ю. Латынина в «Новой газете» дает американским радикалам безжалостное определение: «Все эти борцы за светлое будущее являются худшим видом расистов – темпоральными расистами. Они испытывают презрение по отношению ко всему прошлому человечества. Зачем им читать Аристотеля и Маркса, если у Аристотеля не было айфона. Они могут посмотреть видео длиной в две минуты и затравить всех, кто с ними не согласен»⁴. Ю. Латынина по-своему объясняет это массовое движение афроамериканского протеста: «В течение многих десятилетий (и особенно после кончины СССР) система всеобщего избирательного права, левая идеология, бюрократия государства умножала число люмпенов, живущих за счёт того, что они называли вэлфером, и что на самом деле является социализмом, а потом, решив ту или иную категорию населения стимулов к работе в обмен на нищенскую, как всегда при социализме, халяву, объясняли стремительный рост безработицы, неграмотности и преступности тяжёлым наследием расизма и колониализма»⁵.

Это, конечно, полемические оценки. В любом случае в них обращает на себя внимание одно важное обстоятельство. В течение двух десятилетий XXI в., когда крупный капитал стал уходить из ведущих капиталистических государств в регионы с дешевой рабочей силой, обедняя государственную казну, сокращая количество рабочих мест, увеличивая армию незанятых и безработных, единственным средством лечения создававшихся социальных проблем стали всевозможные социальные выплаты – от пособий по безработице до продовольственных талонов. Сократившиеся доходы государств ввиду непоступления значительной части налогов от деятельности удалившегося за рубеж бизнеса, не обладали ресурсами для проведения экономических реформ, создания новых рабочих мест, компенсирующих потери в результате деиндустриализации. Оставалось только платить скромное содержание незанятым на уровне прожиточного минимума, хотя в общем очень неплохого: на пособие по безработице в США можно снять двухкомнатную квартиру, купить подержанный автомобиль и т. д. Понятно, его не хватает на то, чтобы дать нормальное образование детям или обеспечить такой же образ жизни, как у работающего большинства. Это, как уже отмечалось, значительно увеличило незанятую маргинальную массу, которая смотрит на существующую реальность американского общества как на неблагоприятную и видит в истеблишменте основной инструмент их угнетения. Незанятость огромных масс трудоспособного населения становится подлинной проблемой социальной стабильности и равновесия в обществе,

⁴Латынина Ю. Кризис западной культуры // Новая газ. 2020. 1 июля. С. 4.

⁵Там же.

сравнимой только с растущей эксплуатацией на частных предприятиях.

В Европе американские проблемы пытаются объяснить последствиями коронавируса, хотя и здесь авторы недалеко от признания того, что это лишь обнажило брутальное неравенство, которое давно стало структурным компонентом американского истеблишмента. Директор Института Макса Планка ФРГ Й. Бекерт рисует такую картину американской жизни в условиях пандемии коронавируса: «Богатые бегут из Нью-Йорка, бедные встают в очередь за бесплатным супом. Пандемия показала: Соединенным Штатам нужно новое начало» [8, S. 19]. Автор весьма осторожен в оценке социально-экономических причин и последствий ситуации, но дает зарисовки положения в отдельных городах, индустриальных и культурных центрах США, которые представляют собой ужасающую картину: «Нью-Йорк является штатом исключительных социальных противоречий. Здесь живет почти 100 миллиардеров. Однако более 100 тыс. детей школьного возраста не имеют постоянного жилья. Коронавирус является той призмой, в которой отразилось неравенство и особенно процесс его дальнейшего обострения. Перед вирусом все оказались равны. Он не делает разницы между бедными и богатыми, и все же богатые обладают гораздо большими возможностями получить необходимую информацию, медицинские услуги, чтобы защитить себя от болезни, а бедные беспомощны» [8, S. 22].

Социальный протест радикализуется, принимая порой абсурдные формы. Ряды радикалов вырастают в американском протесте, и вовсе не за счет озабоченных социальной ситуацией. Наоборот, они оказывают все возрастающее давление на общественные институты в целях получения для себя особых привилегий. Из университетов увольняют преподавателей, которые отказываются ставить на экзаменах «необходимые» оценки чернокожим студентам, которые якобы переживают тяжелую травму расизма. Одного из профессоров престижного Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе уволили за то, что он, будучи белым, зачитал студентам письмо Мартина Лютера Кинга, в котором употреблялось слово, по произношению похожее на запретное «нигер». Общественное радио Америки (*National Public Radio*) предложило «деколонизовать» книжную полку, изъяв из обращения в библиотеках и магазинах литературу, в которой описано тяжелое подневольное положение афроамериканцев. Появилось организованное движение Новых красных, которое исповедует левый радикализм, цель которого не защита жертв расизма, а фактическое уничтожение свобод и достижений открытого общества. Для этого вербуются союзники и беспощадно отменяются все те, кто выступает против. Речь идет о реализации

«черной политической воли и власти». В их программах ставятся следующие условия:

1) обеспечение безопасности людей, недавно выпущенных из заключения (чернокожие составляют всего 13 % населения США, но 42 % заключенных; в 2018 г. чернокожие преступники совершили 53,3 % всех убийств в США);

2) репарации за столетия эксплуатации, за прошлый и продолжающийся вред;

3) компенсация за системный отказ в доступе к высококачественным образовательным возможностям в форме бесплатного поступления всех чернокожих (включая лиц без документов в настоящее время, а также бывших заключенных) в государственные общественные колледжи и университеты и получения ими технического образования (технологии, торговля, сельское хозяйство); реализация программ поддержки образования, ретроактивные прощения студенческих ссуд и поддержка программ обучения;

4) компенсация за продолжающиеся отчуждение, дискриминацию и эксплуатацию чернокожих сообществ в форме гарантированного минимального приемлемого дохода для всех афроамериканцев с четко сформулированными правилами;

5) расширение всех существующих программ обслуживания и поддержки для людей с низким доходом; обеспечение доступа к основным потребностям, включая продукты питания для всех;

6) создание специального федерального инвестиционного пакета стоимостью 2 трлн долл. США для решения этих задач [9, p. 24].

Иначе говоря, речь идет не о преобразовании производственно-экономической системы США, внедрении принципов справедливости в социальные и межэтнические отношения, а о создании системы социальной благотворительности, которая обеспечила бы безбедную нетрудовую жизнь более чем 40 млн нынешних маргиналов. Число их даже при частичной реализации всех этих требований будет, несомненно, увеличиваться. Речь, таким образом, идет о радикальном социальном ультиматуме властям США. Цель его заключается не в изменении социального строя, а в обеспечении благополучного и безбедного существования на особых правах.

Все это указывает на то, что радикальный афроамериканский протест становится структурным компонентом общественной жизни США, внедряется в систему общественных отношений на всех уровнях, парализуя деятельность государственных институтов, системы правового обеспечения повседневного существования, разрушает сложившиеся системы ценностей и саму практику правления законом (*the rule of law*), составлявшую основу американской государственности.

Многое указывает на то, что процесс приобретает постоянный характер, и этому есть много причин.

Первая состоит в том, что по ходу обострения социального протеста и обретения им масштабов общенационального бедствия создается новый нарратив американской истории, полностью уничтожающий классические системы, а с ними и американскую государственность, философию, социальную практику и культурные коды американской цивилизации. В этом новом нарративе заложена вина всего американского общества по отношению к 13 % чернокожего населения за 400 лет эксплуатации. В нем смещаются акценты, выделяется основная мысль: своим благополучием, богатством, мощью США обязаны тем, что сначала использовали труд нескольких миллионов завезенных рабов, а потом чернокожих граждан страны, нещадно эксплуатировавшихся на протяжении всего развития американской цивилизации в силу социального и правового неравенства. В ходе социальных волнений в афроамериканском сегменте населения образовались устойчивые группировки и объединения, заинтересованные в обострении протеста ввиду получения несомненных выгод за счет грабежа магазинов и складов. Формируется радикальная масса, которая намерена держать в возбужденном состоянии все американское общество путем погромов, убийств, насилия. Афроамериканцам выгодно поощрять бездеятельность в сфере образования, производства. Безусловно, черный расизм возбуждает белый расизм, который все еще не исчез. Уже сейчас в ряде городов, где происходят социальные протесты, белые выходят с оружием в руках, чтобы защитить свое имущество, жилье, детей. С учетом концентрации оружия в широких и особенно в маргинальных кругах населения все это чревато гражданской войной.

Все гражданские войны начинаются внезапно, длятся долго, изнуряя общество. Их последствия, как известно, ликвидируются и болезненно в течение десятилетий. Сейчас в кругах афроамериканской интеллигенции слышны попытки оправдания происходящего. Как уже отмечалось, бунты в городах называются второй революцией. Указываются и основные причины: стремление к экономической справедливости, равенству. Афроамериканский протест тождествен радикализму движения «Сыновья свободы», которое в конце XVIII в. сбросило 342 ящика чая в Бостонском порту. В истории этот инцидент стал известен, как бостонское чаепитие. Историки называют его первым бунтом, который привел потом к освободительной войне белых поселенцев Северной Америки против владычества английского короля Георга. Представители афроамериканской интеллигенции высказывают надежду на то, что в этом современном состоянии растерянности надо начинать самоизлечение: «Следует убедить людей в том, что если мы не можем избежать нашего прошлого, то его возможно

преодолеть, и если мы хотим мобилизовать нацию на самоочищение, ее необходимо заставить созидать новое будущее, которое предполагает одинаковые возможности богатства, благополучия и успеха, которыми пользуются сегодня те, кто в течение длительного времени строил империю на нашем рабском труде. Мы заслужили того, чтобы получить проценты с долларов, которые заработали в конфедерации и которые предоставили нашим белым братьям и сестрам в условиях нового курса, хотя и находились тогда в угнетенном положении. Мы должны получить компенсацию за те средства, которые направили на обеспечение функционирования школ, которые были недоступны нашим детям. Мы хотим свободы и справедливости не только для отдельных американцев, но и для всех» [9, р. 24].

Этот подход разделяют все лидеры афроамериканского социального движения – как радикалы, так и более умеренные. Однако обратим внимание на то, что серьезных социальных программ у протестующих нет. Все сводится к предложениям «раздать и поделить». Это не меняет природы современного капитализма и связанной с ним социальной несправедливости. Общее настроение радикализма не дает возможности исследовать проблему межэтнических конфликтов на фоне современных миграционных процессов, которые обостряются и ускоряются глобализацией. Миллионы людей, передвигающихся по миру в поисках лучшего будущего, интегрируются в традиционное общество все с большим трудом. Пока, кроме чисто организационных попыток сокращения числа этих приезжих, современное общество не предпринимает никаких других мер. Однако концентрация мигрантов в развитых и благополучных обществах государств Панатлантического сообщества принуждает их к организации для защиты своих интересов, которая часто выливается в неуправляемые стихийные бунты и акты терроризма. И то, и другое подрывает социальное равновесие в западном мире.

До сих пор казалось, что устойчивость общественно-политической и экономической структуры США – надежная гарантия против того, что стихийные протесты не обретут разрушительной силы, способной привести к глубинным социальным трансформациям. Интенсивность новой волны радикального афроамериканского протеста показала всему миру неспособность Америки предложить своим союзникам путь социальных реформ, который обеспечил бы устойчивость своим общественным системам.

Социальный хаос, который порождают неуправляемые радикальные бунты, становится серьезной угрозой современному функционированию цивилизации независимо от тех политических оттенков (правого и левого толка), которые характерны для лидеров. Речь идет о существенной глобальной

трансформации не только современного миропорядка, но и социальных структур, составляющих общую глобальную основу этого миропорядка. Современное общество движется к хаотическому состоянию, последствия которого предсказать не может никто. Это состояние, которое чаще всего демонстрирует радикальные протесты, а также неспособность правительств мира решать крупнейшие

глобальные проблемы, такие как, например, пандемия коронавируса или ухудшение природной среды совместными усилиями. Это говорит о том, что человечеству предстоит найти новые формы сотрудничества и сосуществования, которые сводили бы к минимуму негативные последствия хаотических социальных взрывов, являющихся симптомами неблагополучия.

Библиографические ссылки

1. Kaplan RD. *Warrior politics: why leadership demands a pagan ethos*. New York: Vintage; 2003. 224 p.
2. Chua A. Divided We Fall : What Is Tearing America Apart? *Foreign Affairs*. 2020;99(4):158–164.
3. Worland J. America's long overdue awakening to systemic racism. *Time Magazine* [Internet]. 2020 June 11 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/5851855/systemic-racism-america>.
4. Pharrell W, Michael H. America's past and present are racist. We deserve a black future. *Time Magazine* [Internet]. 2020 August 20 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/magazine/us/5881573/august-31st-2020-vol-196-no-9-u-s/>.
5. The new Ideology of race. And what's wrong with it. *The Economist* [Internet]. 2020 July 9 [cited 2020 July 11]. Available from: <https://www.economist.com/leaders/2020/07/09/the-new-ideology-of-race>.
6. How black lives can get better. Segregation still blights the lives of African-Americans. *The Economist* [Internet]. 2020 July 9 [cited 2020 July 11]. Available from: <https://www.economist.com/briefing/2020/07/09/segregation-still-blights-the-lives-of-african-americans>.
7. Апостолов В. Труд (Болгария): кошмарный мазохизм СМИ в Черно-белых тонах [Интернет]. 2020 [процитировано 24 июля 2020 г.]. Доступно по: <https://inosmi.ru/politic/20200724/247817242.html>.
8. Beckert von J. So legt die Koronakrise die brutale Ungleichheit offen. *Der Spiegel* [Internet]. 2020 July 03 [cited 2020 July 5]. Available from: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/usa-wie-die-corona-krise-die-brutale-ungleichheit-offenlegt-a-00000000-0002-0001-0000-000171875123>.
9. Pharrell W, Michael H. Pharrell Williams: America's past and present are racist. We deserve a black future. *Time Magazine* [Internet]. 2020 August 20 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/5880929/pharrell-williams-black-future/>.

References

1. Kaplan RD. *Warrior politics: why leadership demands a pagan ethos*. New York: Vintage; 2003. 224 p.
2. Chua A. Divided We Fall : What Is Tearing America Apart? *Foreign Affairs*. 2020;99(4):158–164.
3. Worland J. America's long overdue awakening to systemic racism. *Time Magazine* [Internet]. 2020 June 11 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/5851855/systemic-racism-america>.
4. Pharrell W, Michael H. America's past and present are racist. We deserve a black future. *Time Magazine* [Internet]. 2020 August 20 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/magazine/us/5881573/august-31st-2020-vol-196-no-9-u-s/>.
5. The new Ideology of race. And what's wrong with it. *The Economist* [Internet]. 2020 July 9 [cited 2020 July 11]. Available from: <https://www.economist.com/leaders/2020/07/09/the-new-ideology-of-race>.
6. How black lives can get better. Segregation still blights the lives of African-Americans. *The Economist* [Internet]. 2020 July 9 [cited 2020 July 11]. Available from: <https://www.economist.com/briefing/2020/07/09/segregation-still-blights-the-lives-of-african-americans>.
7. Apostolov V. Trud (Bulgaria): Mass media nightmare in black and white [Internet]. 2020 [cited 2020 July 24]. Available from: <https://inosmi.ru/politic/20200724/247817242.html>. Russian.
8. Beckert von J. So legt die Koronakrise die brutale Ungleichheit offen. *Der Spiegel* [Internet]. 2020 July 03 [cited 2020 July 5]. Available from: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/usa-wie-die-corona-krise-die-brutale-ungleichheit-offenlegt-a-00000000-0002-0001-0000-000171875123>.
9. Pharrell W, Michael H. Pharrell Williams: America's past and present are racist. We deserve a black future. *Time Magazine* [Internet]. 2020 August 20 [cited 2020 September 5]. Available from: <https://time.com/5880929/pharrell-williams-black-future/>.

Статья поступила в редколлегию 15.09.2020.
Received by editorial board 15.09.2020.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И ЦЕЛЕЙ, СТАВШИХ СЕГОДНЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

А. А. ПЛАЩИНСКИЙ¹⁾

¹⁾Администрация Парка высоких технологий,
ул. Купревича, 1, корп. 1, 220141, г. Минск, Беларусь

Рассматривается процесс формирования внешнеполитической стратегии США как инструмента установления нового мирового порядка после окончания Второй мировой войны. В научный оборот белорусской политической науки введен массив информации, состоящий из многочисленных англоязычных источников: документов внешней политики США, архивных материалов, мемуарной литературы, специализированных периодических изданий и др. На основании изученного материала выделяются и исследуются ключевые факторы, обусловившие формирование глобальной стратегии США (военный, стратегический, экономический, политический, ядерный, мессианский, личностный, геополитический, фактор внешней угрозы – «образ врага»), а также определяются среднесрочные и долгосрочные цели по отношению к Евразии. Системный анализ аспектов, целей и геополитических концепций, используемых Белым домом в рамках реализации внешней политики (как в период холодной войны, так и после ее окончания), позволяет проследить, каким образом в исторических событиях первых послевоенных лет сформировались основы либеральной модели, ставшей сегодня реальностью. Показано, что расширение парадигмы нового мирового порядка сопровождается перманентной экономической, геополитической и военной экспансией США, в рамках которой территории современной Беларуси, России и других государств бывшего СССР выступают плацдармом, необходимым для достижения мирового лидерства. С этой точки зрения холодная война не закончилась, изменились ее формы и методы. По этой причине новый мировой порядок предстает как многогранный феномен, который проецируется в информационном, экономическом и военно-политическом измерениях и направлен на установление в мире глобальной власти США и стоящих за ними сил. Сделан вывод о том, что подчинение национального духа интересам внешнеполитической стратегии США является ее главной концептуальной целью. Данный факт определяет характер современной войны за сознание. Понимание этих процессов необходимо для обеспечения национальной безопасности и преемственного развития белорусского государства.

Ключевые слова: США; внешнеполитическая стратегия; факторы; формирование; реализация; идеология; глобализм; новый мировой порядок; национальная безопасность; преемственность.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках НИР «Парадигма нового мирового порядка и евразийская интеграция: проблемы и перспективы» (номер государственной регистрации 20191631).

Образец цитирования:

Плащинский АА. Формирование внешнеполитической стратегии США после окончания Второй мировой войны: анализ факторов и целей, ставших сегодня реальностью. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:50–64.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-50-64>

For citation:

Plashchinsky AA. Formation of the USA foreign policy strategy in the aftermath of World War II: the analysis of factors and goals that shaped the reality today. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:50–64. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-50-64>

Автор:

Александр Алексеевич Плащинский – кандидат политических наук, доцент; заместитель начальника отдела образовательной деятельности.

Author:

Alexander A. Plashchinsky, PhD (politics), docent; deputy head of the department of educational activity.
a.plashchinsky@mail.ru

FORMATION OF THE USA FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE AFTERMATH OF WORLD WAR II: THE ANALYSIS OF FACTORS AND GOALS THAT SHAPED THE REALITY TODAY

A. A. PLASHCHINSKY^a

^a*Hi-Tech Park Administration,
1 Kupreviča Street, 1 building, Minsk 220141, Belarus*

The article views the process of formation of the USA foreign policy strategy as being an instrument of establishing a new world order in the aftermath of World War II. An array of information, which consists of numerous sources in English, has been introduced into the scientific circulation of Belarusian political science and translated by the author himself. These are USA foreign policy documents, archival materials, memoirs, specialised periodicals, etc. Based on system analysis of this information, the key factors that determined the formation of the USA global strategy have been identified and analysed. Among them are the following ones: military, strategic, economic, political, nuclear, messianic, personal, factor of external threat («image of enemy»), geopolitical. The medium and long-term goals of the USA foreign policy strategy in Eurasia have been identified. The system analysis of the factors, goals and geopolitical concepts used by the White House in realising its foreign policy, both during the Cold War and in its aftermath, allows tracing how did the liberal paradigm, which foundations had been formed within the historical events of the first post-war years, become a reality today. The article demonstrates that the expansion of the new world order paradigm is being accompanied by permanent economic, geopolitical and military expansion of the United States. In the framework of that expansion the territories of modern Belarus, Russia and other states of the former USSR are the stepping stones necessary to gain world leadership. From this point of view, the Cold War is not over. Yet its forms and methods have changed. Therefore, the new world order appears as being a multifaceted phenomenon projected into the informational, economic, and military-political dimensions to establish the global power of the USA in the world and that of the forces that stand behind it. It is concluded that the obedience of the national spirit to the interests of the US foreign policy strategy is the main conceptual goal of the latter. This fact determines the nature of the modern war on consciousness. Understanding the new world order phenomenon as well as the USA foreign policy strategy as being the instrument of its establishing is necessary to ensure national security and successive development of the Belarusian state.

Keywords: USA; foreign policy strategy; factors; formation; implementation; ideology; globalism; new world order; national security; continuity.

Acknowledgements. Published as a part of the research project «The paradigm of a new world order and Eurasian integration: problems and prospects» (state registration No. 20191631).

Делай, что должен, и свершится, чему суждено.

Марк Аврелий

Введение

Движущие силы и глубинные тенденции мировой политики невозможно определить без системного анализа внешнеполитической стратегии США и основных закономерностей ее развития. В связи с этим необходимо исследовать факторы, обусловившие ее формирование после Второй мировой войны, раскрыть цели и механизмы достижения. Реализация данной стратегии США является одним из определяющих аспектов мировой политики – инструментом установления нового мирового порядка. На современном этапе

этот процесс осуществляется в рамках концепций золотого миллиарда, управляемого хаоса и других стратегических доктрин. Закрепление геополитической парадигмы «мира по-американски» сопровождается радикализацией религиозных, национально-этнических, территориальных и иных противоречий, способствующих столкновению цивилизаций и новому переделу мира. Данный факт представляет опасность не только для национальной безопасности, но и для мирового развития в целом.

Основная часть

Проанализированы главные факторы, обусловившие формирование внешнеполитической стратегии США и ее реализацию после Второй мировой войны.

Военный фактор сыграл особую роль в возвышении США в мировой иерархии. Страна приняла участие в двух мировых войнах и холодной войне,

руководствуясь прежде всего стратегическими интересами. Во-первых, правящей элите в Вашингтоне необходимо было ослабить конкурирующие центры силы в Евразии. Во-вторых, как отмечается в директиве Совета национальной безопасности США 20/1, требовалось «свести к минимуму мощь и влияние Москвы»¹. Россия, будучи мощным субъектом христианской цивилизации, априори не может быть интегрирована в секулярный мировой порядок, поэтому участие в двух мировых войнах должно было истощить ее и в конечном счете превратить в сырьевой придаток Запада. Президент США Г. Трумэн 24 июня 1941 г. заявил: «Если мы увидим, что Германия побеждает, нам следует помогать России. Если будет побеждать Россия, нам следует помогать Германии. И, таким образом, позволить им убивать как можно больше» [1, р. 21–23].

Столкновение препятствующих новому мировому порядку центров силы – России и Германии – произошло не случайно. Ветеран Службы внешней разведки России генерал-майор Ю. И. Дроздов подчеркивает: «В течение одного столетия дважды (в 1914 и 1941 гг.) немцы и русские начинали войну на взаимное истребление, фактически во имя интересов американцев и англичан...» [2, с. 4]. Белорусский ученый В. Н. Конобеев также справедливо отмечал, что «столкновения двух континентальных геополитических сил Евразии в первой половине XX века (России/СССР и Германии) дважды (в 1914 и 1941 гг.) состоялись в русле реализации англо-американских геополитических концепций. И оба раза, что тоже общеизвестно, главный финансово-политический приз доставался Вашингтону. В третий раз этот приз США получили в 1991 г., по окончании холодной войны» [3, с. 58]. Подполковник Военно-воздушных сил США в отставке У. Дж. Астор откровенно признает, что «постоянная война становится почти несомненным фактом для Америки»². В контексте установления нового мирового порядка вооруженное вмешательство США является одним из инструментов стратегии Вашингтона.

Стратегический фактор в формировании внешнеполитического курса США проявился в радикальном изменении международно-политической ситуации и расстановки сил в мире после Второй мировой войны. Ослабление евразийского центра силы в двух мировых войнах создало благоприятные условия для трансформации евроцентричной системы международных отношений в американоцентричную. США получили историческую возможность повлиять на мировое экономическое и политическое развитие в выгодном для себя направлении. Руководители этой страны считали, что занимается «заря нового

мира» [4, р. 182]. Г. Трумэн, Дж. Маршалл, Д. Ачесон и другие политические деятели в Вашингтоне были убеждены, что в результате Второй мировой войны США превратились в первую державу мира. Им была свойственна «эйфория всемогущества». Д. Ачесон озаглавил свои мемуары «Присутствуя при сотворении мира». Он обратил внимание на общее настроение, «которое вдохновляло всех нас в то время... каждый из нас понимал, что наступил главный поворотный момент всей американской истории. Произошло слияние воедино определяющих исторических тенденций» [5, р. 220].

Советники Г. Трумэна по внешней политике докладывали президенту о коллапсе европейского центра силы и необходимости для США заполнить вакуум власти на международной арене [6, р. 250]. Многие исследователи холодной войны также подчеркивали ключевое значение послевоенного периода в истории США. По мнению известного американского ученого-постревизиониста М. Леффлера, слияние традиционных экономических и идеологических целей вместе со стратегическими и геополитическими императивами ознаменовало решающий, кульминационный момент развития американской внешней политики [7].

Стратегическая важность данного периода заключалась в следующем. США и СССР закрепили раздел Европы на сферы влияния еще в Ялтинских и Потсдамских соглашениях. США «заняли» Францию, Италию, страны Бенилюкса и Западную Германию, а Советский Союз – всю Восточную и Центральную Европу, в том числе Восточную Германию. С одной стороны, США являлись центром политико-экономического развития западного мира. Война укрепила их мощь и международно-политическое влияние, они овладели атомной монополией и в перспективе рассчитывали на установление нового мирового порядка под своим руководством. С другой стороны, советским войскам принадлежали важнейшие рубежи в Европе. СССР влиял на внутриполитическое развитие в восточноевропейских странах и стремился реализовать свои национальные интересы после наибольшего количества жертв во Второй мировой войне. Победа СССР в Великой Отечественной войне и революция в Китае (который, наряду с восточноевропейскими странами, рассматривался политиками в Вашингтоне в качестве советского сателлита) привели к недопустимому, по мнению американского истеблишмента, смещению баланса сил в пользу Москвы.

Между сверхдержавами нарастали противоречия по вопросам послевоенного устройства Германии, Японии, Китая, Кореи и других государств. США

¹US National Security Council Directive 20/1 (18 August 1948) // Containment: documents on American policy and strategy, 1945–1950 / T. H. Etzold, J. L. Gaddis (eds). Washington : National Security Council, [1950]. P. 173–203. (Здесь и далее перевод наш. – А. П.).

²Astore W. J. Hope and change fade, but war endures // History News Network [Electronic resource]. URL: <https://historynewsnetwork.org/article/128929> (date of access: 26.11.2020).

особенно беспокоил факт глубокого проникновения СССР в Восточную и Центральную Европу: в Югославии и Албании приход к власти коммунистических правительств произошел еще в 1943–1944 гг., в Болгарии – в сентябре 1944 г., в Венгрии, Румынии, Чехословакии, Польше просоветские правительства закрепились к 1948 г. Сформировался обширный пояс стран народной демократии – основы социалистического лагеря и советской сферы влияния.

Усиление влияния СССР в Восточной Европе, которая рассматривалась Москвой как пояс безопасности, а также успехи коммунистических партий на Балканах и в Китае, рост коммунистического движения в Западной Европе представляли угрозу планам США по созданию «мира по-американски». Вследствие этого политические и общественные деятели в Вашингтоне призывали администрацию Г. Трумэна к ужесточению политики в отношении СССР. Один из влиятельных экспертов Госдепартамента Ч. Болен писал: «Необходимо заново пересмотреть основные цели и задачи нашей внешней политики. Вся логика ситуации заключается в том, что весь несоветский мир должен как можно сильнее сплотиться в политическом, экономическом, финансовом и, по последним анализам, в военном отношении» [8, р. 763–764]. В данном контексте видный идеолог холодной войны, американский журналист У. Липпман отметил: «Никогда ранее не было так необходимо финансировать наши внешнеполитические инструменты и обязательства. Никогда ранее не было так необходимо объединить нашу политику в единую стратегическую концепцию и направить на ее реализацию всю нашу мощь, престиж, деньги и опыт» [9, р. 145].

Еще в военный период американские политики подчеркивали, что после падения Германии в Европе не будет силы, способной противостоять военной мощи Советского Союза [10, р. 15]. Данный факт вызывал обеспокоенность у правящих кругов в Вашингтоне. Оценивая послевоенную расстановку сил, известный американский историк В. Гор писал: «США были хозяином Земли. Ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни Япония не были способны противостоять воле Республики. Только таинственные Советы могли действовать и повлиять на баланс сил в мире» [1, р. 26].

В СССР осознавали экспансионистские планы США. В рассекреченном в 1990 г. аналитическом обзоре «Внешняя политика США в послевоенный период», подготовленном 27 сентября 1946 г. послом СССР в США Н. Новиковым по поручению министра иностранных дел В. Молотова, говорилось, что «внешняя политика США характеризуется в послевоенный период стремлением к мировому господ-

ству» [11, с. 148]. Далее речь шла о «наступательном характере стратегических замыслов США» и «жесткой позиции в отношении СССР». Подчеркивалась даже «возможность будущей войны с СССР», третьей войны с применением атомной бомбы. По мнению посла, США рассматривали СССР как «главное препятствие на пути к мировому господству» [11, с. 154]. Такой внешнеполитический анализ представляется аргументированным и сегодня. Американский исследователь Т. Маккормик также признавал, что СССР являлся самым большим препятствием для американской гегемонии и планов США относительно нового мирового порядка. В результате возникла холодная война [1, р. 32].

Влияние *экономических факторов* на формирование и реализацию внешнеполитической стратегии США после 1945 г. заключалось в том, что Вторая мировая война не только вывела США из Великой депрессии, но и способствовала беспрецедентному росту американской экономики. В 1945 г. валовой национальный продукт страны превысил довоенный показатель более чем в 2 раза и равнялся 220 млрд долл. США (в 1939 г. – по сравнению с 91 млрд долл. США). Это составляло около половины всех товаров и услуг, произведенных в мире [12, р. 333]. Бурному экономическому росту в значительной степени содействовали военные поставки союзникам в годы войны Администрацией ленд-лиза (*Office of lend-lease Administration*) и Администрацией внешнеэкономической помощи (*Foreign Economic Assistance Administration*). Только по ленд-лизу США отправили союзникам вооружение, продукты продовольствия и другие товары на сумму 48 млрд долл. США³. Предоставление кредитов на закупку сырья и оборудования в США обеспечило заключение новых контрактов с американскими компаниями и стимулировало рост экономики. Именно аккумулированная в годы войны экономическая и военная мощь заложила основу для реализации глобальной стратегии.

В первые послевоенные годы в США было сконцентрировано более 70 % всех золотых запасов стран с рыночной экономикой, а уровень накоплений достиг 136 млрд долл. США [13, с. 337]. Великобритания, например, уже к 1943 г. отдала весь свой золотой запас американцам, а к 1949 г. в Форт-Ноксе, государственном хранилище, скопилось 21,8 тыс. т золота (за всю историю человечества добыто около 100 тыс. т)⁴. Обладая такими резервами, США установили финансовое лидерство в мире. Еще в июле 1944 г. 44 страны – участницы Бреттон-Вудской конференции признали главенствующее положение доллара США на мировых финансовых рынках.

³Черных Е. Почему доллар правит миром? [Электронный ресурс] // Комсом. правда. 2009. 5 марта. URL: <http://kp.by/daily/24255.3/452425/?geo=3> (дата обращения: 11.03.2020).

⁴Дьяченко А. Поражение желтого дьявола // Труд. 2000. 6 июля. С. 9.

В Западной Европе, являвшейся одним из важнейших торговых партнеров Вашингтона, наблюдался глубокий экономический кризис, характеризующийся падением темпов производства, разрывом традиционных связей, иными словами, послевоенной разрухой. Торгово-экономические отношения западноевропейских государств с США оказались практически заморожены. Многие политики и экономисты высказывали опасения о возможности повторения новой депрессии, такой, которая была в 1873–1878 и 1929–1933 гг. [14, р. 235]. В своих публичных выступлениях Г. Трумэн акцентировал внимание на том, что США не должны снова пройти через тридцатые годы [15, р. 68].

Прогнозы американских экспертов о грядущем кризисе во многом объяснялись нехваткой долларовых резервов в Европе и инфляцией в США. Американский экспорт в Европу в 1947 г. превысил импорт в 7 раз; отрицательное сальдо составило 20 млрд долл. США [16, с. 254]. Европейские страны не могли финансировать импорт из США. Осенью 1947 г. А. Гарриман отмечал, что в связи с ухудшением экономической ситуации европейские страны должны ввести государственную монополию на торговлю. США будут вынуждены последовать этому же примеру. В результате возникнет система госконтроля в экономике, которая поставит под угрозу американский принцип свободного предпринимательства [17].

В послевоенных условиях наметилась еще одна опасная для мира открытых дверей тенденция – движение к национальному капитализму и созданию замкнутых блоковых экономик на базе двусторонних отношений. Страны Западной Европы начали создавать протекционистские барьеры против американских товаров и все больше ориентировались на внутриевропейские отношения. С этой целью заключались двусторонние торгово-экономические соглашения (к 1947 г. их было 200 [18, с. 81]), в том числе со странами Восточной Европы и СССР, обладающим огромным потенциальным рынком.

Вместе с тем осложнение экономической ситуации на центральной арене мира открывало для США широкие стратегические возможности: способность предоставлять кредиты гарантировала Вашингтону влияние на политическое и экономическое развитие государств. В аналитической записке Н. Новикова отмечалось: «Европа вышла из войны с совершенно расстроенной экономикой. Такая обстановка открывает перед американским монополистическим капиталом перспективу громадных поставок товаров и экспорта капитала в эти страны, что позволило бы внедриться в их народное хозяйство. Реализация этой возможности означала бы серьезное укрепление экономических позиций США во всем мире и явилась бы одним из

этапов на пути к установлению мирового господства» [11, с. 148–149].

Важным *политическим фактором*, повлиявшим на формирование внешнеполитической стратегии США, стало закрепление просоветских правительств в Западной Европе. Во Франции и Италии коммунистические партии занимали наиболее влиятельные позиции. Во Франции, например, в 1945 г. коммунистическая и социалистическая партии были равны по численности. В союзе с христианско-демократической партией они образовали коалиционное правительство, которое просуществовало до 1947 г. Подобная ситуация наблюдалась и в Италии. Дальнейшее ухудшение политического и экономического положения в Западной Европе означало бы потерю ключевого для США региона.

Появлялись предпосылки для политических изменений во всем мире. Д. Ачесон заявил: «В мире сложилась ситуация, наиболее ярко проявившаяся в Европе и на Дальнем Востоке, угрожающая основам и самой сущности мироустройства. Вся Европа и Азия созрела для революции. Частная собственность находится под угрозой. Социально-экономическая жизнь Европы в тупике» [17]. В докладе комиссии Гарримана подчеркивалось, что если страны Западной Европы станут коммунистическими в результате экономического кризиса, то Скандинавские страны, а также стратегически важный север Африки и Ближний Восток будут ожидать та же участь. Попадание Западной Европы, второй по величине промышленно развитой зоны мира, в сферу влияния СССР коренным образом изменило бы положение США на международной арене. Последствия для экономической и политической жизни этой страны были бы непреодолимыми, представляя угрозу самой форме правления [7].

Ядерный фактор (монополия на атомное оружие) оказал особое давление на трансформацию внешнеполитического курса США. Атомная дипломатия во многом предопределила характер мировой политики и способствовала началу холодной войны. Во-первых, такая политика послужила импульсом для активизации геополитической экспансии США и раздела мира на два лагеря; во-вторых, содействовала формированию западного блока государств и зарождению стратегии сдерживания. Ее осуществление на фоне нагнетаемой советской угрозы значительно облегчило задачу аналитиков в Вашингтоне по созданию имиджа США как гаранта безопасности Европы, которая в случае сотрудничества с ними оказывалась под ядерным зонтиком, т. е. в американской сфере влияния.

Еще до испытания атомной бомбы Г. Трумэн считал ее средством воздействия на Кремль. Подтверждение об успешном испытании ядерного оружия Г. Трумэн получил 16 июля 1945 г., накануне Потсдамской конференции. В своем потсдамском

дневнике президент записал, что США разработали самое опасное оружие в истории человечества. Сложившаяся ситуация, по его мнению, предоставила возможность приступить к созданию нового мирового порядка под руководством США [19, с. 427]. Ядерную бомбардировку японских городов 6 и 9 августа 1945 г. Г. Трумэн назвал «величайшим событием в истории» [20, с. 266; 21, с. 241].

Используя механизмы ООН, США стремились закрепить монополию на обладание ядерным оружием. В целях подготовки позиции Вашингтона на переговорах с Москвой госсекретарь США Дж. Бирнс (1945–1947) утвердил специальный комитет Госдепартамента под председательством Д. Ачесона и консультативный совет под руководством Д. Лилиенталя. В марте 1946 г. они подготовили доклад Ачесона – Лилиенталя, ключевым тезисом которого являлся международный контроль над атомной энергией. Данный документ был доработан Б. Барухом, советником президентов США (В. Вильсона, У. Хардинга, Г. Гувера, Ф. Рузвельта, Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра), и внесен в Комиссию ООН по атомной энергии 14 июня 1946 г.

В соответствии с планом Баруха предлагалось создать Комиссию ООН по атомной энергии, уполномоченную контролировать и лицензировать весь добываемый в мире уран, его переработку и использование, а также руководить ядерными объектами и инспектировать их. Вашингтон намеревался занять ведущую роль в указанной комиссии, поэтому предложил упразднить право вето великих держав в Совете Безопасности ООН, на котором настаивал СССР. Очевидно, что «подобный план, означающий на деле попытку установления *Pax Americana*, где США останутся единственным обладателем ядерного оружия, был обречен на провал»⁵. Советская дипломатия его отвергла. В своих мемуарах А. Громыко отмечал, что Вашингтон даже не пытался скрывать намерения занять главную роль в Комиссии ООН по атомной энергии, чтобы контролировать все, что имеет отношение к производству и хранению расщепляемых веществ, и под предлогом проведения международных инспекций вмешиваться во внутренние дела государств [22]. Именно после этой неудачной попытки политического давления на СССР Б. Барух впервые употребил термин «холодная война» и заявил 16 апреля 1947 г. о том, что «мы сегодня в разгаре холодной войны...» [23, с. 134].

Настойчивость Вашингтона в отношении монополии на ядерное оружие объяснялась главным образом стремлением США использовать его как мощный аргумент в установлении нового мирового

порядка. Известный английский ученый и общественный деятель Б. Рассел, призывая к созданию мирового правительства, 1 октября 1946 г. опубликовал статью в «Бюллетене ученых-атомщиков». Редакторами данного издания являлись Б. Барух и Д. Лилиенталь, которые обладали значительным влиянием в политических кругах США, лоббируя интересы «мира по-американски». По согласованию с ключевыми фигурами в администрации США Б. Рассел писал следующее: «На определенном этапе, когда созреют их планы (правительств США и Великобритании. – А. П.) по созданию международного правительства, им следует предложить эти планы миру... Если Россия с готовностью уступит и согласится, все будет хорошо. Если нет, то надо будет оказать на нее давление, даже если в результате возникнет угроза начала войны» [24, р. 19–20]. Предлагалось создать мировое правительство, которое, во-первых, «реально правит, а не создает видимость дружелюбия и доброжелательности»; во-вторых, обладает «монополией на уран», а также «всем необходимым для обеспечения собственной неодолимости» (далее речь шла о создании вооруженных сил мирового правительства). В статье также отмечалось, что «в ближайшем будущем мировая война, какой бы ужасной она ни была, скорее всего, закончится победой Америки без уничтожения цивилизации в Западном полушарии. Нет сомнений, что победа Америки приведет к созданию мирового правительства при гегемонии США. Я, со своей стороны, буду с энтузиазмом приветствовать такой результат» [24, р. 21]. Следовательно, идея создания мирового правительства, обладающего собственной армией и монополией на атомное оружие, реализовывалась отдельными силами в Вашингтоне и Лондоне уже в послевоенные годы.

Однако этим планам не суждено было сбыться благодаря активной внешней политике СССР и лично И. Сталина. Как отмечает К. Болтон, «СССР при Сталине помешал созданию мирового порядка, при котором нас сразу после Второй мировой войны вполне могла поработить всемирная власть»⁶. СССР, как подчеркивалось, отстоял инициативу на право вето великих держав в Совете Безопасности ООН и разработал собственное ядерное оружие, разрушив таким образом планы создания мирового правительства сразу после окончания Второй мировой войны. Попытка правящих кругов в Вашингтоне использовать ООН в качестве мирового парламента также закончилась безрезультатно. Характерно, что аналогичные действия предпринимались США и после Первой мировой войны в отношении Лиги

⁵Ровно 60 лет назад ООН призвала к мирному использованию атомной энергии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravda.ru/news/world/74665-atom> (дата обращения: 06.02.2020).

⁶Bolton K. R. Origins of the cold war: how Stalin foiled a «New world order». Relevance for the present // Foreign Policy J. [Electronic resource]. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order> (date of access: 09.05.2019).

Наций. По окончании холодной войны Вашингтон продолжает политику по адаптации международных структур к интересам нового мирового порядка. Американский экономист Дж. Стиглиц, удостоенный в 2001 г. Нобелевской премии по экономике, выступая с лекцией в Университете ООН в начале 2009 г., сообщил о необходимости реформ мировой экономической системы, включая Международный валютный фонд, Всемирный банк и др. Подобные заявления, поводом для которых послужил очередной глобальный финансово-экономический кризис, последовали от представителей мировой элиты и на других международных форумах, в частности в январе 2010 г. в Давосе.

Мессианский фактор в формировании послевоенной стратегии США проявился в исторически свойственной правящей элите в Вашингтоне уверенности в предопределенности судьбы и намерении взять на себя руководство миром. Именно этот фактор в первую очередь обуславливает наступательный характер американской внешней политики. В 1993 г. автор концепции сдерживания Дж. Кеннан, в целом отрицая идеи мессианства, тем не менее признал факт навязывания общественному мнению в США мессианских стереотипов. Он написал следующее: «Я всецело и категорично отрицаю всевозможные мессианские концепции о роли США в мире, не соглашаюсь, когда о нас говорят как об учителях и спасителях человечества, отклоняю иллюзорные представления о нашей уникальности и непревзойденных добродетелях, домыслы о предопределенной судьбе и “американском веке”, – т. е. те самые идеи, которые настойчиво внушались американцам всех предшествующих поколений» [4, p. 182–183].

Высокопоставленные чиновники и государственные деятели в Вашингтоне традиционно используют схожие по содержанию идеологические трафареты. Г. Трумэн подчеркивал ответственность США за «судьбы мира» и практически внедрил в американскую внешнеполитическую стратегию идею миссии по руководству миром. В последующем ее использовали президенты Д. Эйзенхауэр и Л. Джонсон. Другие лидеры делали акцент на защите ценностей западной цивилизации и демократии (Дж. Ф. Даллес, Д. Ачесон, Дж. Кеннеди, Р. Рейган). Некоторые из них откровенно заявляли о том, что движущим мотивом внешней политики США является создание нового мирового порядка (Дж. Буш – старший, Дж. Картер, Р. Никсон, Г. Киссинджер, З. Бжезинский). При этом каждая администрация использует лозунг защиты свободы, к которому после распада СССР и железного занавеса добавилась установка на расширение демократии (Б. Клинтон, Дж. Буш – младший). Такие высказывания лидеров США создают необходимый

идеологический фон для осуществления глобальной стратегии и позволяют на основании универсальных демократических ценностей добиваться реализации жизненно важных интересов. По сути, речь идет о манипуляции общественным сознанием, когда либеральная идеалистическая риторика неизменно сочетается с силовыми методами политики, скрывая фундаментальную цель – новый мировой порядок.

Таким образом, идеи мессианства характерны для высшего руководства США. Основным отличием является подход к выбору внешнеполитических инструментов для экстраполяции мощи этой страны на международной арене – от идеологического воздействия и программ помощи (мягкое влияние) до прямых вооруженных интервенций. Президент США Дж. Буш – младший, оправдывая войну в Ираке, как и его некоторые предшественники в Белом доме, увидел руку провидения (данный факт отмечается в целом ряде источников). Он объяснял это так: «Бог сказал мне положить конец тирании в Ираке»⁷. В истории США существует немало примеров обоснования вооруженных интервенций с точки зрения санкций свыше.

Личностный фактор в реализации внешнеполитической стратегии США проявляется в исторической роли конкретных представителей руководства этой страны и степени их вовлеченности в интересы нового мирового порядка. Важной целью внешней политики как Ф. Рузвельта, так и Г. Трумэна являлось создание «мира по-американски». Однако подход Ф. Рузвельта основывался на необходимости установления баланса сил в мире, а Г. Трумэн предпочел конфронтацию, с помощью которой он также рассчитывал поднять свою крайне низкую репутацию как президента. А. И. Уткин обратил внимание на различия в опыте, окружении, кругозоре и масштабе этих личностей [25, с. 13]. Даже сторонники Г. Трумэна признавали, что он не обладал качествами и харизмой, достаточными для руководства страной. Примечательно мнение самого Г. Трумэна о том, что он не слишком разбирается во внешней политике, а международные отношения напоминают ему игру в покер, в которую он не даст И. Сталину себя обыграть [10, p. 12; 26, p. 36].

Ф. Рузвельт был признанным членом политического истеблишмента США, получил образование в лучших университетах и посвятил себя подготовке к занятию высшей государственной должности. Он верил в возможность послевоенного советско-американского сотрудничества для обеспечения международной безопасности и сохранения мира после войны. Президент пытался приступить к строительству «мира по-американски» без разрешения глубоких политико-идеологических противоречий,

⁷George Bush: «God told me to end the tyranny in Iraq» // The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/oct/07/iraq.usa> (date of access: 26.11.2020).

разделявших СССР и США. Он считал, что с помощью диалога и компромисса можно свести до минимума разногласия и регулировать расхождения. Как подчеркнул известный советский дипломат Г. Корниенко, Ф. Рузвельт констатировал готовность при всех мировоззренческих, социально-экономических и политических различиях между США и СССР строить «твердые, но дружественные отношения с русскими» [27, с. 39]. Нельзя исключать, что данный факт объясняет внезапную и загадочную смерть президента США 12 апреля 1945 г. Последствиями этого события явились ужесточение курса в отношении СССР и эскалация напряженности.

Г. Трумэн происходил из среднего класса. Он стал продуктом политической машины США. У него была совершенно иная политическая установка в отношении СССР, получившая название политики «с позиции силы». В середине 1945 г. президент заявлял (еще неофициально), что «русские скоро будут поставлены на место, а США будут управлять миром так, как это надо делать» [28, р. 235]. После создания атомного оружия его политическим кредо была следующая установка, озвученная им на одной из встреч с госсекретарем США Дж. Бирнсом: «России следует показать железный кулак» [21, р. 552]. Г. Трумэн решил идти по пути атомной дипломатии и конфронтации с СССР.

В администрации Ф. Рузвельта активно обсуждался вопрос предоставления СССР кредита на послевоенное восстановление, на который страна рассчитывала. Министр финансов Г. Моргантау подготовил соответствующий меморандум и предложил президенту выделить СССР целевой заем на закупку товаров в США в размере 10 млрд долл. США под 2 % годовых сроком на 35 лет. Первым признаком ужесточения курса со стороны США стало уменьшение в апреле 1945 г. суммы предполагаемого кредита до 1 млрд долл. США [29, р. 948–949; 18, с. 76]. Данный кредит так и не был предоставлен.

Жесткий курс в отношении СССР и поворот к конфронтации был обусловлен и тем обстоятельством, что с приходом к власти Г. Трумэна на политическую арену США стали выходить влиятельные профессиональные военные высшего звена, среди них Дж. Маршалл (госсекретарь США в 1947–1949 гг.), Д. Эйзенхауэр (президент США в 1953–1960 гг.), Д. Макартур (фактически стал губернатором Японии), О. Брэдли (начальник Управления администрации Г. Трумэна по делам ветеранов), Г. Арнольд (руководитель проекта «РЭНД», У. Леги (советник президента по внешней политике) и Э. Кинг (советник Главного штаба Военно-морских сил США) и др. Эти люди стремились создать «мир по-американски», полагаясь прежде всего на экономическую и военную мощь. С назначением Дж. Маршалла госдепартамент США приступил

к более активному участию в вопросах стратегического планирования внешней политики.

Фактор внешней угрозы, традиционно выраженный в «образе врага», является системообразующим в стратегии США. Несмотря на колоссальную финансово-экономическую и военную мощь, США после Второй мировой войны было крайне сложно приступить к установлению «американского века». Во-первых, ясно прослеживалась неготовность как американского, так и мирового общественного мнения воспринимать СССР как угрозу. В 1945 г. и американцев популярность СССР была выше, чем Великобритании [15, с. 31]. Во-вторых, осуществление геополитической экспансии требовало больших затрат, поддержки конгресса и общественности. В-третьих, в Вашингтоне не исключали возможности ответных действий со стороны СССР. Единственной альтернативой, которая могла позволить Вашингтону запустить механизм реализации стратегии, оставалось создание «образа врага», использование которого в политике США имеет глубокие исторические корни и является одной из особенностей стратегического планирования. Аргументированной представляется точка зрения известного американского ученого Дж. Гэддиса о том, что американская империя выросла главным образом на факторе внешней угрозы [30, р. 25, 33, 38].

США необходимо было создать международно-политический климат, позволяющий открывать рынки и осуществлять строительство нового мирового порядка, не вступая в открытый вооруженный конфликт. Идеологическим инструментом формирования такого климата стало генерирование общей угрозы в лице СССР, от которого США и их западные союзники получили вызов и оказались обороняющейся стороной. У. Коэн подчеркнул, что такой политикой конгресс и американцы были «введены в заблуждение, однако вряд ли бы нашелся иной способ получить деньги от контролируемого республиканцами конгресса восьмидесятого созыва» [6, р. 251].

«Образ врага» позволил руководству США получить внутриполитическую поддержку конгресса на легитимизацию экспансии, сплотить Запад и направить имеющиеся ресурсы на устранение основного препятствия новому мировому порядку. В данном контексте весьма сомнителен ортодоксальный тезис о том, что СССР представлял собой непосредственную угрозу безопасности США. Более убедительным является мнение авторитетного члена ревизионистской школы В. Вильямса, который считал, что американская система предрасположена к ведению холодной войны и, если бы СССР не сыграл в свое время роль необходимого противника, на его месте оказалось бы другое государство [14]. Достаточно откровенно высказывает свою мысль также Дж. Гэддис о том, что если бы коммунизм не существовал, то

США должны были бы изобрести его, чтобы возникло чувство крайней необходимости перейти к решительным действиям [31, р. 28–30, 36].

Не удивительно, что многие западные исследователи холодной войны сделали вывод о том, что повод к ее возникновению дал СССР. В частности, 9 февраля 1946 г. И. Сталин в рамках предвыборной речи в Верховный Совет СССР представил краткий отчет о деятельности коммунистической партии СССР и планах ее работы на будущую пятилетку. Основной внутренней задачей страны явилось «восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах». Оценивая развитие международных отношений, советский лидер подчеркнул, что война является неизбежным результатом развития капиталистической системы, а также указал на применение западными государствами вооруженной силы с целью «изменить положение и переделить “сферы влияния” в свою пользу». Далее И. Сталин заявил, что «неравномерность развития капиталистических стран обычно приводит с течением времени к резкому нарушению равновесия внутри мировой системы капитализма... <...> ...В результате первого кризиса капиталистической системы мирового хозяйства возникла Первая мировая война, в результате же второго кризиса возникла Вторая мировая война»⁸.

Несмотря на отсутствие в данном выступлении враждебности к бывшим союзникам по антигитлеровской коалиции, стратеги в США воспользовались выступлением И. Сталина для утверждения «образа врага» на уровне официальной политики Вашингтона. Судья Верховного суда США У. Дуглас назвал речь И. Сталина объявлением третьей мировой войны. Британский премьер-министр У. Черчилль в присутствии Г. Трумэна и других высокопоставленных представителей руководства США в Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 г. провозгласил железный занавес. Также он заявил, что «От Штетина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на континент»⁹. Это выступление было одобрено американской администрацией. На приглашении У. Черчиллю, направленном руководителем одного из колледжей в Фултоне Ф. Макклуром, президент США сделал следующую пометку: «Это прекрасная школа в моем родном штате, и надеюсь, что Вы это сделаете. Я Вас представляю. Наилучшие пожелания. Гарри Трумэн» [26, р. 190].

Политика по созданию «образа врага» представляла согласованную платформу лидеров США и Великобритании. У. Черчилль и Г. Трумэн рассма-

тривали фултонскую речь «как манифест капиталистического мира». Первый открыто говорил, что она имеет «общемировое значение» [32, с. 409]. Об общности интересов лидеров англосаксов свидетельствовали также следующие факты. Еще весной 1945 г. У. Черчилль сформулировал свои взгляды: «Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира, во-вторых, нужно немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения, в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток» [33, р. 456–457]. В связи с этим 22 мая 1945 г. Объединенный штаб планирования военного кабинета Великобритании утвердил план операции «Немыслимое», предусматривающий войну бывших союзников против СССР сразу после окончания Второй мировой войны. Советскому Союзу удалось предотвратить такое развитие событий главным образом благодаря успеху Берлинской наступательной операции и занятию стратегических позиций в Западной Европе. В последующем планы войны с СССР, но уже с использованием ядерного оружия, разрабатывались в Вашингтоне.

Ответной реакцией СССР на провозглашение железного занавеса стало интервью И. Сталина, опубликованное в газете «Правда» 14 марта 1946 г. Советский лидер расценил речь У. Черчилля «как опасный акт» и обозначил схожесть позиций «поджигателей войны» в Великобритании и США. Он сравнил высказывания У. Черчилля с расовой теорией А. Гитлера, на основании которой фашистская Германия начала мировую войну. Также И. Сталин подчеркнул, что «господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира». Далее он обратил внимание на ультиматум англосаксов: «Признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война. <...> Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство. <...> Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР»¹⁰.

Выраженная И. Сталиным позиция означала отказ СССР от интеграции в «мир по-американски» на условиях англосаксов. Справедлива точка зрения о том, что «Запад ненавидит Сталина вовсе не за репрессии, в которых его обвиняют наши либералы. Они ставят его на одну доску с Гитлером, чтобы

⁸ Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t16/t16_01.htm (дата обращения: 11.03.2020).

⁹ Churchill W. The Sinews of Peace (Iron Curtain Speech) // International Churchill Society [Electronic resource]. URL: <https://winstonchurchill.org/resources/speeches/1946-1963-elder-statesman/the-sinews-of-peace/> (date of access: 06.02.2019).

¹⁰ Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 года) [Электронный ресурс]. URL: http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php (дата доступа: 11.03.2020).

превратить Сталина в символ вселенского зла, чтобы обесценить главное событие русской истории – победу над фашистской Германией. Германией, которая до того смогла захватить всю Европу, раздавить все европейские государства»¹¹. В связи с этим не удивителен реванш Запада по пересмотру итогов Второй мировой войны, а также отдельных политических режимов постсоветских государств (Литва, Латвия, Эстония, Грузия, Молдова и др.). В частности, осуждаются репрессии тоталитаризма, вводятся дни советской оккупации и т. д.

Такая политика русофобов по демонизации советской истории и сверхдержавы СССР направлена в первую очередь на то, чтобы вновь представить Россию в «образе врага», потребовать от нее репарации за советскую оккупацию и осуществить новый передел мира, окончательно аннулировав решения, принятые на международных конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Это может привести к обострению территориальных споров и противоречий в ядерном мире со всеми вытекающими последствиями. О возможности мировой войны вследствие передела русского наследия еще более века назад писал выдающийся русский мыслитель И. Ильин. В настоящее время, в условиях очередного кризиса капиталистической системы, некоторые аналитики предупреждают о третьей мировой войне, подчеркивая цикличность мирового развития.

Геополитические факторы играют важнейшую роль в стратегии США. С конца XIX в. геополитические концепции используются американской политической элитой для системного анализа происходящих в мире процессов и формирования внешнеполитических приоритетов на долгосрочный период. Как верно отметил В. Н. Конобеев, «в основе современной геостратегии США в Евразии остается известная геополитическая концепция Х. Маккиндера – Н. Спайкмена, разработанная этими учеными под новую роль США после Второй мировой войны, когда Штаты окончательно стали лидерами западного мира и одним из центров в двухполюсном мироустройстве. Эту концепцию с поразительным упорством и целеустремленностью Вашингтон реализует в своих внешнеполитических доктринах и стратегии и поныне» [3, с. 55].

Согласно теории Х. Маккиндера, внутренний регион евразийского континента (хартленд – «сердце земли») представляет собой географическое пространство, исход борьбы за которое решит судьбу мира: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли. Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией). Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром» [34, р. 186]. Именно вокруг «географической оси истории» происходит пространственная динамика

исторического развития [35, с. 166]. Исходя из того, что таким осевым государством является Россия, Х. Маккиндер обосновал тезис о контроле над хартлендом как необходимом условии для достижения мировой гегемонии. В данном контексте холодная война представляла собой борьбу за преобладающую роль (господство) в Евразии для установления контроля над Россией и ее геополитическим потенциалом.

Сформулированная Н. Спайкменом концепция римленда также служит обоснованием мондиалистской формы организации мироустройства и основывается на формуле, аналогичной теории Х. Маккиндера. Ключевое значение во взглядах американского ученого также отводится Евразии: «...Кто господствует в Евразии – контролирует судьбы мира» [36, р. 43]. Однако, в отличие от своего предшественника, Н. Спайкмен полагал, что первостепенное значение для достижения доминирования морской силы в лице США принадлежит контролю над римлендом, который представляет собой пограничную промежуточную зону между морскими и континентальными державами, гигантскую геополитическую дугу, окаймляющую континентальный массив Евразии и включающую в себя Европу, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Ирак, Пакистан, Индию, страны Дальнего Востока и Китай.

Развив имеющиеся геополитические концепции, Н. Спайкмен сформировал основы американской модели мироустройства и разработал альтернативный концепции Х. Маккиндера основной закон геополитики: «Кто контролирует Римленд – господствует в Евразии, кто господствует в Евразии – контролирует судьбы мира». По мнению Н. Спайкмена, США должны были в первую очередь установить контроль над римлендом, т. е. защитным поясом России. Именно контроль над ним в формате санитарного кордона был необходим для ее геополитического истощения и удушения России. Принято считать, что принцип анаконды сформулировал адмирал А. Мэхэн исходя из геополитического императива о вечном противостоянии особых типов цивилизации – морской и континентальной сил (впервые он был применен в ходе гражданской войны в США 1861–1865 гг.). Эта задача соответствует и современной геостратегии США, политике по созданию Балтийско-Черноморской дуги и т. д.

Указанные геополитические концепции в полной мере отвечали потребностям внешней политики США после Второй мировой войны и предоставили политической элите в Вашингтоне возможность запустить механизм реализации стратегии, в основе которого враг в лице СССР, контролирующей хартленд, оказывает давление на римленд и, следовательно, бросает вызов американскому лидерству. По этой

¹¹ Добровольский А. Зачем рушат итоги Потсдама? // Комсомол. правда [Электронный ресурс]. 2010. 17 июля. URL: http://news.km.ru/zachem_rushat_itogi_potsdama (дата доступа: 06.02.2020).

причине римленд стал основной зоной столкновения морской силы (США) и континентальной силы (СССР) в ходе холодной войны.

Следует подчеркнуть, что *цели стратегии США* в отношении России (СССР) были определены задолго до начала конфронтации сверхдержав, однако ресурсы и возможности для их реализации правящей элите в Вашингтоне удалось мобилизовать именно под прикрытием холодной войны. Так, например, в доктрине Даллеса, сотрудника Бюро стратегических служб США (1942–1945), ставшего затем директором ЦРУ (1953–1961), конечной целью борьбы против СССР ставилась гибель русского народа: «эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания» [37, с. 224]. Несмотря на попытки объявить содержание доктрины фальшивкой, результаты реализации стратегии (как в период холодной войны, так и после ее окончания) соответствуют поставленным в данной доктрине задачам. Деятельность пятой колонны и подрывных сил по созданию хаоса в управлении государством после распада СССР, изменению сознания общества, разложению его моральных устоев посредством внедрения стереотипов массовой культуры также подтверждает основные положения доктрины, включая ее в один логический ряд с ключевыми стратегическими документами периода холодной войны.

Стремление США ослабить Россию и подчинить ее интересам нового мирового порядка свидетельствует о преимущественности фундаментальных целей стратегии. Маршалл СССР В. И. Варенников справедливо отметил, что в современных условиях «враг только поменял тактику, изменил свою стратегию, поменял наемников... Но цели остались прежними – низвергнуть Великую Россию»¹². Несмотря на заверения Вашингтона в перезагрузке отношений с Россией, сущность реальной политики США неизменна. Новозеландский ученый К. Р. Болтон открыто подчеркнул, что «Россия всегда не очень хорошо укладывалась в планы тех, кто стремился навязать человечеству единообразную и стандартную систему. Эта страна оставалась неприрученной, с точки зрения утонченных западных либералов, пытавшихся создать однополярный миропорядок, и была похожа в этом на буров, иракцев, иранцев, сербов и других. Но разница в том, что русские до сих пор представляют собой значимую оппозицию, которую необходимо ниспровергнуть»¹³.

Вот почему в настоящее время США активно продолжают реализацию стратегии, но уже в рамках гибридной войны. Об этом свидетельствует в том

числе смена режимов посредством вооруженных интервенций и иных методов (Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия и др.), серия цветных революций, организованных на постсоветском пространстве, а также планомерная экспансия НАТО на Восток.

«Кольцо анаконды» продолжает сжиматься по периметру российских границ. Справедливо отмечает Ю. И. Дроздов: «Со всей очевидностью необходимо признать, что никогда ведущие страны Запада не видели в России равноправного партнера. Для Англии, США, Франции, Германии, для всей Западной цивилизации Россия и русский народ были, есть и будут разменной монетой, пушечным мясом в любом, в том числе междоусобном конфликте. Не взирая на все противоречия, все они были и остаются спаянными одной целью – господствовать над хартлендом, господствовать над Россией. Ради этой цели они готовы были воевать между собой, но с одним условием: до последнего русского солдата» [2, с. 4].

Геополитические цели стратегии в период холодной войны заключались в том, чтобы изолировать Советский Союз, максимально ослабить его позиции в мире и предотвратить возникновение потенциальных центров силы, способных помешать геополитическому контролю Вашингтона в Евразии.

Во-первых, это объясняется тем, что особую важность для США имеет доступ к богатейшим природным ресурсам евразийского континента, значительная часть которых сконцентрирована в России. Координационным комитетом Госдепартамента и Министерства обороны США 21 апреля 1947 г. был подготовлен доклад, в котором отмечалось: «Важно, чтобы в дружественных нам руках находились регионы, в которых имеются месторождения металлов, нефти и других ресурсов, регионы, которые представляют сами по себе стратегическую ценность, имеют значительный промышленный потенциал, людские ресурсы и организованные вооруженные силы, а также те регионы, которые в силу политических и психологических причин позволили бы США оказывать большее влияние на мировую стабильность и безопасность» [38, р. 209].

Во-вторых, контроль в Евразии необходим Вашингтону в качестве геополитической основы для установления нового мирового порядка. Не случайно основополагающим постулатом внешней политики США с момента их выхода на международную арену была следующая аксиома: «Поскольку объединенные ресурсы Евразии могут представлять серьезную угрозу Соединенным Штатам, американский интерес состоит в том, чтобы никакая отдельная держава или группа держав, враждебных или потенциально враждебных США, не домини-

¹² Варенников В. И. Что ж, судите! (странички из вышедшей книги «Судьба и совесть») // Совет. Россия. 1993. 8 мая. № 54. С. 4.

¹³ Bolton K. R. Origins of the cold war: how Stalin foiled a «New world order». Relevance for the present // Foreign Policy J. [Electronic resource]. URL: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order> (date of access: 09.05.2019).

ровала в этом регионе или в значительной его части» [39, р. 543–544]. По мнению Г. Киссинджера, доминирование какой-либо державы в Европе или Азии представляет угрозу США, так как значительно уменьшает их возможность «влиять на события» [40, с. 813]. Подход Г. Киссинджера созвучен взглядам З. Бжезинского и многих других известных деятелей в Вашингтоне, использующих в стратегическом планировании классические геополитические концепции Х. Маккиндера, Н. Спайкмена и др. Например, З. Бжезинский рассматривает Евразию в качестве «центральной арены мира» и «плацдарма американского могущества» [41, с. 94, 230].

Среднесрочной целью США в период холодной войны являлось установление контроля в Западной Европе и Азии путем создания геополитических плацдармов. Такие действия были предприняты для дальнейшего расширения нового мирового порядка. В Западной Европе такой плацдарм был образован посредством осуществления доктрины Трумэна и плана Маршалла. Закрепив свое влияние в Греции, Турции и западноевропейских странах, США получили выход к Средиземноморью, на Ближний Вос-

ток и в Африку. В Азии приоритетом была Япония. Для управления этой страной Вашингтон создал военную администрацию.

Долгосрочной целью стратегии остается контроль над хартлендом, т. е. Россией. В связи с этим после окончания холодной войны геополитические постулаты А. Мэхэна, Х. Маккиндера, Н. Спайкмена и других влиятельных геополитиков нашли свое воплощение в современных геополитических концепциях США. Среди них – так называемая доктрина Бжезинского, согласно которой завоевание и расчленение хартленда (России) – основная задача и залог гегемонии США в мире. Как пишет З. Бжезинский, динамика международных отношений после 1991 г. определяется вторжением в геополитическое пространство бывшего Советского Союза и установлением над ним контроля в целях создания нового мирового порядка [41]. Об этом свидетельствует, в частности, присоединение Польши, Венгрии, Чехии, государств Балтии и ряда других стран к НАТО, продолжение геополитической экспансии Альянса в восточном направлении.

Выводы

Внешнеполитическая стратегия США представляет собой долгосрочную преемственную политику по установлению нового мирового порядка – многогранного феномена, который проецируется в трех измерениях: информационном, экономическом, военно-политическом. Цель, которую преследуют США на протяжении веков, – установление глобальной власти в мире. Принципы глобальной стратегии являются константой американской политики. Они не меняются американскими администрациями и установлены еще отцами-основателями США. Идеологическую основу американской политики переустройства мира составляет либеральная демократия. Ее концептуальным ядром выступает убежденность правящих элит США в американской (либеральной) исключительности, выраженной в доктрине предопределенности судьбы.

Геополитическим препятствием и одновременно ключом для достижения мировой гегемонии представляется геополитическое пространство, обозначенное границами России. Вместе с тем ресурсный и людской потенциал этой страны является не первичной, а вторичной целью стратегии США. В концептуальном плане главная ее цель – создание национального духа (определен американским геостратегом Н. Спайкменом). В связи с этим нетрадиционный характер войны, т. е. процесс по установлению нового мирового порядка, проявляется в так называемой войне смыслов, войне за сознание или консциентальной войне, целью которой применительно к территории бывшего СССР является в первую очередь трансформация традиционных

ценностей белорусского, русского и украинского народов. Взамен предлагается принцип либеральной свободы как вседозволенности. Кроме того, в рамках войны за сознание действует принцип свободы для (англ. *freedom for*) расширения нового мирового порядка или, с теологической точки зрения, для воцарения антихриста. В противовес этому принципу, со стороны евразийской доктрины, выступает принцип свободы от (англ. *freedom from*). Либеральные принципы предполагают слом традиционных ценностно-мировоззренческих устоев общества. В связи с этим одним из используемых инструментов являются ЛГБТ-сообщество, права человека и т. п. Иначе говоря, на современном этапе без теологической трактовки феномен нового мирового порядка не может быть раскрыт в полной мере.

Формирование и развитие внешнеполитической стратегии США как инструмента установления нового мирового порядка, ее концептуальных и доктринальных основ отражают три этапа эволюции этой страны как сверхдержавы: изоляционизм, глобализм, гегемонизм. Механизм реализации данной стратегии включает информационно-идеологическую, экономическую и военно-политическую составляющие. Идеологическая представляет собой универсальную политическую формулу, основанную на постулатах либерализма и генерировании в массовом сознании «образа врага», который мобилизует общественное мнение и направляет ресурсы США на установление нового мирового порядка под эгидой всемирной демократической миссии. Экономическая – базируется на

финансовом потенциале США и формируется с помощью политики открытых дверей и экономической дипломатии. Экономическая сила США проецируется на мировую арену и открывает мир для американского влияния. Военно-политическая составляющая направлена на расширение военно-политического контроля США в ключевых (в стратегическом отношении) регионах мира, в том числе посредством расширения НАТО на восток, создания военных баз, биологических лабораторий, осуществления прямых вооруженных интервенций. В результате функционирования механизма реализации

внешнеполитической стратегии США происходит расширение либеральной парадигмы в информационно-идеологическом, военно-политическом, экономическом измерениях. Информационно-идеологическое измерение нового мирового порядка расширяется вследствие ценностно-мировоззренческой трансформации традиционных государств, распространения массовой культуры и либеральных ценностей. Таким образом происходит устранение неудобных, т. е. подлинно независимых, политических режимов и социальных институтов – препятствий новому мировому порядку.

Библиографические ссылки

1. McCormick TJ. America's half century: United States foreign policy in the cold war. In: Maier CS, editor. *The cold war in Europe: era of a divided continent*. Princeton: M. Wiener; 1996. p. 21–53.
2. Дроздов ЮИ, Маркин АГ. *Наглый орел – 2007. Разведка и война в системе США* [Интернет]. Москва: Артстиль – полиграфия; 2009 [прочитано 6 февраля 2020 г.]. Доступно по: <http://namakon.ru/articles.php?list=0&id=151&p=1>.
3. Конобеев В. Битва за Римленд: ресурс стран Восточной Европы в геостратегии США в Евразии. *Беларуская думка*. 2009;3:55–59.
4. Kennan GF. *Around the cragged hill. A personal and political philosophy*. New York: W. W. Norton and Company; 1993. 272 p.
5. Acheson D. *Present at the Creation: my years in the state department*. New York: W. W. Norton and Company; 1987. 848 p.
6. Cohen WI, editor. *The cambridge history of American foreign relations. America in the age of Soviet power, 1945–1991. Volume 4*. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. 285 p.
7. Leffler MA. Was 1947 a Turning Point? In: Brown C, editor. *Centerstage: American diplomacy since World War II*. New York: Holmes & Meier Pub; 1990. p. 249–258.
8. Gleason SE, editor. *Foreign Relations of the United States, 1947. Volume 1. The United Nations*. Washington: United States Government Printing Office; 1973. [1096] p.
9. Thompson KW. *Cold war theories. World Polarization, 1943–1953. Volume 1*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 1981. 216 p.
10. Spanier JW. *American foreign policy since World War II*. New York: Holt, Rinehart, and Winston; 1983. 324 p.
11. Новиков НВ. Внешняя политика США в послевоенный период (аналитический обзор посла СССР в США 27 сентября 1946 г.). *Международная жизнь*. 1990;11:148–154.
12. Becker WH, Wells SF. *Economics and world power: an assessment of American diplomacy since 1789. (The Political economy of international change)*. New York: Columbia University Press; 1984. 474 p.
13. Иноземцев НН. *Международные отношения после Второй мировой войны. Том 1. (1945–1949 гг.)*. Москва: Госполитиздат; 1962. 759 с.
14. Williams WA. *The tragedy of American diplomacy*. New York: W. W. Norton & Company; 1988. 334 p.
15. Chafe WH. *The unfinished journey: America since World War II*. New York: Oxford University Press; 1991. 537 p.
16. Лан ВИ. *США в военные и послевоенные годы (1940 – 1960)*. Москва: Наука; 1964. 685 с.
17. Gaddis JL. Risks, costs, and strategies of containment. In: Brown C, editor. *Centerstage: American Diplomacy since World War II*. New York: Holmes & Meier Pub; 1990. p. 365–381.
18. Шенин СЮ. Еще раз об истоках холодной войны: Бреттон-Вудский аспект. *США – экономика, политика, идеология*. 1998;5:74–88.
19. Хайдекинг Ю, редактор. *Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона*. Седова ЛВ, переводчик. Ростов-на-Дону: Феникс; 1997. 640 с. Совместно с издательством «Зевс».
20. Daniels J. *The man of independence*. Philadelphia: Lippincott; 1950. 384 p.
21. Truman HS. *Memoirs. Year of Decisions. Volume 1*. Garden City: Doubleday & Company Inc.; 1955. 596 p.
22. Громыко АА. *Памятное. Книга 1*. Москва: Политиздат; 1990. 512 с.
23. Safire W. *Safire's political dictionary*. New York: Oxford University Press; 2008. 862 p.
24. Russell B. The atomic bomb and the prevention of war. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1946;2(7–8):19–21. DOI: 10.1080/00963402.1946.11458033.
25. Уткин АИ. *Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США*. Москва: Международные отношения; 1986. 288 с.
26. Donovan RJ. *Conflict and crisis: the presidency of Harry S. Truman, 1945–1948*. New York: W. W. Norton & Company; 1977. 473 p.
27. Корниенко ГМ. Холодная война – почему она началась и закончилась ли она? В: Петрик ПП, Поклад БИ, Кашлев ЮИ, редакторы. *Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. Том 1*. Москва: Научная книга; 1997. с. 34–56.
28. Williams WA. *The tragedy of American diplomacy*. [New York]: Dell Publishing Company; 1962. 309 p.
29. *Foreign Relations of the United States, 1945. Volume 5. Diplomatic Papers, Europe*. Perkins RE, Gleason SE, editors. Washington: United States Government Printing Office; 1969. [1368] p.

30. Gaddis JL. *We now know: rethinking cold war history*. Oxford: Clarendon Press; 1997. 425 p.
31. Gaddis JL. *The long peace: inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press; 1987. 332 p.
32. Трухановский ВГ. Уинстон Черчилль. Москва: Мысль; 1968. 479 с.
33. Churchill W. *The Second World War. Volume 6*. London: Cassel; 1953. 607 p.
34. Mackinder HJ. *Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction*. Washington: National Defense University Press; 1996. 213 p.
35. Маккиндер ХДж. Географическая ось истории. *Полис. Политические исследования*. 1995;4:162–169.
36. Spykman NJ. *The geography of the peace*. Helen RN, editor. New York: Harcourt Brace & Company; 1944. 66 p.
37. Богомолова А, Пархимович М, Соколов П, составители. *Война по законам подлости*. Минск: Православная инициатива; 1999. 480 с.
38. *Foreign Relations of the United States, 1947. Volume 3. The British Commonwealth, Europe*. Gleason SE, editor. Washington: United States Government Printing Office; 1972. [1131] p.
39. Rostow WW. *The United States in the world arena: an essay in recent history*. New York: Harper & Brothers; 1960. 568 p.
40. Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster; 1994. 912 p.
41. Бжезинский З. *Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы*. Москва: Международные отношения; 2002. 256 с.

References

1. McCormick TJ. America's half century: United States foreign policy in the cold war. In: Maier CS, editor. *The cold war in Europe: era of a divided continent*. Princeton: M. Wiener; 1996. p. 21–53.
2. Drozdov YI, Markin AG. *Naglyi orel – 2007. Razvedka i voyna v sisteme SShA* [Impudent Eagle – 2007. Intelligence and War in the US System] [Internet]. Moscow: Artstil' – poligrafiya; 2009 [cited 2020 February 6]. Available from: <http://namakon.ru/articles.php?list=0&id=151&p=1>. Russian.
3. Konobeyev V. Battle for Rimland: a resource of Eastern European countries in the US. *geostrategy in Eurasia. Belaruskaja Dumka*. 2009;3:55–59. Russian.
4. Kennan GF. *Around the cragged hill. A personal and political philosophy*. New York: W. W. Norton and Company; 1993. 272 p.
5. Acheson D. *Present at the Creation: my years in the state department*. New York: W. W. Norton and Company; 1987. 848 p.
6. Cohen WI, editor. *The Cambridge history of American foreign relations. America in the Age of Soviet power, 1945–1991. Volume 4*. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. 285 p.
7. Leffler MA. Was 1947 a Turning Point? In: Brown C, editor. *Centerstage: American diplomacy since World War II*. New York: Holmes & Meier Pub; 1990. p. 249–258.
8. Gleason SE, editor. *Foreign Relations of the United States, 1947. Volume 1. The United Nations*. Washington: United States Government Printing Office; 1973. [1096] p.
9. Thompson KW. *Cold war theories. World Polarization, 1943–1953. Volume 1*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 1981. 216 p.
10. Spanier JW. *American foreign policy since World War II*. New York: Holt, Rinehart, and Winston; 1983. 324 p.
11. Novikov NV. USA. Foreign policy in the post-war period (analytical review of the USSR Ambassador to the USA on September 27, 1946). *International Life*. 1990;11:148–154. Russian.
12. Becker WH, Wells SF. *Economics and world power: an assessment of American diplomacy since 1789. (The Political economy of international change)*. New York: Columbia University Press; 1984. 474 p.
13. Inozemtsev NN. *International relations after the Second World War. Volume 1. (1945–1949)*. Moscow: Gospolitizdat; 1962. 759 p. Russian.
14. Williams WA. *The tragedy of American diplomacy*. New York: W. W. Norton & Company; 1988. 334 p.
15. Chafe WH. *The unfinished journey: America since World War II*. New York: Oxford University Press; 1991. 537 p.
16. Lan VI. *SShA v voennye i poslevoennye gody (1940–1960)* [USA in the war and post-war years (1940–1960)]. Moscow: Nauka; 1964. 687 p. Russian.
17. Gaddis JL. Risks, Costs, and Strategies of Containment. In: Brown C, editor. *Centerstage: American Diplomacy since World War II*. New York: Holmes & Meier Pub; 1990. 365–381 p.
18. Shenin SY. Once again about the origins of the Cold War: the Bretton Woods aspect. *USA – Economy, Politics, Ideology*. 1998;5:74–88. Russian.
19. Heideking Yu, editor. Sedova LV, translator. *Amerikanskii prezidenty: 41 istoricheskii portret ot Dzhordzha Vashingtona do Billa Klinton* [American Presidents: 41 historical portraits from George Washington to Bill Clinton]. Rostov-on-Don: Phoenix; 1997. 640 p. Co-published by the «Zeus». Russian.
20. Daniels J. *The man of independence*. Philadelphia: Lippincott; 1950. 384 p.
21. Truman HS. *Memoirs. Year of Decisions. Volume 1*. New York: Garden City; 1955. 596 p.
22. Gromyko AA. *Pamyatnoe. Kniga 1* [Memorable. Book 1]. Moscow: Politizdat; 1990. 512 p. Russian.
23. Safire W. *Safire's Political dictionary*. New York: Oxford University Press; 2008. 862 p.
24. Russell B. The atomic bomb and the prevention of war. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 1946;2(7–8):19–21. DOI: 10.1080/00963402.1946.11458033.
25. Utkin AI. *Strategiya global'noi ekspansii: vneshnepoliticheskie doktriny SShA* [Strategy of global expansion: USA foreign policy doctrines]. Moscow: International Relations; 1986. 288 p. Russian.
26. Donovan RJ. *Conflict and crisis: the presidency of Harry S. Truman, 1945–1948*. New York: W. W. Norton & Company; 1977. 473 p.

27. Kornienko GM. [The Cold War – why did it start and did it end?]. In: Petrik PP, Poklad BI, Kashlev YI, editors. *Diplomaty vspominayut. Mir glazami veteranov diplomaticheskoi sluzhby. Tom 1* [Diplomats remember. The world through the eyes of veterans of diplomatic service. Volume 1]. Moscow: Nauchnaya kniga; 1997. p. 34–56. Russian.
28. Williams WA. *The tragedy of american diplomacy*. [New York]: Dell Publishing Company; 1962. 309 p.
29. Perkins RE, Gleason SE, editors. *Foreign Relations of the United States, 1945. Volume 5. Diplomatic Papers, Europe*. Washington: United States Government Printing Office; 1969. [1368] p.
30. Gaddis JL. *We now know: rethinking cold war history*. Oxford: Clarendon Press; 1997. 425 p.
31. Gaddis JL. *The long peace: inquiries into the history of the Cold War*. New York: Oxford University Press; 1987. 332 p.
32. Trukhanovsky VG. *Uinston Cherkhill'* [Winston Churchill]. Moscow: Mysl'; 1968. 479 p. Russian.
33. Churchill W. *The Second World War. Volume 6*. London: Cassel; 1953. 607 p.
34. Mackinder HJ. *Democratic ideals and reality: a study in the politics of reconstruction*. Washington: National Defense University Press; 1996. 213 p.
35. Mackinder HJ. The Geographic axis of history. *Polis. Political Studies*. 1995;4:162–169. Russian.
36. Spykman NJ. *The geography of the peace*. Helen RN, editor. New York: Harcourt Brace & Company; 1944. 66 p.
37. Bogomolova A, Parkhimovich M, Sokolov P, compilers. *Voyna po zakonam podlosti* [War under the laws of meanness]. Minsk: Pravoslavnyaya initsiativa; 1999. 480 p. Russian.
38. Gleason SE, editor. *Foreign Relations of the United States, 1947. Volume 3. The British Commonwealth, Europe*. Washington: United States Government Printing Office; 1972. [1131] p.
39. Rostow WW. *The United States in the world arena: an essay in recent history*. New York: Harper & Brothers; 1960. 568 p.
40. Kissinger H. *Diplomacy*. New York: Simon & Schuster; 1994. 912 p.
41. Brzezinski Z. *Velikaya shakhmatnaya doska. Gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Great chess-board. American primacy and its geostrategic imperatives]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2002. 256 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.08.2020.
Received by editorial board 20.08.2020.

ПРОБЛЕМЫ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ОБЩЕСТВОМ

М. МИШКЕЛЬ¹⁾, Т. ПОПЛАВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белостокский технический университет, ул. Вейска, 45А, 15-351, г. Белосток, Польша

Рассматриваются и анализируются особенности социальной коммуникации неправительственных организаций (на примере Польского содружества, Хельсинкского фонда по правам человека, группы мониторинга расизма и ксенофобии, Ассоциации правовой интервенции, Польского общества антидискриминационного права, фонда «Открытый диалог», Комитета по защите демократии и др.) с обществом в зависимости от целей ее участников. Коммуникация анализируется с социологической точки зрения. Сделан вывод о том, что коммуникация, как один из изменяющихся компонентов в описаниях и переводах социальных феноменов, имеет еще одну скрытую функцию, определяемую специфическим термином *picklock* (отмычка). Детальное описание исследования и выбор методов включали в себя анализ аккаунтов и интервью акторов социальной коммуникации, природы и контекста наблюдаемых ситуаций коммуникационных дилемм. Область исследования, согласно теории Т. Поплавского, находится между периферией и социальным центром, которым может быть любой город в данной местности, включая столицу. Основной момент состоит во взаимосвязи бюрократии и коммуникации. Бюрократия, базирующаяся на веберовской модели, отягощена все увеличивающимся весом максимальной рациональности и смещается в сторону все большей иррациональности. Убедительно доказана необходимость и практическая целесообразность социологических исследований в области бюрократизма.

Ключевые слова: социальные институты; социальная коммуникация; негосударственные общественные организации; бюрократия.

THE PROBLEMS IN THE COMMUNICATION PROCESS BETWEEN NGOs AND SOCIETY

M. MISZKIEL^a, T. POPŁAWSKI^a

^aBiałystok University of Technology, 45A Wiejska Street, Białystok 15-351, Poland

Corresponding author: T. Popławski (w.poplawski@pb.edu.pl)

The article considers and analyses the specificity of social communication on the base of considerations about communication of aid organizations (for example Wspólnota Polska, Helsińska Fundacja Praw Człowieka, Zespół Monitorowania Rasizmu i Ksenofobii, Stowarzyszenie Interwencji Prawnej, Polskie Towarzystwo Prawa Antydyskryminacyjnego, Obywatele RP, Fundacja Otwarty Dialog, Komitet Obrony Demokracji, Akcja Demokracja and other) with the society. The article analyses this problem from a sociological point of view. Using the sociological analysis, the authors prove that communication, as one of the variables in the description and translation of social phenomena, also has another hidden function, thanks to which it becomes a specific term – a «picklock». A detailed description of the research and the selection of methods were included in

Образец цитирования:

Мишкель М, Поплавский Т. Проблемы в процессе коммуникации между неправительственными организациями и обществом. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:65–70 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-65-70>

For citation:

Miszkiel M, Popławski T. The problems in the communication process between NGOs and society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:65–70.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-65-70>

Авторы:

Мариуш Мишкель – кандидат социологических наук; преподаватель кафедры маркетинга и туризма факультета менеджмента.

Тадеуш Поплавский – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры маркетинга и туризма факультета менеджмента.

Authors:

Mariusz Miszkiel, PhD (sociology); lecturer at the department of marketing and tourism, faculty of management.
mmisar@o2.pl

Tadeusz Popławski, doctor of science (sociology), full professor; professor of the department of marketing and tourism, faculty of engineering management.
w.poplawski@pb.edu.pl

previous studies, and there were also extensive accounts of the encountered actors regarding the nature and context of the observed situations of communication dilemmas. The research area was stretched between the periphery and social centers according to T. Popławski's theory. The main focus here is on conclusions about communication and bureaucracy. The bureaucracy based on the Weberian model seems to be imploding more and more under the weight of extreme rationality, turning into irrationality. The authors sum the article up with practical advice on resolving the issues related to bureaucratism.

Keywords: social institutes; social communication; NGO; society; bureaucratism.

Introduction

The question of the contemporary face of social communication is especially problematic today. It seems that there is still a fairly common belief that information contained in communication requires a reliable representation of the actual reality. In the face of the currently developed and practiced disciplines such as marketing, neurolinguistics, or recently extremely trendy coaching and other fields using social engineering, such an approach seems quite naive. These disciplines often produce and diffuse an artful sophistry of ambiguity.

In the following article, the specificity of this phenomenon will be analyzed, as an example of considerations, communication of aid organizations with the society was chosen. This is just one of many problematic areas where there is a progressive erosion of primary language based on a social contract in which communication, its thoughts and words mean what they evoke [1]. In the described area, this unwritten agreement is, as the author can prove, further broken. Although the title of the article points to system and not to organizations, the administrative system is de facto a collection of organizations, and the organizations themselves, according to the definition of management science, are systems [2]. It would be not only difficult, but probably impossible. The article below is an analysis from a sociological point of view. Sociology more often deals with institutions that are generally defined as a set of fixed, repetitive activities. Therefore, since administrative organizations have the form of institutionalized entities (established forms and activities), the terms organization and institution will be used interchangeably below. Because it does not make much sense to insert

a clear demarcation line between these conventional terms. Using the sociological analysis, the authors will try to prove that communication, as one of the variables in the description and translation of social phenomena [3, s. 13], also has another hidden function, thanks to which it becomes a specific term – a «picklock». Earlier anthropological research by M. Miszkiel, conducted cross-sectionally – from the peripheral excluded, through the provided assistance offered by the activities of the institutional system and the services provided within the third sector, to the world of social policy. The research area was thus stretched between the periphery and social centers according to T. Popławski's theory [4]. This cross-sectional location placed the considerations at the very center of L. Strauss's dichotomy: between people, who perceive reality usually through the information on hand, so called «handymen» or *bricoleurs* pursuing their own interests not infrequently at the expense of the rest of society, i.e. those whom the aforementioned anthropologist called specialized *ingénieurs* engineers. A detailed description of the research and the selection of methods were included in previous studies, and there were also extensive accounts of the encountered actors regarding the nature and context of the observed situations of communication dilemmas. Based on this material, the focus here is on conclusions about communication and bureaucracy, without what has already been said. Extraction from theoretical issues regarding the process of institutionalization of communication, in order to go on to critical remarks on dilemmas, problems and even pathologies of the previously indicated social areas.

Names of institutions as the component of external system communication

As indicated earlier, from the sociological point of view, an institution is a fixed activity. Therefore, in the case of the aid institutions analysed in this article, it can be assumed that these are fixed activities aimed at the implementation of the aid mission, which is socially beneficial. They are formed from a network of entities (here aid institutions) with complex structures that are part of a wider system. The cited definition is only an operational definition for the purposes of this article.

This formula corresponds to the definitional constructs used in management sciences, which in turn emphasize the mission of the institution as an important definition component of the term organization. In this

way, the concept of an institution/organization is anchored, the most important component of which is the mission, answering the questions: ***why and for what purpose this institution was established and functions?*** This signals to the society not only the task field of the organization, but also its kind of entitlement, i. e. the scope of expectations towards the subject. The mission of the institution also has a much broader meaning, it can be used to define not only expectations but also, for example, control instruments that will allow the evaluation of such activities. Thus, the mission of the organization is of fundamental communication importance, it is a carrier of various attributes of institutions,

which are included in organizational statutes, ordinances, laws and other normative acts, the chaos of which (often deliberate) resembles the contemporary cabal understandable only to a narrow group of initiates. So much the worse when it comes to the mission related to the social utility of the activities of the organization, non-governmental NGO, non-profit. Among them, most famous *Obywatele RP*, *Fundacja Otwarty Dialog*, *Akcja Demokracja*, *Polska Zielona Sieć*, *Zespół Monitorowania Kaszımı Ksenofobii*, *Acsociiıya polikyturova «Nomada»*, *Helsińska Fundacja Praw Człowieka*. However, in general, the society that is the *bricoleurs* community does not delve into these documents, contenting itself with the very name of the institution – that is, in fact, the carrier of information that, in Levi Strauss' language, is «on hand». Similarly, Robert Merton suggested that **the key to understanding the institution is its very name**, which evokes obvious references and reflects social expectations, thus constituting a specific promise of their implementation [5, s. 129]. So it is clearly seen that the name of the institution plays a key role in communicating with the society. References to this reasoning can also be found in ontological considerations on truth contained in M. Heidegger's analysis of being (*Dasein*), according to him, the place of truth is not in the object itself but in the judgment about it. Heidegger defined this as the synthetic judgment of a priori. Hegel spoke about the role of *Mienungen*, i. e. opinions, pre-judgments, and in today's language – stereotypes in the colloquial understanding of reality.

In the subject under consideration, such a judgment is included in the name, which allows, by assumption, to infer about the essence of the subject (here the institution) [6, s. 304]. At this point, however, it is appropriate to ask the fundamental question that Jean Baudrillard once posed: «If the declaration perfectly pretends to be reality, does it become reality?» [7]. He also notices that such a message, as well as advertising, are rather prophetic. Thus, the name of the institution as a kind of advertising is aimed rather at creating an «image in the consciousness of society». W. Lippman referred to this as public opinion. In this sense, the name of the organization defining the scope of its activities has now become a propaganda advertisement, which hardly anyone believes in because its task is to attract attention rather than to reliably reflect the actual reality. Since the name is not a very reliable source; how to determine what an institution really is and how much truth is in such declarations? To answer this question, you can use T. Veblen's suggestions, who recommended that: the consciousness of individuals inside the institution should be reached, because the ways of thinking of its employees are determined by the methods of operation. Therefore, since the actions of employees determine their thinking. So their perception and awareness also shows the actual way of operating inside the institution

[8]. According to T. Veblen, **an institution is in fact the dominant way of thinking within it**.

In this way, starting from the issue of communication incoherence, we reach the problems and dilemmas created by bureaucratization. Usually, the thinking of employees, and thus – their actions, are far from the message contained in the name of the institution and predominantly do not correlate with the declared mission of the institution. This relationship is generally quite limited, and in extreme cases – it does not exist or is quite the opposite. In the course of research by M. Miszkiel, it was found that in the minds of aid institutions' employees there was usually a routine activity performed mechanically and quite thoughtlessly in the prescribed mode of a full-time working day (from 9 to 5) [9]. Therefore, if you analyze the behavior of an official at work, you can usually reduce his role to activities related to bureaucratic routine. Their role was largely reduced to the reproduction of top-down guidelines, standardized plans, programs and projects. Thus, the activity of the entire institution was also reduced. As a result, **the referentiality at the communication level between the name, i. e. the default carrier of the institution's mission, and real actions has also been broken**.

While learning about the practical side of the functioning of institutions and bureaucracy, **the mechanism of a standardized mass approach to satisfying the needs of applicants** gradually emerged, which was associated with the rationalization of Max Weber or the term *mcDonaldization* [10, s. 13] introduced by G. Ritzer, which he used to define a unified approach aimed at meeting the needs of masses. As A. W. Gouldner notes, «the regulations governing the work of officials usually define the minimum acceptable behavior of members of an organization. And those who are aware of this act on the minimum levels of commitment» [11]. As the assistance of the systemic institution was deformed by the bureaucracy and its shortcomings, attention was shifted to the non-systemic aid institutions of NGOs. However, this area also suffered from similar disadvantages to those previously identified. On the other hand, the services declared in the name or mission of the institution were often empty promises. The activities of the third sector organizations were nothing less than the implementation of projects and plans co-created by the system. They were a source of profits for these institutions and often the only motivator for action. As in the case of the systemic aid institution, the calculated implementation of normative reality deformed the activities of NGOs and **the hyper activity attributed to this area turned into incompetence and futility of actions**, which the social activists explained by repeating the mantra of the argument «because this is how it is in the project and it must be so» [12]. It is clear, therefore, that this attitude is dominated by – as J. Staniszkis put it – after K. Marx «Official Reason», that is, **focus on correctness not on effectiveness, in the absence of awareness of the**

existence of the main goal, i.e. the mission of social benefit of the organization [13]. The analyzes in the report of the team of T. Popławski, J. Paszkowski [14] also indicates a similar conclusion about the lack of relationship between the mission of the organization and activities that boil down to routine. These studies show, among others that with time *the petrification of the clerical routine grows*, turning into a ritualism in which the interest of the petitioner and the mission are of marginal importance. Then, such awareness translates into the operation of the institution, which transforms into a bureaucratic machine, usually without clear links with the mission of the institution.

However, an important question needs to be asked: does society really expect the institution to be a bureaucratic routine or have specific results? There is no need to do extensive quantitative research in order to reach the awareness of the majority, i. e. the society and its expectations, in line with the sociological perspective. It is enough to use the already mentioned thesis of R. K. Merton. In this way, the considerations presented «come full circle» and again refer to his previously quoted words, since the name reflects social expectations and is «a promise of their implementation, that is, this is what society expects». However, instead of these often noble declarations, the mission and organizational goals are lost in the chaos of standardized structures of activities, and these organizations themselves become de facto: a soulless bureaucracy whose goals disappear in the maze of institutional structures in its programs, regulations, projects and plans. In turn, this mode of operation is a blind mechanism set in motion, which is no longer related to the applicants and their affairs and their service satisfactory for them, but works almost independently, somewhere in their background, in the shadow of the matters that he was supposed to deal with. In the light of this, the remark of M. Crozier, who characterized bureaucracy with the words «slowness, heaviness, routine, complicated procedure, maladjustment of the organization to the needs that should be satisfied and the frustration experienced by members of the organization, its clients and those who are subject to it» [15, s. 16–17].

Therefore, we should consider *whether the role of the name is actually to inform?* And even if so, is it a dominant function? It seems that considerations of this type should take as the focal point the thesis in which, according to the mentioned suggestions, the name of the institution plays the role of a message addressed to the society. Should such information, then, contain the truth

or half-truths or lies? As M. Drożdż claims: «The right to truth is a fundamental human right, it is the basic value around which mass communication focuses». [16, s. 9]. Of course, the issue of truth itself is complicated and refers to much deeper philosophical reflections. However, the authors will not elaborate on this thread, as it would be too extensive a digression. A fairly insightful discussion of the topic can be found in the works of J. Derri-da [15, s. 16–17]. It is also worth getting acquainted with the ontological considerations in M. Heidegger [6].

Therefore, one should consider whether the name of the institution can be treated as a reliable information carrier? The inconsistency between these declarations and the different actual actions, including the awareness of employees, make us look at the name rather «through my fingers». It most often plays the role of advertising, trying to deceptively impress on the public, i.e. in the case of NGOs, on the public opinion, a certain impression of persuasion with a positive emotional tone. In this sense, the promises contained in the name should not be believed, but, as J. Baudrillard claimed, «hope in them» [17, s. 168]. He also notes that: «...truth and falsehood become inconceivable and indistinguishable from each other» [17].

In deliberating on the subject of institution names, other critical questions should also be asked, e. g. *is such communication inconsistency a side effect of the system's inefficiency? Or maybe the communication of the system and its institutions is a deliberate measure to escape from social control and the pragmatics of activities that could be assessed and evaluated?* When formulating the answer to these dilemmas, it is worth referring to the philosophy of M. Heidegger, who in his interpretation of the concept of truth states: «truth or appearances do not appear in the object but in the judgment about it» [6]. If, therefore, according to the sociological perspective, we should be heading towards the consciousness of the majority, i. e. the society, then, as noted earlier, it is created by the information flowing from the communication, e. g. contained in the name. Thus, the communication itself creates sophisms and inconsistencies as to the compatibility of the judgment with its subject. Therefore, such communication of the system can be defined using the philosophical metaphor used by George Barkeley to describe the communication confusion with the words «have you raised clouds of dust and you complain that you cannot see anything?» [18, s. 18]. Another significant problem in the applicant-institution relationship is described in the following section.

Linguistic incompatibility

The institution's communication not only contained in the name but also in the complexity of the bureaucratic procedure. The systemic language that describes it creates deliberate chaos, which with its complexity discourages full understanding and deceptively diverts

attention from difficult or critical questions about the validity of complex procedures and the merits of such actions. In this it resembles Kabbalah or magic. At the same time, it should also be remembered that for society, especially its weakest members, such as excluded people

(recipients of aid activities), actors often not well educated, the name of the institution of its tools and activities is most often the only available source of information that is «on hand» and they usually lack the competence to explore this «cabal» of regulations, laws, statutes, projects or other normative provisions. The chaos resulting from the multitude of norms and guidelines causes trouble for institutional employees, initiators and «Kabbalistic» people who are apparently familiar with this code. However, **applicants of institutions who use a primary language**, based on a social contract and not defined by

the norms of the system, usually have great difficulties. However, these are not the only problems because institutions and their activities are part of an even larger system and sometimes – even many systems. These in turn, while managing the entrusted resources in a prophetic manner, plan in advance not only the allocation of resources but also each individual action. In this way, a «great plan» is created which presupposes, by anticipation, in the language of B. de Spinoza, an increase in being caused by an event [19]. Then, as J. Baudrillard put it, a hyper-reality is created [7].

The multi-level lie in communication confusion as a system escape tool

Analyzing the discussed topic in an ontological way, it can be stated that in the discourse of the system and its support institutions, not only one type of communication falsehood can be found, but several of its symptoms, therefore we can speak par excellence about communication fraud.

Firstly, according to the traditional Aristotelian definition of truth, a falsehood can be said when there is no agreement between the content and the actual state, as is the case in the discussed area of institutional communication (it occurs when there is no clear relationship between information and actual actions and effects or their lack).

Secondly, according to M. Heidegger's analysis of being, falsehood results from the lack of a concordance relation (*Übereinstimmungsbeziehung*) between the content of the judgment and something real, which this content concerns [6, s. 302]. If we adopt the sociological perspective, then the content of judging should be considered as social expectations regarding the object, i. e. the activities carried out by the system and its institutions. Therefore, since the actions of institutions very often remain in fundamental contradiction to social expectations, another lie occurs. These are not the only lies because at the same time the fulfillment of these expectations is **simulated** and at the same time actions contrary to the public interest are denied. Moreover, it is also denied that the pursuit of one's own interests (belonging to the field of *Gesellschaft* [20]) and therefore **dissimulation** takes place at the same time. This often happens when the social interest is replaced by the particular actions of individuals and/or social centers [4]. As is the case in many areas of social life.

Another and probably the most important reflection on the area in question results from the comments presented earlier. Today, the production of communication chaos and the replacement of **real aid with simulacra** have one more negative effect. These elements become a lockpick that makes it possible **to «escape the system», e. g. from social control**. In addition, the freedom of communication manipulation also enables an **escape from referentiality**. As J. Baudrillard once wrote: «...the era of simulation first eliminates all referentiality, worse: it allows it to resurrect artificially in sign systems» [21, s. 177]. Since contemporary communication

constructs are inconsistent with the common sense of the average person, under the emblem of the proclaimed actions there may be a gap between theory and practice. Thus, there does not have to be a dependency linking communication between the system and reality. Even if one already exists, it does not have to be referential with the reality expected by society. Thus, **the system may, with the help of such freedom of communication, create its own reality** which is more favorable, easier, requiring less effort and commitment. Such simplifications are possible thanks to shifting referentiality from reality to communication. This is due to the fact that the language of signs is more plastic than reality. The role of communication is then the conviction that the new reality is the only reality, even if its pillars are elements belonging to the so-called field of «bullshit things» [22], which nowadays includes many «empty» activities hidden under «beautiful» emblems. In the discussed area, these are numerous help simulacra, which the author described in other studies. Thanks to such measures, **the system has the opportunity to avoid specific, hard effects of its actions** (which it could be held accountable for and which society expects) – it is therefore also an escape from *pragmatism*. Symptoms of this can be quite easily observed today in the form of a «flood» of various abstractions. As an example, there are recently fashionable words that officials willingly use in their aid activities, such as: social capital, reintegration, civil society or subjectivity. These terms are so vast and amorphous that it is difficult to clearly identify them. Besides, as Z. Bauman rightly observes, «the fate of fashionable words is similar – the more experiences a clear explanation gains thanks to them, the more they become vague and unclear themselves» [23, s. 3]. The «flight of the system» is also realized **in the attitudes of officials who, thanks to systemic assimilation, can escape from responsibility, a phenomenon which the author describes as the «pilate effect»**. It is a way for them to achieve a kind of ataraxia in the workplace and at the same time transform a responsible public position into a carefree idyll, because this is how you can define an attitude that is free from thinking and responsibility. Such interactions of the system and its aid institutions with the environment suggest an analogy to the moralizing story of Plato about the

Gyges ring, which made people invisible, freeing them from social control. Thanks to this, they could bend and break all laws because the only limitation was their own ethos. Such a Gyges ring in the analysed topic is the bu-

reaucracy of the system combined with communication confusion, thanks to which every official can implement the Gluco morality, according to which «under the mantle of invisibility, all become regicides»¹.

Conclusions and recommendations

In the mentioned areas correlating with communication and bureaucracy, there are still many unresolved pathologies, such as conformism, false transparency, and the prevalence of manipulation. All this deforms the reality which is more and more deviating from moral values, and becomes reality as if out of a crooked mirror. Contemporary people do not have any problems with the complete reversal of values. As a result, **communication is able to absolve any crime or heresy and even, worse, to ennoble it**. What is wholly unacceptable can and often becomes normal and even «godly». Conversely, unique positive values can be labeled as something unacceptable, bad. All this is largely due to the driving force of communication – this not only **defines the world, but also transforms and deforms it at will**. This process leads not only to corruption in the

area of linguistics, but also to the whole of reality, as today the elementary skill of evaluating which allows to distinguish between good and bad is becoming blurred. **The significant disadvantages mentioned above are related to bureaucratism. The bureaucracy based on the Weberian model seems to be imploding more and more under the weight of extreme rationality, turning into irrationality**. The remedy for improving the activities of institutions should be seen in the functioning of free-market institutions, where the mission accompanies all levels of the organization and control, management or delegation of tasks do not exclude the flexibility of employees, but it is compatible with **the compromise between customer satisfaction and the effectiveness of the entire enterprise**, which the authors discuss in another place.

References

1. Derrida J. *Historia Kłamstwa prolegomena wykład warszawski*. Warszawa: IFIS PAN; 2005. 95 s.
2. Koźmiński AK. *Współczesne teorie organizacji*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1983. 140 s.
3. Piotrowski A, Ziółkowski M. *Zróżnicowanie języka a struktura społeczna*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1976. 474 s.
4. Popławski T. *Peryferyjność i społeczeństwo. Dylematy przełomu w Europie*. Białystok: Fundacja Ekonomistów środowiska i Zasobów Naturalnych; 1997. 196 s.
5. Merton R. *Teoria socjologiczna i struktura społeczna*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1982. 669 s.
6. Heidegger M. *Bycie i czas*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1994. 630 s.
7. Baudrillard J. *Symulakry i symulacja*. Warszawa: Sic!; 2005. 195 s.
8. Dorfman J. *The economic mind in American civilization. Volume 3. 1865–1918*. New York: Augustus M. Kelley Publishers; 1969. XIV+494+LXXVII p.
9. Popławski T, Miszkiel M. The disabled in the midst of unemployment, i.e. what remains unseen in the scientific and administrative discourse. *Polish Journal of Applied Sciences*. 2017;3:97–102.
10. Ritzer G. *Mcdonaldyzacja społeczeństwa*. Warszawa: Wydawnictwo Literackie MUZA S. A.; 1997. 405 s.
11. Masłyk-Musiał E. *Spółeczeństwo i organizacje: socjologia organizacji*. Lublin: UMCS; 1999. 243 s.
12. Miszkiewicz M. *Rola ekonomii społecznej w rozwiązywaniu społeczno-ekonomicznych problemów osób niepełnosprawnych i ich reintegracji na terenie województwa podlaskiego [praca doktorska]*. Białystok: Uniwersytet w Białymstoku; 2017. 254 s.
13. Staniszkis J. Marks o administracji państwowej. *Studia socjologiczne*. 1969;4:142.
14. Popławski T, Paszkowski J. *Potrzeby szkoleniowe kadr podlaskich urzędów administracji samorządowej*. Białystok: ZGW Województwa Podlaskiego; 2018. 209 s.
15. Crozier M. *Biurokracja: anatomia zjawiska*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 1967. 467 s.
16. Drożdż M. *Prawda w mediach między ideałem a iluzją*. Tarnów: Uniwersytet Papieski; 2010. 316 s.
17. Baudrillard J. *Spółeczeństwo konsumpcyjne. Jego mity i struktury*. Warszawa: Sic!; 2006. 284 s.
18. Barkeley G. *Traktat o zasadach ludzkiego poznania, w którym poddano badaniu główne przyczyny błędów i trudności w różnych dziedzinach wiedzy oraz podstawy sceptycyzmu, ateizmu i niewiary*. Kraków: Zielona Sowa; 2004. 112 s.
19. de Spinoza B. *Etyka*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 2010. 356 s.
20. Tönnies F. *Wspólnota i stowarzyszenie : rozprawa o komunizmie i socjalizmie jako empirycznych formach kultury*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe; 2008. LIII+335 s.
21. Baudrillard J. *Precesja symulaków*. W: Nycz R, redaktor. *Postmodernizm. Antologia przekładów*. Kraków: Baran i Suszczyński; 1997. s. 175–189.
22. Frankfurt HG. *On bullshit*. New Jersey: Princeton University Press; 2005. 80 p.
23. Bauman Z. *Globalizacja i co z tego dla ludzi wynika*. Warszawa: PIW; 2000. 154 s.
24. Derrida J. *Struktura, znak i gra w dyskursie nauk humanistycznych*. *Pamiętnik literacki*. 1986;77(2):251–267.
25. Lyotard JF. *Wzniosłość i awangarda. Teksty drugie teoria literatury krytyka interpretacja*. 1996;2(3):173–189.
26. Staniszkis J. *Patologie struktur organizacyjnych*. Warszawa: Zakład Narodowy im. Ossolińskich; 1972. 168 s.

Received by editorial board 06.12.2020.

¹Platon. Państwo [Electronic resource]. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/lektura/platon-panstwo.html> (date of access: 10.12.2019).

РЕЙТИНГОВАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Т. А. БОГУШ¹⁾, С. Е. СЕЛЬВЕРСТОВА²⁾, Е. Г. МАКСИМУК¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Октябрьская, 5, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белостокский технический университет, ул. Вейска, 45А, 15-351, г. Белосток, Польша

Описывается функционирование рейтинговой системы в Республике Беларусь, Российской Федерации и ряде европейских стран, таких как Польша, Португалия, Испания, где рейтинговые системы разработаны с учетом региональных и национальных особенностей традиций высшей школы. С опорой на материалы международных форумов по вопросам высшей школы выявляется ряд паттернов, которые расширяют представление о рейтинге и особенностях его функционирования в различных образовательных центрах европейских стран, а также Республике Беларусь и Российской Федерации. Лиссабонская стратегия продолжила и углубление в практику ориентирования на экономику базовых знаний (*base knowledge economy*), где решающее место отводится оптимизации кадрового потенциала высшей школы в подготовке высокопрофессиональных специалистов.

Ключевые слова: высшая школа; рейтинговая система; контракт; трансформационные процессы; рейтинг кафедры; человеческие ресурсы; индивидуальный рейтинг; управление человеческими ресурсами; рейтинг как инструмент; экономика базовых знаний.

RATING SYSTEM AS AN ELEMENT OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT AT TERTIARY LEVEL

T. A. BOGUSH^a, S. E. SELVERSTOVA^b, E. G. MAKSIMUK^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 5 Kastryčnickaja Street, Hrodna 230023, Belarus

^bBiałystok University of Technology, 45A Wiejska Street, Białystok 15-351, Poland

Corresponding author: T. A. Bogush (tatsiana.bohushgrodno@gmail.com)

The article describes the functioning of the rating system in the Republic of Belarus, the Russian Federation and in a number of European countries such as Poland, Portugal, Spain, where rating systems have been developed taking into account regional and national characteristics of the traditions of higher education. The authors, relying on the materials of international forums on higher education, discovered a number of patterns that broaden the understanding of the rating and

Образец цитирования:

Богущ ТА, Сельверстова СЕ, Максимук ЕГ. Рейтинговая система как элемент управления человеческими ресурсами в высшей школе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:71–78 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-71-78>

For citation:

Bogush TA, Selverstova SE, Maksimuk EG. Rating system as an element of human resource management at tertiary level. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:71–78.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-71-78>

Авторы:

Татьяна Александровна Богущ – кандидат социологических наук; доцент кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Светлана Евгеньевна Сельверстова – профессор Лесного института факультета строительства и охраны окружающей среды.

Екатерина Геннадьевна Максимук – магистрант кафедры социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма. Научный руководитель – Т. А. Богущ.

Authors:

Tatiana A. Bogush, PhD (sociology); associate professor at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.
tatsiana.bohushgrodno@gmail.com

Svetlana E. Selverstova, professor at the Forest Institute, faculty of construction and environment.
s.sialwierstawa@pb.edu.pl

Ekaterina G. Maksimuk, master's degree student at the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.
ekatherina.maks@gmail.com

the peculiarities of its functioning in various educational centers of European countries, as well as in the Republic of Belarus and the Russian Federation. The Lisbon strategy also continued deepening into the practice of focusing on the base knowledge economy, where a decisive place is given to optimizing the human resources of higher education institutions in training highly qualified specialists for such an economy.

Keywords: tertiary level; rating system; contract; transformation processes; rating of department; human resources; individual rating; human resource management; tools rating; base knowledge economy.

Introduction

From century to century society is changing, moving from one state to another and transformational processes are produced. Transformation (lat. *transformare* – to transform, transform; *trans* – through, through – the first part of the compound words, conveying the meaning of movement through some space, crossing it; transfer through something) means literally the transformation of form as a result of changing content. Social transformation is the result of a set of concentrated and directed social changes, expressed in the transformation of the system¹. Sociology distinguishes several types of mechanisms of social transformation: evolutionary and revolutionary mechanisms (changes that can be natural, forced, violent); progressive and regressive mechanisms (when progressive changes take the system in society to a higher level, and when regressive changes take social systems to a level or several levels lower) imitation and innovation mechanisms (imitation is observed when obsolete mechanisms and elements of social system are applied); and the use of the social system to achieve the goals and ideals of the society². Thus, transformation processes affect not only society as a whole, but also various spheres and sectors of life. These can be spheres of economy, management, education, culture, etc. The reasons for transformation processes are different and can be both positive and negative. The same applies to the consequences of

transformation processes. In order to ensure that transformational processes do not lead society into decline, changes need to be guided (although this is not always possible). In the following, transformation processes in education through governance, namely faculty performance rating, will be considered, the works of researchers of this problem will be reviewed, which will help to trace the transformation in the field of governance.

The rational application of abilities, forces and knowledge of individuals under certain conditions of functioning institutions and organisations has become one of the most studied topics in such sciences as sociology of management, sociology of work, psychology of work, as well as in a number of disciplines – organisation theory, theory of organisational change, organisational behaviour, human resource management, etc. Also within the study of this topic is considered the formation of management culture, which provides the conditions necessary to improve the performance of the personnel of any organization. That is, within human resource management, there must be motivation that will improve employee performance. And consequently, will contribute to the growth of the rating of the organization, the institute as a whole. In determining the performance, clear criteria should be set, according to which the final outcome of the employee's performance will be carried out in the future.

Main part

The basic principles of the school of scientific management (F. Taylor, Frank and Lillian Gilbreth, H. Emerson and H. Ford) are creation of optimum methods for carrying out work based on the study of time, effort, movements, etc.; absolute adherence to defined standards; selection, training and assignment of personnel to jobs where they will produce the greatest output; payment according to results; management functions act as a separate professional activity; maintenance of friendly relations between workers and managers³.

The notion of «human resources» was for the first time mentioned in C. I. Barnard's «The Functions of

Manager» (1938). This work reflects author's views on the management process, the problems of cooperation of human activity and the functions of a leader themselves [1, p. 100]. Since the 1960s, the terms «human resources» and «human capital» have become firmly established in scientific terminology in the West, mainly in relation to organisational and industrial (industrial) psychology. The category was first used in 1961 by Nobel laureate T. Schultz, who described human capital as follows: «...all human abilities are either innate or acquired. Every human being is born with a specific gene syndrome that determines his or her innate abilities.

¹Modern modernisation of Russia [Electronic resource]. 2020. URL: <https://moodle.kstu.ru/mod/book/view.php?id=17832> (date of access: 14.11.2020).

²Трансформации социальных систем [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnik.ru/sociologiya/transformacii_socialnyh_sistem/ (дата обращения: 14.11.2020).

³Школа научного управления [Электронный ресурс]. 2020. URL: <http://www.grandars.ru/college/ekonomika-firmy/shkola-nauchnogo-upravleniya.html> (дата обращения: 25.01.2020).

Characteristics of the acquired quality of the population, which have value and can be enriched through proper investment, we will consider as human capital» [2, s. 9]. Polish researcher M. Bartnicki considers human capital to be people who are permanently associated with an enterprise and its mission, possessing cooperation skills, creativity, qualifications as well as motivation, competence and acumen [3, s. 12].

The division into general and specific human capital was introduced into management theory by G. Becker. According to G. Becker, this division is necessary in order to properly manage the human capital of an enterprise. General human capital is, for example, the knowledge of a process which is widely used in different enterprises, while specific, or human-specific capital is the knowledge of a process which is used only in a particular company. T. Davenport defined human capital on the basis of its constituent elements, i. e. abilities together with behaviour, effort and time. He presented this definition using a mathematical formula [4, s. 179].

The 1990s and the beginning of the 21st century are, for researchers studying changes in the global economy, primarily a period of formation of a new economy, called the knowledge-based economy. Numerous publications on the subject emphasize that in highly developed countries a new economic course is becoming increasingly clear, in which knowledge is becoming the main factor of production and is increasingly used at all levels in society. Knowledge, in turn, is inextricably linked to the employees who create and disseminate it [5, s. 189]. The knowledge-based economy has from now on become the guiding principle in thinking about the meaning of human capital. The founding document on which the European community is currently basing its work on human resources is the Lisbon Strategy, revised and supplemented in 2020. The aim of the Lisbon Strategy, announced in 2000, was to create an efficient and competitive economy based on scientific knowledge and highly skilled workers. Education and research are considered as the cornerstones of the economic growth and the job creation for the Lisbon Strategy proposed by the European Union. Therefore, understanding the transmission channels of the educational investments to the society is important to inform policymakers and students about the benefits and opportunities associated with the acquisition of human capital [6, p. 111]. Its logical continuation was the Bologna System, which aims to synchronize the higher education systems existing in European countries and to develop common approaches to the quality of teaching and the level of training of graduates. T. Sánchez-Chaparro, V. Gómez-Frías, Ó. González-Benito note: «Quality assurance in higher education is one of the cornerstones of the Bologna agenda and the Lisbon strategy, which aims at establishing the world's most competitive knowledge economy» [7].

From the aforementioned, we can see that there is a transformation taking place in the governance system. Researchers have been trying to find and describe approaches that will improve the quality of the management process over time. In addition, it is becoming important to use human resources rationally to get more results. Thus, for example, the existing effective contract in Russia and the rating system of teacher performance evaluation in Belarus meet some of the provisions of the school of scientific management. Namely: absolute adherence to the developed standards (there are a number of normative documents which regulate the work of these programmes and based on which they are implemented); selection, training and allocation of staff to the jobs where they will bring the most results; payment according to the results of work.

At Minin University, within the framework of the personnel development management project, employees are assessed on a regular basis in order to determine their capabilities, to establish employee competence, to make informed decisions regarding the stimulation, promotion, dismissal and development of employees, to select candidates who will meet the requirements. At the moment, performance evaluation is based on: individual rating, activities of scientific-pedagogical employees, system of key performance indicators of KPI matrix (i. e. indicator of achievement of results in a certain activity that can be quantitatively measured), requirements of effective contract. S. K. Kuritsyn writes: «...the relevance of creating a personnel development system is due to the objective reasons of strategic development of a university: achieving goals requires the integrity of plans and specific actions in the field of personnel as the main resource of the organization; it requires developing a personnel development strategy and coordinated mechanisms for staff performance evaluation, effective for each particular stage of management, which is a key element of the personnel development system» [8]. The above stated on Minin University can help to change the process of staff work in the university, contribute to the development of the employee, also allow more effective solution of strategic objectives and what is important, if possible, will take into account not only the interests of the university, but also the interests of employees.

The level of a lecturer or the quality of teaching in a sense shows the quality of the university, i. e. the lecturer reflects the university. When a university offers low quality services, its performance becomes lower quality, duties are performed only on a formal level, there is no interest in both teaching and research, then consequently the university loses out in competition and may eventually disappear altogether. As students gradually leave for universities with higher rates and university employees who are interested in teaching and research also prefer the university where they can fulfil their desires under good working conditions.

An effective contract can ensure the achievement of objectives by both teaching staff and university management with minimum costs for both parties. Thus, foreign experience shows that research universities require a high level of teacher training. Teachers themselves are research-oriented, which subsequently helps to transfer experience to students and develop particular areas of society. Which consequently leads to transformation.

A. A. Kuznetsova and V. B. Nikishina actualize the issue of feasibility and criteria of effective contract in higher education. In Russia higher education is being modernized within the framework of the National Project «Education» and since no visible results on changes in the education system are observed, the effective contract in the course of this project acts as a way to transform higher education. The purpose of this contract is to improve the quality of the teacher's performance by changing the remuneration and incentive payments. In connection with the transition to an effective contract it is possible to solve such problems, as preparation of the qualified personnel according to the requirements of the labour market and employers; higher education institutions will act as the centre of innovative development; the transition of domestic higher education to the world market. However, the solution of these tasks does not exclude a number of problems, namely: there are no common requirements and criteria for assessing the effectiveness of professional activity; it is not clear how the final result of teachers' work will be calculated; it is difficult to assess the results of teachers' work – some teachers have publications, articles, while others have lectures and seminars [9].

Researchers say that an effective contract should contain such basic conditions as the amount of remuneration, acceptable control over the results of work by the employer, availability of professional ethical norms that ensure decent behaviour of the employee. A. A. Kuznetsova and V. B. Nikishina also consider the effective contract as a tool that will contribute to an optimal remuneration system. The criteria that will form the basis of an effective contract will be determined by higher education institutions themselves based on the specifics of the university, the requirements of the professional standard and the criteria of world rankings. An effective contract of a teacher should contain: bibliometric indicator of the teacher (Hirsch index in the citation systems Russian Science Citation Index (RSCI), Web of Science (WoS), Scopus, the number of citations during the reporting period); the number of articles, publications that are included in international databases of scientific citation – WoS, Scopus, Russian journals that are included in the list of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Russian Federation; teaching and learning materials, textbooks, monographs, including electronic version; participation in conferences, grants; scientific and educational work with students. Thus, A. A. Kuznetsova and V. B. Nikishina came to the

conclusion that an effective contract is convenient to use to distribute priority goals of the university in order to rationally use the available resources of the institution itself and the work and results of the teachers themselves [9].

Thus, the main goal of such an effective contract is to increase the performance of a higher education institution. However, the development of this contract should take into account the strategic goals and objectives of the university. The evaluation of the activities of university teachers is carried out according to the indicators of teaching, teaching-methodological, scientific, social-educational work and innovation activities. The need to organise teachers' performance evaluation is an element of information support to the university management for further managerial decision-making regarding the teacher. The authors of the reviewed articles believe that the main purpose of an effective contract is to improve the quality of teacher performance, through changes in remuneration, through the application of incentive payments.

S. Yu. Trapitsyn notes that the renewal of theoretical views and practical actions to create a system of quality assessment of teaching staff performance in universities is determined by the increasing integration of Russia into the European educational space and the emergence of prerequisites for developing comparable criteria and methodologies for assessing the quality of education. Insufficient scientific and methodological support of the process of rating system development, lack of experience in its implementation often result in formal assessment of teachers' work, fragmented use of methods and tools for diagnostics of their potential and creative activity, adoption of inappropriate managerial decisions, thoughtless copying of well-known examples etc. The author says that assessment of teacher performance includes the following problems: how to assess the quality of specialists' training (and its effectiveness); how to assess the faculty's contribution to this quality (effectiveness of teaching activity); how to assess the share of a particular teacher in this contribution. In order to establish quality forms and methods of assessing teachers' performance, one is urged to refer to the experience of foreign countries, to analyse one's own activity [10].

In the Republic of Belarus there is no additional agreement as an effective contract. Nevertheless, Grodno State Medical University, Belarusian State University and International University MITSO have such a system. Next, let us consider the rating system on the example of Yanka Kupala State University of Grodno.

The main purpose of the rating system for teaching staff is: the implementation of goals and objectives of the Yanka Kupala State University of Grodno Strategy for 2016–2020; promotion of compliance with state requirements to the level of qualification and activities of the teaching staff; based on the formation in the Yanka

Kupala State University of Grodno motivation and motivation of the teaching staff. To improve the staffing of educational, training and research processes; to set ways to improve the effectiveness of research, training and educational activities of teachers to develop tools for objective assessment and self-assessment of the level of performance of professional duties; to stimulate those activities that correspond to the priority areas of development of the university in the sphere of education, training and education.

In addition to the individual rating, the university also maintains the rating of departments. As for the individual rating of teachers, the full-time employees of Yanka Kupala State University of Grodno participate here from among the teaching staff (does not include teachers who work on a part-time basis). Each year on the basis of the rating assessment of the teacher's performance in the previous calendar year the employee is assigned an individual rating index. In order to assign such an index, a rating classification of the teaching staff is based on the rating assessments of the teaching staff each year. The rating index is assigned in such areas as academic activities, research and innovation activities, internationalization, ideological and educational work, social activities, activities of the head of department (head of unit). For these types of activities teachers are assigned points. For professors who work on a part-time basis, points that relate to the performance of duties of the department's teacher are taken into account. The points received for all criteria are summed up. Performance of employees is classified by the following indices: *A* – high performance; *B* – successful performance; *C* – normative performance; *D* – insufficient performance; *E* – low performance. A faculty member is assigned a rating index for one calendar year. Regarding the rating index of departments, it is based on individual rating assessments of core and substitute teachers, as an average value of rating assessments of department employees from the teaching staff. The rating index of the departments is as follows: *A* – high performance; *B* – normative performance; *C* – low performance. Just like the individual faculty rating, the rating of departments is carried out annually for the whole university⁴.

Index *A* is assigned to the teachers who have achieved the highest results for the calendar year, namely for awarding the degree of doctor of sciences; for awarding the state award, prize, honorary title of the Republic of Belarus; for creation and organization of work of subjects of innovative infrastructure of Yanka Kupala State University of Grodno and (or) small innovative enterprise. As well as managers (responsible executives) for the performance of work on the export

of knowledge-intensive products and services (work on the implementation of the economic contract). Index *B* is assigned to teachers, in relation to whom a decision was made to award an academic degree of candidate of sciences; to teachers, who are included in the Republican Data Bank of gifted youth; to teachers, who occupy the first 10 places among teachers of Yanka Kupala State University of Grodno in Google Scholar citation rating, as well as to those, who are full members and corresponding members of National Academy of Science of Belarus, who have the title of honoured, the title of World Champion, Olympic Champion. As well as teachers the index *B* is assigned to managers (responsible executors) for work on export of high technology products (works on the implementation of the economic contract). The *C* index is assigned to teachers who have worked less than 300 calendar days in a calendar year and have high rating grades. Index *E* is assigned to teachers who have less than 800 points. Index *D* is assigned to the rest of the teaching staff. A department is also assigned a rating index: index *A* is assigned to departments that have the highest ratings; index *B* is assigned to departments that have ratings not lower than the basic level at the university; index *C* is assigned to departments that have ratings below the basic level at the university⁵. Thus, at Yanka Kupala State University of Grodno the rating system is clearly elaborated for a particular educational institution. It corresponds to the goals and objectives of the university strategy and is applied only in Yanka Kupala State University of Grodno, unlike the effective contract in Russia. The effective contract is introduced throughout the country and should be in every university in the country, while it does not have a clear elaboration for each individual university, but only a typology of such a contract.

There is an ongoing monitoring of employee performance (this does not only apply to universities). In order to better organise university activities, the administration seeks to monitor the performance of its staff in order to improve the quality of education. It is assumed that a rating assessment will help to motivate the teaching staff. To this end, criteria are developed to assess performance: in foreign countries the emphasis is placed on the teaching component, in Belarus (Yanka Kupala State University of Grodno) the rating assessment includes, apart from teaching activities, scientific and innovative activities, ideological and educational work, public activities, the activity of the head of the department (head of the department). It is in these areas that the rating assessment of the activities of the teaching staff is carried out.

Universities have been transformed over time. Previously, the university simply provided knowledge and

⁴Положение о рейтинге работников из числа профессорско-преподавательского состава [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://intra.grsu.by/files/pps/2020/prikaz_05-09-2019-1163.pdf (дата обращения: 21.11.2020).

⁵Методика присвоения рейтингового индекса при проведении рейтинга работников из числа ППС [Электронный ресурс]. 2020. URL: https://intra.grsu.by/files/pps/2020/prikaz_13-05-2020-449-2.pdf (дата доступа: 21.11.2020).

depended on society and the church. A common culture was formed there. Later on, the university (especially in Europe) is essentially a separate structure with its own laws and rules. Closer to the 20th century, university not only transmits knowledge further, but also starts to actively participate in the development of society, promotes progress. By the 21st century, the structure and tasks of universities become more diverse and complex. The organisation of university work becomes more extensive. In addition to imparting knowledge, the university seeks to earn money to implement the research process and work in general. Fierce competition demands being flexible in organising the educational space, being market-oriented, introducing virtual forms of learning, building and maintaining its image and brand. Nowadays, the university is similar to any company, as it is quite concerned with profit, product, customers, market share, etc. [11].

In the European literature, the problems of the most representative methods of assessment of research and teaching personnel in terms of their impact on the quality and competitiveness of tertiary level have been in the focus of research during the last decades. In particular, the Spanish authors T. Sánchez-Chaparro, V. Gómez-Frías, Ó González-Benito undertook a study of educational attainment and marketability in 163 French higher education institutions. The aim of this study was to see how these institutions position themselves and what role the qualifications of higher education teaching staff play in this presentation. They note in particular: «The case of higher education in engineering in France Extensive literature up to now has addressed quality assurance as a regulatory and policy mechanism and has presented quality assurance and market forces as antagonistic. However, what policy-makers in the field fail to see is that the ‘official’ quality assurance processes also have implications in terms of competition. Indeed, higher education institutions are using the results of these, in principle aseptic, non-market-related evaluation processes, as a way to achieve competitive advantage» [7]. In this study, statistical methods were used, revealing the potential of this kind of research to assess the human resource potential of higher education and its competitiveness in the market of educational services. Researchers, in particular, note: «The institutional websites of 163 higher education institutions have been analysed through code-based content analysis techniques and Multiple Correspondence Analysis. This study shows that the analysis of institutional websites can be used as a tool to gauge the importance of the different dimensions of quality assurance for higher education institutions in a given national system. Furthermore, a clear association has been found between the ranking position of an institution and its communication behaviour. The results have been interpreted in the light of Neoinstitutional Theory and Porter’s generic competitive strategies. Practical implications for quality assurance practitioners and

managers at higher education institutions have been highlighted» [7]. Statistical methods are in fact the basis for a ranking system in European higher education institutions today. This system has been under development for two decades and in our opinion is still imperfect. It is multi-level, rather complex, and the prevalence of statistical indicators often does not allow to assess the real value of a particular teacher’s contribution to the development of the educational process. The shortcomings of the rating system are recognised by the European academic community, as can be seen not only by the significant number of studies on the subject, but also by the fairly frequent changes and amendments made to the system for the evaluation of faculty ratings in higher education institutions. These findings can be illustrated on the basis of a brief analysis of the state certification system for higher education institutions and teaching staff in force in Poland.

The formation of a human capital rating system for tertiary level in Poland has been underway for fifteen years. The process was initiated by the Ministerial Conference of the Bologna Process countries in Bergen in 2005. During the implementation of the Bologna Process, much attention has been paid directly to the quality of education in academic units, and one of the priority objectives for the coming years has been identified as the intensification of European cooperation in the field of quality assurance, taking into account the development of comparable criteria and methodologies. In line with the above, the ministerial conference in Bergen adopted standards and guidelines for quality assurance in higher education proposed by ENQA (European Association for Quality Assurance in Higher Education) [12, s. 15]. Pursuant to these decisions, Poland has developed a multi-level system for evaluating higher education institutions and teachers, which has been actively implemented since 2009. The system is currently enshrined in the Law of 20 July 2018 on Higher Education, which entered into force in September 2020. Its main components are the attestation of higher education institutions by the Polish Accreditation Commission; the annual evaluation of the scientific and pedagogical activities of higher education units carried out by the academic community of the given institution; and the individual attestation of teachers.

The attestation of higher education institutions is carried out for the purpose of accreditation, confirming the licence to provide educational services. The Polish Accreditation Commission is composed of the most respected representatives of the academic community. According to its declared mission, «the Polish Accreditation Commission is an independent institution that works to ensure and improve the quality of education. The main objectives of the Commission’s activities are: to take care of compliance with the quality standards adopted for higher education, relating to the best practices in the European and global network of educational space, as well as to assist state and non-state higher

education institutions in improving the quality of education and the creation of a culture of quality. These actions aim to ensure that graduates of Polish higher education institutions have a high position in the domestic and international labour market, as well as to increase the competitiveness of Polish universities as European institutions»⁶. The attestation is conducted once every four years and analyses the methodological support of the educational process, the results of scientific activity, the level of students' training by means of sample examinations and the examination of diploma papers. The Commission's conclusions are the basis for maintaining, increasing or decreasing the rating of the educational institution, and in some cases – forfeiting the license for training in certain specialties or closing a higher education school.

The scientific activities of the units of a higher education institution are assessed on an annual basis. It should be noted that this practice exists mainly in state higher education institutions that have budgetary subsidies for scientific research. The main purpose of this assessment is to stimulate the research activities of teachers by allocating budgetary funds to those departments that carry out the most active and highly professional research work. In this case, information on the work of a department, institute or faculty is submitted by their heads, and in addition to statistical data on the number of publications or projects, issued patents and other forms of scientific work, their level, especially international recognition, is taken into account.

The most complex and multilayered process is that of teacher ranking. Since in Poland, as in other European countries, one of the main principles is the autonomy of educational institutions and the state regulates only some areas of higher education functioning, the academic community of higher education institutions themselves regulates the procedure and criteria for the evaluation of teaching staff. According to the Higher Education Act 2018, a teacher, other than the rector, is subject to periodic assessment. The periodical evaluation may be positive or negative. The evaluation shall take place at least once every 4 years or at the request of the rector. The criteria of periodic assessment for particular groups of employees and types of positions, as well as the mode and organisation of periodic assessment shall be determined by the rector after consultation with the senate, trade unions, student government

and local postgraduate student government. The criteria shall be submitted to the academic staff member prior to the beginning of the period to be assessed. The HEI shall allow students and postgraduate students to be assessed by an academic staff member at least once in an academic year in relation to the performance of his or her teaching duties. In case of a negative assessment, the subsequent periodic assessment shall take place not earlier than 12 months after the end of the previous assessment⁷. A special commission consisting of the most competent teachers, representatives of the trade union and student government shall be established to conduct the assessment. When assessing a teacher, the following parameters are taken into account: the level of scientific activity; the level of didactic work; public activities and activities to maintain the image of the HEI. The main role in this assessment is played by the academic activity of a teacher – the number and rating of publications, management and participation in research projects, patent activity, editorial and review work, etc. This evaluation is based on the data of the academic library (a database of publications with a paragraphing according to their rating), the research department and the documents submitted by the faculty member himself/herself. The assessment of the publication ranking is conducted on the basis of the index in the ORCID database and taking into account the list of indexed publications approved by the Ministry of Education. Assessment of the level of teaching is carried out on the basis of submitted programmes of author's courses and the teacher's rating with students (based on an anonymous questionnaire). Evaluation of social activities is carried out on the basis of the information provided by the teacher on participation in self-governing bodies, public organisations and partnerships, as well as media appearances and other similar activities.

In our opinion, this system of teacher evaluation differs from the one practiced in Belarusian universities in the greater role of the academic community, as well as in the active participation of the teacher himself/herself in the presentation of his/her work results. In this case, the administration, including the Ministry of Education, performs only regulatory and coordinating functions, leaving the control and direct evaluation of the rating to the academic community itself, including students.

Conclusion

The presented domestic, Russian and European theoretical concepts allow us to talk about positive, constructive changes and innovations in higher education in the rating system based on the Belarusian and fo-

reign experience. This will allow us to maximally target and transform our own achievements in the field of the rating system in relation to the Lisbon strategy. Rating assessment is a tool that enhances the competitiveness

⁶PKA Misja [Electronic resource]. URL: <https://www.pka.edu.pl/o-pka/misja-pka/> (date of access: 14.11.2020).

⁷Ustawa z dnia 20 lipca 2018 r. // Prawo o szkolnictwie wyższym i nauce [Electronic resource]. URL: <https://www.arslege.pl/prawo-o-szkolnictwie-wyzszym-i-nauce/k1741/s12927/> (date of access: 14.11.2020).

of teachers. The experience of introducing a rating system in the Republic of Belarus, the Russian Federation and Europe shows that such a system allows tracking, optimizing the activities of the teaching staff and orienting it towards a creative approach to teaching. To increase the performance of the institution of higher

education, the administration seeks to control the work of its staff in order to improve the quality of education. The rating system acts as a management tool that helps to stimulate the teaching staff, to analyze their activities, based on the results of this assessment, the administration makes decisions about teachers.

Библиографические ссылки

1. Кучеров ДГ. Стратегическое управление человеческими ресурсами: зарождение и становление концепции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент*. 2014;1:98–116.
2. Fitz-Enz J. *Rentowność inwestycji w kapitał ludzki*. Kraków: Oficyna Ekonomiczna; 2001. 287 s.
3. Bartnicki M. Pomiar kapitału intelektualnego. *Ekonomika i Organizacja Przedsiębiorstwa*. 2000;11:12–15.
4. Szopik-Depczyńska K, Korzeniewicz W. Kapitał ludzki w modelu wartości przedsiębiorstwa. *Studia i prace Wydziału nauk ekonomicznych i zarządzania*. 2011;24:177–204.
5. Łukasiewicz G. Kapitał ludzki w organizacji opartej na wiedzy – wyzwania dla sprawozdawczości. *Zeszyty Naukowe*. 2005;3:189–203.
6. Caparrós-Ruiz A. Time to the doctorate and research career: some evidence from Spain. *Research in Higher Education*. 2019;60(1):111–133. DOI: 10.1007/s11162-018-9506-2.
7. Sánchez-Chaparro T, Gómez-Frías V, González-Benito Ó. Competitive implications of quality assurance processes in higher education. The case of higher education in engineering in France. *Ekonomika Istraživanja*. 2019;33(4):1–19. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1697329.
8. Курицын СК. Управление развитием персонала в педагогическом вузе. *Проблемы современного педагогического образования*. 2016;50(часть 1):123–130.
9. Кузнецова АА, Никишина ВВ. Эффективный контракт как технология управления результативностью профессионально-педагогической деятельности преподавателя вуза. *Инов: электронный научный журнал* [Интернет]. 2018 [протитировано 10 октября 2020 г.];4:1–11. Доступно по: <https://www.innov.ru/science/economy/stimulirovanie-cherez-motivatsiyu-p/>.
10. Трапицын СЮ. Система оценки качества деятельности профессорско-преподавательского состава университета. *Вестник Герценовского университета*. 2007;6:11–66.
11. Русанова АА. Трансформация университета в инновационных процессах института высшего образования. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2011;4:88–92.
12. Jelonek M, Skrzyńska J. Jakość kształcenia w szkolnictwie wyższym. W: Przybylski W, Rudnicki S, Szwed A, redaktorzy. *Ewaluacja jakości dydaktyki w szkolnictwie wyższym. Metody, narzędzia, dobre praktyki*. Kraków: Wyższa szkoła Europejska im. ks. Józefa Tischnera; 2010. s. 11–35.

References

1. Kucherov DG. Strategic human resource management: origin and formation of the concept. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8. Menedzhment*. 2014;1:98–116. Russian.
2. Fitz-Enz J. *Rentowność inwestycji w kapitał ludzki*. Kraków: Oficyna Ekonomiczna; 2001. 287 s.
3. Bartnicki M. Pomiar kapitału intelektualnego. *Ekonomika i Organizacja Przedsiębiorstwa*. 2000;11:12–15.
4. Szopik-Depczyńska K, Korzeniewicz W. Kapitał ludzki w modelu wartości przedsiębiorstwa. *Studia i prace Wydziału nauk ekonomicznych i zarządzania*. 2011;24:177–204.
5. Łukasiewicz G. Kapitał ludzki w organizacji opartej na wiedzy – wyzwania dla sprawozdawczości. *Zeszyty Naukowe*. 2005;3:189–203.
6. Caparrós-Ruiz A. Time to the doctorate and research career: some evidence from Spain. *Research in Higher Education*. 2019;60(1):111–133. DOI: 10.1007/s11162-018-9506-2.
7. Sánchez-Chaparro T, Gómez-Frías V, González-Benito Ó. Competitive implications of quality assurance processes in higher education. The case of higher education in engineering in France. *Ekonomika Istraživanja*. 2019;33(4):1–19. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1697329.
8. Kuritsyn SK. [Personnel development management in pedagogical university]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2016;50(part 1):123–130. Russian.
9. Kuznetsova AA, Nikishina VB. Stimulation through motivation of professional activity of teachers-function of management of educational institution. *Innov: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Internet]. 2018 [cited 2020 October 10];4:1–11. Russian.
10. Trapitsyn SYu. [System of quality assessment of university teaching staff activity]. *Vestnik Gertsenovskogo univeriteta*. 2007;6:11–66. Russian.
11. Rusanova AA. Transformation of university in innovative processes of institute of higher education. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. 2011;4:88–92. Russian.
12. Jelonek M, Skrzyńska J. Jakość kształcenia w szkolnictwie wyższym. W: Przybylski W, Rudnicki S, Szwed A, redaktorzy. *Ewaluacja jakości dydaktyki w szkolnictwie wyższym. Metody, narzędzia, dobre praktyki*. Kraków: Wyższa szkoła Europejska im. ks. Józefa Tischnera; 2010. s. 11–35.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 392.4

МОВА ЯК З'ЯВА: БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ДИГЛОССИИ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

О языке можно говорить с точки зрения языковеда, но язык – это еще и социокультурный феномен, и его развитие протекает в социальном и политическом контексте. Это, разумеется, относится к любому из языков, однако применительно к языку белорусскому данный факт обретает многие специфические аспекты. Прежде всего это касается ситуации билингвизма (причем билингвизма близкородственного), в рамках которого под влиянием социально-политических факторов языки обретают неэквивалентные статусы, в результате чего выстраивается их иерархия. Историческое развитие белорусского языка (в его контекстном соотношении с русским) демонстрирует серьезные деформации, которые ему пришлось пережить в ходе своей эволюции

Ключевые слова: белорусский язык; языковая вариативность; социальные роли языка; вертикальный билингвизм; диглоссия; статус языков; *H-язык (high language)*; *L-язык (low language)*; языковая иерархия; экзоглоссность.

Образец цитирования:

Можейко МА. Мова як з'ява: беларускі язык у кантэксте дыгласіі. *Журнал Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Соцыялогія*. 2020;4:79–92.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-79-92>

For citation:

Mojeiko MA. Language as a phenomenon: Belarusian language in the context of diglossia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:79–92. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-79-92>

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

LANGUAGE AS A PHENOMENON: BELARUSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF DIGLOSSIA

M. A. MOJEIKO^a

^a*Belarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus*

It is possible to talk about language from the point of view of a linguist, but language is also a sociocultural phenomenon, and its development takes place in a social and political context. This, of course, applies to any of the languages, however, in relation to the Belarusian language it acquires many specific aspects. First of all, this concerns the situation of bilingualism (and bilingualism as closely related), within which, under the influence of socio-political factors, languages acquire unequal status, as a result of which their hierarchy is built. The historical development of the Belarusian language (in its contextual relationship with Russian) demonstrates serious deformations that it had to endure in the course of its evolution.

Keywords: Belarusian language; linguistic variability; social roles of language; vertical bilingualism; diglossia; status of languages; H-language (high language); L-language (low language); language hierarchy; exoglossity.

...Сколько бы мы ни усердствовали на пути истребления в душах человеческих разных социальных учреждений, мы никак не можем вытравить из них языка. Язык остается, несмотря на все гонения и противодействия, язык остается при любой форме правления, при любом устройстве общественной и хозяйственной жизни.

И. А. Бодуэн де Куртене

В силу многоплановой дифференцированности языков перед говорящим субъектом в любой языковой коммуникации открывается возможность вариантов его использования, потому неизменно возникает ситуация выбора между литературным языком и просторечием, профессиональным или иными арг, любыми из диалектов и т. п.

В условиях двуязычия речевая вариативность обретает дополнительное измерение: билингв выбирает еще и между двумя национальными языками, в силу чего под воздействием внеязыковых факторов возможно формирование диглоссии¹. По определению Дж. Эдвардса, под диглоссией понимают особый тип билингвизма (причем поддержанный специальной языковой политикой), при котором оба языка образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношениях функциональной дополнительности, имея при этом не совпадающие сферы применения и разный социальный статус [1, р. 20–21]. Последнее принципиально важно: диглоссия формируется только при вертикальном и асимметричном варианте билингвизма, т. е.

в ситуации диглоссии сосуществование двух языков в рамках одного сообщества предполагает их использование в принципиально различных социальных ситуациях и коммуникативных средах. Так, К. Бакер отмечает, что «на практике языковое сообщество... чаще использует один язык в определенных ситуациях и для определенных функций, другой язык – в иных обстоятельствах и для иных функций. Например, языковое сообщество может использовать язык меньшинства для общения внутри семьи, при отправлении религиозного культа и в общественной деятельности этого меньшинства, а язык большинства – на работе, в образовании и в средствах массовой информации»² [2, р. 44].

В. М. Жирмунский усматривал различие между такими языками «в их социальной функции» [3, с. 16]. По оценке филологов, существуют «вполне объективные критерии общественной роли данного языка, его функционирования в различных сферах государственной, общественной, культурной жизни данного общества» и иногда «распределение

¹Не следует путать диглоссию с двуязычием: индивидуальный билингвизм – способность субъекта говорить на двух языках; билингвизм языковой ситуации в стране или регионе – наличие двух языков в речевой практике сообщества. Важно, однако, что факт наличия билингвизма необходим, но не достаточен для формирования диглоссии, т. е. далеко не всегда и не всякая двуязычная ситуация порождает диглоссию. Но это отдельная тема.

²Здесь и далее перевод наш. – М. М.

подобных функций между разными языками по меньшей мере неоднозначно» [4, с. 15].

В перспективе такая языковая ситуация может привести к аксиологически окрашенным деформациям, в силу которых языки обретают различный статус. Дж. Хетцлер говорит о *горизонтальном* и *вертикальном* членении языка [5, р. 308]. По формулировке У. Вайнрайха³, в рамках диглоссии обретение языком того или иного социального статуса – процесс, детерминированный большим количеством внеязыковых факторов, «на основании которых один из двух языков может определяться как “доминирующий”» [6, с. 136]. М. Н. Петерсон говорит в сходном контексте о *специальных языках*, которые возникают столь же естественно, как и территориальные диалекты, однако «различие заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты⁴, а один над другим» [7, с. 14]. Таким образом, для диглоссии характерно сугубо вертикальное соотношение языков – их, как это называет У. Хадсон, функциональная иерархия [8, р. 109].

Филологи подмечали это обстоятельство еще в начале XX в. Так, И. А. Бодуэн де Куртенэ в числе факторов языкового развития упоминает «сознательное вмешательство административных властей и других политических и общественных факторов, прибегающих к разным предохранительным и принудительным мерам» [9, с. 367]. Это влияние осуществляется через образование и церковь – «под влиянием школы и проповеди» [9, с. 369]. Кроме того, по мнению ученого, «нельзя... отрицать влияния... чужого официального или приказного языка, военной службы в армиях, состоящих из чужезычных элементов или с командой чужезычной» [10, с. 92].

Осуществляя историческую реконструкцию эволюции немецкого языка, В. М. Жирмунский отмечает, что язык, на котором немецкий крестьянин говорит дома (вариант «местного крестьянского говора»), не совпадает с тем языком, с которым он «знакомится в школе, который преподносится ему в печати, который он сам употребляет, – обычно в форме, более или менее окрашенной местным диалектом, – в общении с “высшими”, т. е. представителями господствующих классов, и вообще в тор-

жественных и официальных случаях жизни. С точки зрения такого крестьянина, язык господствующего класса представляет более “высокую” и более “правильную” форму национального языка»⁵ [3, с. 16].

На основе понятия диглоссии создатель Центра прикладной лингвистики (Вашингтон, округ Колумбия) Ч. А. Фергюсон⁶ предложил модель вариантов билингвизма [11, р. 325–340; 12, с. 122–127]. Она разработана на материале языков Азии (в частности, Индии [13, р. 22–59]), но обладает универсальным инструментарием.

Ч. А. Фергюсон фиксирует в ситуации диглоссии два возможных (но не совозможных, полностью взаимоисключающих друг друга) статуса того или иного языка: каждый из двух языков может обретать статус либо *H-языка* (*high language*), либо *L-языка* (*low language*). Разница в сферах применения: *H-язык* используется в так называемых высоких, небытовых сферах книжно-письменной культуры (в официальных документах, вербальных видах искусства, в религии, науке, системе образования), в то время как *L-язык* – в так называемых низких, бытовых сферах номинации и коммуникации, в *низких* жанрах художественной культуры и т. п. [11, р. 325–340; 12, с. 122–127; 13, р. 22–59].

Например, диглоссия характерна для большинства арабских стран: единый литературный язык арабов, восходящий к классическому арабскому языку VII в., имеет только письменную форму выражения. Это язык Корана, книжно-письменной культуры, науки, публицистики, официально-деловой документации, высшего и отчасти среднего образования. Однако им владеют только 25–30 % арабского населения. «В повседневном общении, в неофициальных программах радио и телевидения, в начальной школе используются многочисленные и далеко разошедшиеся диалекты арабского языка – алжирский, египетский, иракский, йеменский» [14, с. 108].

Феномен диглоссии может осложняться и дополнительными социокультурными факторами: например, в неарабских, но при этом исламских странах Африки «диглоссия культового арабского и местных африканских языков сочетается с многоязычием, которое образуется двумя-тремя местны-

³Выдающийся американский лингвист, один из основателей социолингвистики. Родился в Вильно, его дед по матери – известный еврейский врач и общественный деятель Цемах Шабад – выступил для К. И. Чуковского прототипом *добротного доктора Айболита* (см.: Чуковский К. И. Как я написал сказку «Доктор Айболит» [Электронный ресурс]. 2012 URL: <https://web.archive.org/web/20120514102906/http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/aibolit.htm> (дата обращения: 21.07.2020)).

⁴Социолекты также сосуществуют параллельно: даже если один из них более престижен, нежели другой, тем не менее доминирования не происходит: язык аристократов или политической элиты не становится (и не стремится становиться) языком, например, носителей сельской или молодежной культуры.

⁵В этом контексте В. М. Жирмунский делает одно любопытное (и воистину забавное) наблюдение, обращая внимание на то, как сугубо топографический смысл слова *Hoch* обретает аксиологическое значение: «Слово “Hochdeutsch”, сперва обозначавшее “верхненемецкий” в противоположность “нижненемецкому”, т. е. диалектам северно-немецкой низменности (“Niederdeutsch”), приобретает в этой связи оттенок более “высокой” речи, свойственной представителям “высших”, т. е. господствующих классов» [3, с. 16].

⁶См.: Our Founder: Charles Albert Ferguson, PhD // CAL: Center for Applied Linguistic [Electronic resource]. URL: <http://www.cal.org/who-we-are/our-founder> (date of access: 30.06.2020).

ми языками и европейским языком (французским или английским) – в качестве официального государственного языка и языка межэтнических контактов» [14, с. 108].

С другой стороны, диглоссия может оформляться даже в рамках фактически одного национального языка, когда разные его подсистемы имеют различный статус в культуре [15, с. 468–474]. Например, в допетровской России статус *H*-языка имел церковнославянский язык по сравнению с разговорным русским как *L*-языком⁷ [16, с. 271–309]. Причем дивергенция в подобных случаях может заходить чрезвычайно далеко – вплоть до необходимости перевода: так, в XVI в. был создан анонимный рукописный словарь для переводов «Лексисъ съ толкованіемъ словенскіхъ мовъ просто» [18; 19, с. 300–301].

Однако дифференциация языков, в разной степени высоких, может создавать и более сложные конфигурации, причем далеко не в каждом случае это приводит к диглоссии (например, *высокая, книжная и державная речь* в современной Норвегии⁸).

В любом случае каждый вариант языка имеет свою *сферу использования*, т. е. «область внеязыковой действительности, характеризующуюся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом» [23, с. 59]. И важным аспектом диглоссии является «сознательный выбор говорящего между разными коммуникативными средствами и использование такого средства, которое наилучшим образом способно обеспечить успех коммуникации в данной сфере общения» [24, с. 60].

При таком ракурсе рассмотрения на передний план выступает исследование корреляций между

языковой практикой и социальными характеристиками носителя языка (внеязыковой статус говорящего, набор и диапазон реализуемых им социальных ролей и т. п.). В этом контексте возникает вопрос о критериях применения говорящим того или иного языка (из возможного диапазона выбора) в каждой коммуникативной ситуации [25].

Разумеется, в соответствии с диглоссной дифференциацией языков в ситуации вертикального и асимметричного двуязычия усугубляются и дифференциация престижности владения тем или иным языком, его социальная окрашенность и оценка окружающими его практикования, и эта аксиологическая установка закрепляется в массовом сознании соответствующего общества.

И если феноменологически на передний план могут выходить культурные маркеры престижности *H*-языка (религия, искусство и др.⁹), то ноуменально за данными феноменологическими (культурными) маркерами всегда стоят детерминанты социально-политического характера. По мнению Э. Хаугена, именно и только «политические и социальные факторы» приводят «к господствующему положению одного языка по отношению к другому», и «социальное господство одних языков над другими» вызвано «политическими условиями, информацию о которых мы можем почерпнуть только у исследователей политической истории народов» [26, с. 64].

Применительно к дисбалансу использования *H*-языка и *L*-языка это значит, что формирование такой дихотомии нельзя объяснить ни интралингвистическими, ни интракультурными факторами: оно становится понятным лишь при учете политической ситуации. Язык, как известно, может быть эффективным инструментом власти, в том числе

⁷Формирование универсального русского как письменного языка и языка официального быта (посредством интеграции «языковых элементов, характерных для самых разных уровней жанрово-иерархической структуры русского средневековья») пришлось только на вторую половину XVIII в. [16, с. 297–298; 17, с. 149–158].

⁸С III в. в Норвегии применялось рунические письмо; с приходом христиан появились латинские вкрапления; после заключения союза с Данией в 1397 г. в Норвегии доминировал датский вариант скандинавского языка; затем союз с Данией сменился на союз со Швецией, – в итоге всех этих пертурбаций началась борьба за независимость, национальную идентичность и национальный язык. На этой волне в XIX в. норвежский филолог и борец за независимость Ивар Осен осуществил разработку письменного норвежского языка (объездив все регионы Норвегии и обобщив все диалекты, результатом чего стала фундаментальная книга «Национальный язык»), благодаря чему и сформировался этот национальный язык – *лансмол* (норв. *landsmål* – язык страны). В современной Норвегии языковая ситуация предполагает две официальные формы письменного стандарта норвежского языка: 1) санкционированный официально в 1929 г. *букмол* (норв. *bokmål* – книжная речь), основанный на более традиционном и консервативном стандарте – *риксмале* (норв. *riksmål* – державная речь); 2) *нюнорск* (норв. *nynorsk* – новый норвежский), в прошлом известный как *лансмол* (название сменилось в том же 1929 г.). *Букмол* и *нюнорск* представляют соответственно консервативную и радикальную версии письменного норвежского языка; *букмол* чаще используется в городских и пригородных местностях, а *нюнорск* – в сельской. Кроме того, широко применяется (хотя и не закреплён официально) *хёгнорск* (норв. *høgnorsk* – высокий норвежский) – более радикальный, чем *нюнорск*, но не достигающий традиционности *букмола*. Норвежцы могут получать образование на любом из двух официальных языков – диглоссии не возникает; тем не менее в настоящее время имеется тенденция к объединению названных языков в общенорвежский – *самнорск* (норв. *sammorsk* – всенорвежский) [20, с. 300–327; 21, с. 107–120; 22].

⁹На материале анализа немецкого языка В. М. Жирмунский делает тонкое наблюдение, наглядно демонстрирующее этот аспект диглоссии (хотя и работает в другой терминологии): он подмечает, что, имея в виду языковую норму, говорят о *литературном языке* (*Literatursprache*), *письменном* (*Schriftsprache*) и даже *сценическом языке* (*Bühnendeutsch*) «в расширенном значении национального языка» [3, с. 7].

и средством имплицитного воздействия на сознание¹⁰.

Что касается регионов с пестрым¹¹ этническим (соответственно, и языковым) составом населения, диглоссная ситуация обретает еще одно измерение: возникает, по оценке Ч. А. Фергюсона, феномен экзоглоссности: *Н*-язык, не будучи родным для большинства носителей *Л*-языков, обретает характер надэтнического языка [13; 34], и важным аспектом его доминирования выступает то обстоятельство, что он начинает использоваться универсально, при этом не являясь для большинства языком социализации¹² [35, с. 45]. Парадокс заключается в том, что носители *Н*-языка могут быть монолингвами, в то время как носители *Л*-языков нередко владеют несколькими языками. Классический пример – Британская империя *имперского столетия* (1815–1914): англоязычные сагибы (носители *Н*-языка), как правило, были монолингвами.

А. Р. Диболд считает экзоглоссность неизбежным следствием диглоссии и усматривает в ней опасность для стабильности культурной идентичности, а именно неизбежный «кризис социальной и личностной идентичности, порожденный антагонистическим культурным давлением, направленным на бикультурное сообщество со стороны социально доминирующего моноязычного общества, внутри которого бикультурное сообщество подвергается стигматизации» [36, р. 85].

Это порождает ситуации языковой сегрегации (например, Дж. Камминс анализирует ситуации, когда «использование некоторого языка, отличное от английского, обрекает людей на гражданство второго сорта в американском обществе» [37, р. 60]).

В истории белорусского языка также имели место ситуации диглоссности.

Так, после вхождения белорусских земель в состав Российской империи, согласно наказу Екатерины II от 1772 г., касающемуся присоединенных земель, все официальное делопроизводство переводилось на русский язык. Губернской канцелярии было предписано: «...дела вы имеете производить на Российском языке, то есть все издаваемые от вас, какого бы звания ни были, приговоры, решения или повеления, присовокупляя к тому переводы, где оные нужны будут»¹³. Население имело право использовать родной язык лишь «в тех случаях, коие не дотрагиваются нашей власти»¹⁴, – классическая схема диглоссии¹⁵.

В этом контексте белорусский язык обретает статус *Л*-языка, вытесняясь из официальных и *высоких* контекстов в сугубо бытовую сферу. Тем самым «у беларускай мовы не было ніякіх шанцаў хоць трохі наблізіцца да мовы дзяржаўнай, увайсці ў афіцыйны ўжытак», – фактически «змена польскага гаспадара рускім ніколі не мяняла сацыяльнага становішча роднай мовы беларусаў» [39, с. 54].

Не поменяло ситуации и вхождение белорусской республики в СССР: в современном «Словаре социолингвистических терминов» русификация определяется как «политика царской и советской России, направленная на языковую ассимиляцию иноязычного населения» [24, с. 189] – без усмотрения различий в этих вариантах языковой политики.

Действительно, в советский период в паре языков *русский* – *белорусский* наблюдалась ситуация достаточно острой диглоссии. Русский язык имел статус *Н*-языка и санкционированно использовался в официальных контекстах. Белорусский язык в этой ситуации занимал *Л*-статус – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, в рамках концепции единой исторической

¹⁰Разумеется, это не зависит от наличия/отсутствия ситуации билингвизма: язык как таковой идеологичен в самом широком смысле этого слова [27; 28]. И не только в том плане, что идеология пронизывает собой все культурное пространство [29–31], – язык идеологичен по самой своей глубинной природе. Как отмечает Дж. Марин-Аррес, в любом случае «говорящий/пишущий стремится контролировать ход самой реальности или влиять на него», и для этого у него есть множество языковых инструментов: «...оценочное позиционирование... деонтичность, направленность и выражение желательности, интенциональность, нормативность и т. п.» [32, р. 105]. Для убедительности речевого акта значение имеет даже порядок слов в предложении, а в результате частого использования того или иного слова в специфических контекстах могут происходить, как отмечает С. Лестрейд, его «десемантизация» и «эрозия смысла» [33, р. 92].

¹¹Конечно, пестрота имеет свои количественные параметры, и важно, что начинается она там, где больше одного этноса (и, соответственно, больше одного языка). Безусловно, чем языков больше, тем ситуация выразительнее, но для выделения вертикали достаточно и двух.

¹²В этом принципиальное отличие экзоглоссности *Н*-языка от наддиалоговых языков (ситуативно возникающих устных языков-посредников при цивилизационных контактах): взаимодействие языков при формировании последних протекает как горизонтальное, и наддиалоговый язык не конституируется как надэтнический, поскольку нет субъекта-носителя, чьи притязания это могло бы выражать, – феномен экзоглоссности не возникает (наддиалоговые языки вообще не могут рассматриваться в рамках дихотомии *Н*-языка и *Л*-языков). Сравним также с приведенным выше описанием ситуации с вариантами норвежского: при дифференциации сфер применения все они тем не менее выступают версиями одного и того же национального языка, так что ни один из вариантов не является надэтническим и ситуация не оформляется как экзоглоссная.

¹³Императрицы Екатерины II Наказ, по которому на первый случай поступать господам Генералам Майорам Каховскому и Кречетникову в отправлении должностей Губернатора в Губернии Псковской и Могилевской // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 19. 1770–1774. СПб, 1830. С. 510.

¹⁴Там же. С. 509.

¹⁵Ситуация усугублялась также и наличием латиницы: как было отмечено И. Ю. Лёсиком (Язэп Лёсік) еще на знаменитой языковой конференции 1926 г., «у тыя часы Масква баялася лаціншчыны і скрыва пазірала на Літву (Беларусь), адкуль падчас трапляла да Масквы гэтая “латынь” у форме розных кніжак “проклятой литовской печати”» [38, с. 117].

общности – *советского народа* – русский язык выступал с позиций надэтнического (как и в отношении других национальных языков народов СССР), что создавало ситуацию очевидной экзоглосности.

В советских изданиях, разумеется, трактовка была иной. Например, В. А. Виноградов, справедливо приводя в качестве примера диглосной языковой ситуации страны Магриба, не усматривает аналогичных процессов в советских республиках, где якобы «функционально сосуществуют национальный и русский языки» [40].

Более того, двуязычие как таковое рассматривалось в советском языкознании как временное явление, характерное лишь для переходного этапа от социализма к коммунизму. Например, в описании В. А. Аврорина: «...если иметь в виду всю историю человечества от самого ее начала до предвидимой нами вершины социального прогресса, есть все основания считать двуязычие лишь переходным моментом... в конечном счете неизбежно обреченным на окончательное устранение» [41, с. 136].

Однако если речь шла об усвоении русского языка как экзоглосного, то позиция резко менялась: «...если же иметь в виду нашу современность как определенную историческую эпоху, то придется признать, что социальная ценность двуязычия во все большей и большей степени, особенно в социалистических странах, возрастает» [41, с. 136].

Все это вписывалось еще и в теорию Н. Я. Марра, которую он сам называл новым *учением о языке* и согласно которой развитие языков имеет *классовую природу*. Высказанная в конце 1920-х гг., эта псевдонаучная теория пользовалась в Советском Союзе государственной поддержкой вплоть до 1950-х гг.; вред от теории Н. Я. Марра для лингвистики традиционно сравнивают с ущербом, нанесенным лысенковщиной в области биологии [42]. В рамках этой теории также педалировался тезис о грядущем *всемирном языке*, и в 1926 г. в возглавляемом Н. Я. Марром Яфетическом институте планировалось даже создание группы, которая бы «имела заданием “установление теоретических норм” будущего общечеловеческого языка, проблема которого... включена была с самого начала в план работы института» [43, с. 258].

Теория социалистического строительства откровенно сдвигала языковую ситуацию в союзных республиках в сторону экзоглосной диглоссии, а национальные языки – к статусу *L-языков*, ограниченных с точки зрения возможных сфер применения: «...в нашей стране сейчас все народы, как можно думать, ощущают несомненную пользу от двуязычия и не видят в нем никакой помехи для своего дальнейшего развития, для укрепления дружбы с другими народами. Перед ними не возникает задачи отказа от одного из языков. Проблема совсем в другом – в разумном распределении сфер употре-

бления между взаимодействующими языками. <...> По необходимости родной язык здесь ограничивается рамками семейного и производственно-бытового общения, а также устного художественного творчества, т. е. применением в сферах немногочисленных, хотя и занимающих большое место в повседневной жизни народа. Прочие среды и сферы, которых значительно больше, обслуживаются, как правило, вторым языком – языком межнационального общения». [41, с. 137]. Ни убавить, ни прибавить: можно использовать прямо как дефиницию экзоглосной диглосности.

Сложившаяся система доминирования русского как *H-языка* над другими национальными языками открыто объявлялась оптимальной: «...советский опыт культурно-языкового строительства убедительно показал отсутствие социально обусловленной потребности выравнивания уровня функционального развития всех без исключения языков народов СССР» [44, с. 17].

Более того, диглоссия не только объективно существовала, но и объявлялась благом, в контексте чего русский язык как экзоглосный наделялся некими мифическими функциями: «...русский язык в своем статусе средства межнационального общения не ограничивается ролью посредника между народами Советского Союза, но и является определенным фактором, стимулирующим творческий процесс и в области производства, и в области экономики, и в области культуры» [45, с. 4].

Подобных публикаций – монбланы, и позиция всех советских авторов одна. Согласно утверждениям некоторых авторов, «не Сталин, а именно Хрущев, всерьез веривший в “стирание различий”, включая языковые, на пути к коммунизму, был самым активным проводником политики русификации в советское время» [46, с. 213–214]. Но персонификация инициатора этой политики не так уж и принципиальна: три приведенных в качестве примера советских публикации датируются 1975, 1982 и (*sic!*) 1990 гг.

Филология даже не стала ареной классовой борьбы: все было четко определено, намертво утверждено и строго ограничено.

Фактически эти исторические деформации социального статуса белорусского языка и отмечает А. И. Мальдис, говоря об исторических трудностях его развития: «Забароненая ў афіцыйных сферах, пазбаўленая “высокіх жанраў”, літаратура, нібы тая рака, перагароджаная штучнай плацінай, знаходзіла абходныя шляхі, прасочвалася ў народны “грунт”, фалькларызавалася» [47, с. 336].

Принципиально важным критерием демаркации *H-* и *L-языков* выступает организация системы образования. Особенно резко это проявляется в условиях экзоглосности: *H-язык*, как надэтнический, тотально фундирует собой образовательную среду,

а национальные *L*-языки полиэтнического диглоссного общества остаются за пределами образовательных процедур.

Практическим следствием этого обстоятельства является тот факт, что, по формулировке В. М. Жирмунского, именно на надэтническом языке (в терминологии Ч. А. Фергюсона – *H*-языке) «ведется преподавание в школах разного типа, и ему обучают как “родному языку” даже там, где фактически родным языком детей является местный диалект» (в терминологии Ч. А. Фергюсона, – один из *L*-языков) [3, с. 7].

Так было и на белорусских землях в пору их бытности в составе Российской империи. Кастусь Калиновский в «Письмах з-пад шыбеніцы» писал об имперской языковой политике: «...там, гдзе жылі палякі, літоўцы і беларусы, заводзіць маскоўскія школы, а ў гэтых школах учаць па-маскоўску, гдзе ніколі не пачуеш і слова па-польску, па-літоўску да і па-беларуску, як народ таго хочэ»¹⁶.

Так было и в советской школе, где, как правило, уроки русского языка велись каждый день, уроки национального – лишь один или два раза в неделю: в той же мере, как уроки иностранного (если не реже, как, например, в специализированных школах, где ряд предметов преподавали по-английски).

Такая ситуация, естественно, не может не обретать эмоциональную размерность: еще в конце XIX в. О. Бекагель, описывая подобные ситуации, использовал очень точный термин *язык других* [48, р. 182].

И, разумеется, это негативно сказывается на объективном развитии *L*-языков: мало того, что спектр их применения сужается еще больше, вымываясь из сферы образования (тем самым нарушаются также естественные механизмы их трансляции от поколения к поколению), но и явление естественной взаимной интерференции языковых элементов обретает насильственный и травмирующий характер (оценивая влияние языковой политики Российской империи в отношении белорусского языка, А. Балицкий в 1925 г. писал: «...мова дзяцей калечылася» [49, с. 117]).

При этом общественные условия могут складываться таким образом, что, согласно утверждению У. Вайнрайха, «овладение определенным языком приобретает для индивида большое значение не только из-за необходимости иметь новое средство общения, но и потому, что этот язык является средством, способствующим продвижению в обществе» [6, с. 135]. Например, Г. К. Баркер, определяя социальные функции языков в контексте диглоссии [50; 51], описывает ситуацию в Таксоне (штат Аризона), в рамках которой выходцы из Латинской Америки для того, «чтобы улучшить свои отношения с *Anglos* (одноязычными лицами, говорящими на англий-

ском), могут даже отрицать, что знают испанский язык» [52]. В Швейцарии, по оценке У. Вайнрайха, «французский язык охотно изучался на территории местного диалекта как ценное средство в приобретении более высокого социального положения. Иногда условия для продвижения в обществе могут даже требовать явного игнорирования другого языка, который для данного лица может быть родным» [6, с. 135]. Аналогично использование национального языка в любой из советских республик не давало тех возможностей социальной самореализации, которые открывали русскоязычные коммуникации. Как отмечает А. А. Сомин, «послевоенная урбанизация, статус русского языка и возможности, которые предоставляло владение им, – все это повлияло на падение престижа белорусского языка и стремление перейти на русский» [53, с. 65].

Разумеется, это не может не отражаться на реальной речевой практике.

Именно поэтому Дж. Эдвардс определяет диглоссию как языковую ситуацию, которая, с одной стороны, изначально неравноправна, с другой – это неравноправие усугубляется в ходе исторической динамики, и один из языков (разумеется, это *H*-язык) обычно берет верх [1]. И, безусловно, как отмечает Э. Хауген, в любом прецеденте языкового доминирования исчезновение угрожает именно *языкам политически зависимых групп* [26].

Так что – с учетом таких перспектив – доминирование *H*-языка в условиях экзоглосности для *L*-языков далеко не безобидно.

И что касается в свете сказанного динамики экзоглосной ситуации, то в отношении ее выделяют два возможных вектора развития, причем оба не являются объективно-спонтанными (естественно-историческими): так, в целях предотвращения разрушения историко-культурной среды может культивироваться тенденция к архаизации, а в целях смены или преобразования культурной принадлежности – в сторону ксенизации [54, с. 57].

Особенно опасна надэтническая (экзоглосная) диглоссия при ее наложении на близкородственный билингвизм: в этом случае вероятность дивергенции (именно из-за близкородственности) минимальна, если не сводится к нулю: вымывание *L*-языка из практики становится грозной перспективой, избежать которой можно только сознательным целенаправленным усилием коллективного субъекта (носителей *L*-языка).

Как полагает Дж. Эдвардс, в условиях, когда в диглоссии задействованы близкородственные языковые элементы, она имеет тенденцию к постепенному исчезновению: *H*-язык вытесняет *L*-язык [1].

Ряд авторов утверждают, что в разворачивании экзоглосности накладываются друг на друга

¹⁶Каліноўскі К. Письмы з-пад шыбеніцы. Ліст першы // Беларуская палічка: беларуская электронная бібліятэка. URL: https://knihi.com/Kastus_Kalinouski/Pismy_z-pad_sybienicy.html (дата звароту: 23.07.2020).

различные факторы, в том числе и объективные: так, например, говоря о языковой ситуации в России начала XX в., В. М. Алпатов пишет о том, что бурное развитие рыночных отношений в большинстве случаев стихийно усиливали роль русского языка, все более оттесняя малые языки в бытовую сферу [46, с. 210–219]. Однако в описанной ситуации объективны лишь необходимость наддиалогового языка, обеспечивающего коммуникацию, и отсутствие у коммуникантов знания третьего, нейтрального по отношению к ним языка (т. е. почему бы этому взаимодействию не осуществляться, например, по-английски?) – при унаследованном всеми постсоветскими странами и на начало XX в. еще инструментальном¹⁷ знании русского языка¹⁸.

Использование наддиалогового языка или какого-либо языка в кросс-культурных коммуникациях – не результат злонамеренных действий темных сил, но процесс естественный и объективный: это только военные действия ведутся *языком пушек*, а дипломатия, торговля и сотрудничество требуют взаимопонимания (философия, кстати, еще в Средние века использовала в таком качестве латынь). Однако практикование языка международного общения отнюдь не всегда приводит (и не должно приводить!) к диглоссии и тем более экзоглоссности: подписание двустороннего коммюнике по-английски (точно так же как если швед и французенка где-нибудь в Греции или Грузии поговорят между собою по-итальянски) еще не значит деформации и изменения статуса национальных языков.

Что же касается диглоссных и экзоглоссных ситуаций, то они без социально-политического нажима – сами собой – не возникают. Это, безусловно, продукт языковой политики. И, разумеется, большое значение имеет бэкграунд: историческая традиция взаимодействия языков влияет на ситуацию сегодняшнего дня, это влияние может быть весьма острым и от него никак не отмахнуться: в предыдущем примере можно было бы написать про казаха и украинку, говорящих в Египте по-русски (и вроде бы что плохого: открылась возможность пообщаться), но как-то не напислось.

Если же говорить о сохранении языков, которые имели несчастье в диглоссной ситуации оказаться в *L*-статусе, то здесь объективные закономерности никак не спасут: чтобы вернуть языкам, загнанным в *L*-статус, эволюционные перспективы, преодолеть

последствия диглоссии и экзоглоссности, безусловно, нужны сознательные и целенаправленные усилия.

О необходимости таких усилий Л. В. Щерба писал еще в первой половине XX в.: изучение языка межнационального общения необходимо, но чтобы «он не был в ущерб» родному, «об этом следует позаботиться», а именно: «грамматики разных национальных языков в пределах Союза [СССР] должны прежде всего сбросить с себя иго русской грамматики. Грамматика и словарь каждого языка должны быть составлены совершенно независимо от других языков и вовсе не должны представлять из себя сколка с латинской, немецкой, русской грамматики или словаря. Каждый язык должно рассматривать как нечто вполне самодовлеющее» [62, с. 318].

Таким образом, сохранение языка в условиях диглоссии возможно лишь как результат конкретной и последовательной активности. Это касается любых исторических конфигураций и любых языков. Как показывает Э. Хауген на примере франкоязычного населения Канады, «только благодаря упорному сопротивлению в области культуры им удавалось противостоять этой тенденции», и «за объяснением такого сопротивления (или его отсутствия) мы можем обратиться к работам социологов» [26, с. 64].

Связывая проблему кодификации национальных языков с политическими событиями (Война за независимость США, Великая французская революция и др.), Э. Хауген отмечает, что в контексте социально-политических процессов «некоторые группы населения вдруг осознали, что их вынуждают говорить на каком-то новом языке и что они фактически являются гражданами второго сорта в своей собственной стране» [63, с. 454]. И. А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основе языка» [64, с. 145].

Соответственно, национальный язык, согласно мнению Дж. А. Фишмана, М. Х. Гертнера и др., играет важнейшую роль в национальном возрождении [65, р. 105–302].

В новоевропейской истории «политические кататизмы вели к возникновению новых наций или к возрождению старых, – и мы видим, как в одной

¹⁷Для поколения *X* – да, для миллениалов – поколения *pexit*, или поколения *Y*, – это уже далеко не везде так.

¹⁸Сегодня статус русского языка в каждой постсоветской стране моделируется по-разному. Например, в Республике Казахстан в качестве одной из задач общекультурного и профессионального образования выдвигается формирование многоязычного индивида, т. е. подготовка граждан, способных эффективно общаться на родном, государственном и межнациональном языках: *казахский храним, русский используем, английский учим* [55–57], – при планомерном разворачивании *казахизации* [58–61] – национальной политики, ориентированной на продвижение национальных руководящих кадров и культивирования языковой практики на национальном языке (своего рода аналог *коренизации* в республиках в первые годы советской власти). На сегодня в Республике Казахстан достигнуто «расширение и укрепление социально-коммуникативных функций государственного языка, сохранение общекультурных функций русского языка, развитие языков этнических групп» (см.: Государственная программа функционирования и развития языков на 2000–2010 гг. // Казахстан. правда. 2001. 17 февр. С. 1). Существуют и иные сценарии, не отводящие русскому языку такого статуса.

стране за другой утверждаются новые языки – результат кодификаторских усилий отдельных лиц, правительственных комиссий или академий» [63, с. 454]. По оценке экспертов, в начале бурного XX в. было создано около 50 новых литературных языков [66, с. 6].

Сложившиеся языки в период социальных катаклизмов тоже находятся в центре внимания. Вспомним, например, активное обсуждение языковых проблем в Беларуси в 1920-х гг., знаменитую академическую конференцию 1926 г., масштабные проекты языковых реформ [67], – пока верилось в *светлое будущее* и пока национальный подъем не был насильственно свернут извне.

Потому неудивительно, что процесс распада Советского Союза начался с актуализации языкового вопроса: как пишет В. М. Алпатов, «в конце 80-х годов почти во всех союзных и автономных образованиях СССР развернулось движение за расширение функций малых языков, против русификации. Во многих случаях оно становилось первым этапом борьбы за отделение от России и формирование национальных государств» [46, с. 210]. Соответственно, и в социокультурном пространстве Беларуси конца 1980-х – начала 1990-х гг. языковая проблема обрела ощутимо политизированный характер.

Именно в периоды острых социальных противостаний актуализируется тенденция языкового пуризма (фр. *purisme*, от лат. *purus* – чистый), т. е. стремления очистить литературный язык от иноязычных заимствований¹⁹ [68, р. 65–76; 24, с. 176] (собственно, от всех проявлений внелитературной речи: диалектизм, просторечий, элементов арго – тоже, но иноязычные заимствования воспринимаются наиболее остро и как связанные с диглоссией, и потому вычищаются особенно старательно и с идеологической подоплекой).

В этом контексте язык, как отмечает Э. Хауген, превращается в *национальный символ*, а кодификатор языка начинает восприниматься как *национальный герой* [63, с. 453].

Как не вспомнить в этом контексте сакральную фигуру ономата (др.-греч. ὀνοματοθέτης – творец

имен) в архаической мифологии (а затем – и в пифагореизме): тот, кто называет предметы внешнего мира [70, с. 88], – вариант культурного героя (героя-цивилизатора), подобного Прометею. Фактически это тот, кто не просто открывает мир человеку, но практически творит для людей мир, доступный пониманию и адаптации в нем, – данный процесс сопоставим с креационным (собственно, в Ригведе он таковым и является), поскольку сакральность ономата обуславливает в архаической картине мира онтологическую заданность имени самой сущностью предмета (прозревая сущность, он и дает единственно возможное для *этого* предмета имя).

Что касается национального самосознания, то для него это действительно именно так: как любое сознание объективируется в языке, так и любое национальное сознание нуждается в вербальном пространстве объективации. У. Вайнрайх так и рассматривал отношение народов к языку: как к «символу и орудью своего национального бытия» [71, с. 26]. Предисловие Ф. Богушевича к его сборнику «Дудка беларуская», которое традиционно считается манифестом белорусского национально-культурного возрождения, содержит трактовку языка как материализации души народа: «Пазнаюць людзей па гаворцы ці па адзежы, хто якую носіць; ото ж гаворка, язык і ёсць адзежа душы»²⁰.

И если личное имя выступало в архаических культурах как сакральный идентификатор и оберег, то столь же фундаментальную роль для нации как субъекта играет национальный язык.

В частности, о белорусском языке А. А. Лукашанец пишет: «Нягледзячы на складанасці свайго развіцця... сучасная беларуская мова... па-ранейшаму застаецца сімвалам нацыянальнай свядомасці» [72, с. 4] и «нягледзячы на складанасці моўнага жыцця, асаблівасці развіцця сістэмы мовы і ступені запатрабаванасці ў камунікатыўнай прасторы, яна заўсёды была бадай што асноўным фактарам падтрымання нацыянальнай культуры і нацыянальнай свядомасці народа» [73, с. 3].

На этой оптимистической ноте...

Библиографические ссылки

1. Edwards J. Foundations of Bilingualism. In: Bhatia TK, Ritchie WC, editors. *The handbook of bilingualism*. Malden: Blackwell; 2006. p. 7–31.
2. Baker C. *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 1993. 492 p.

¹⁹Л. И. Скворцов отмечает, что «это связано с тем, что «пуризм характерен для времени становления национальных литературных языков, он проявляется также в периоды важных общественных событий (подъем демократического движения, революции, войны и т. п.) и связанных с ними значительных сдвигов в языке (главным образом в лексике), когда язык быстро и наглядно изменяется, вбирая много заимствований, неологизмов, стилистически перестраиваясь и т. п.» [69]. Я бы все же сказала, что внимание к национальному языку на волне национального подъема и борьба за его чистоту все-таки превалируют в этом процессе над фактором интенсивности его развития.

²⁰Мацей Бурачок (Багушэвіч Ф.). Прадмова да зборніка «Дудка беларуская» // Беларуская літаратура XIX ст. : зб. тэкстаў / пад рэд. Я. Купалы. Мінск, 1940. С. 151.

3. Жирмунский ВМ. *Национальный язык и социальные диалекты*. Ленинград: Художественная литература; 1936. 304 с.
4. Ярцева ВН. Теория взаимодействия языков и работа У. Вайнрайха «Языковые контакты». В: Вайнрайх У. *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК имени И. А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. с. 5–17.
5. Hertzler JO. *A Sociology of language*. New York: Random House; 1965. 559 p.
6. Вайнрайх У. *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртэнэ; 2000. 264 с.
7. Петерсон МН. *Язык как социальное явление*. Ученые записки Института языка и литературы. 1927;1:3–21.
8. Hadson U. Diglossia. In: Spolsky B, editor. *Concise encyclopaedia of educational linguistics*. Oxford: Elsever Science Ltd.; 1999. p. 37–42.
9. Бодуэн де Куртэнэ ИА. О смешанном характере всех языков. В: Бодуэн де Куртэнэ ИА. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 1*. Москва: Издательство АН СССР; 1963. с. 362–372.
10. Бодуэн де Куртэнэ ИА. Язык и языки. В: Бодуэн де Куртэнэ ИА. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 2*. Москва: Издательство АН СССР; 1963. с. 67–95.
11. Ferguson ChA. Diglossia. *World*. 1959;15(2):325–340.
12. Фергюсон ЧА. Проблемы влияния языковой ситуации на обучение второму языку. В: Нерознак ВП, составитель; Гак ВГ, редактор. *Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 25. Контрастивная лингвистика: переводы*. Москва: Прогресс; 1989. с. 122–127.
13. Ferguson ChA. The phonemes of Bengali. *Language*. 1962;36:22–59.
14. Мечковская НБ. *Социальная лингвистика*. Москва: Аспект Пресс; 1996. 207 с.
15. Крысин ЛП. Владение разными подсистемами языка как явление диглоссии. В: Крысин ЛП. *Русское слово, свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. Москва: Языки славянской культуры; 2004. с. 468–474.
16. Шапир МИ. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники. *Russian Linguistics*. 1989;13: 271–309.
17. Исаченко АВ. К вопросу о периодизации истории русского языка. В: Маслов ЮС, редактор. *Вопросы теории и истории языка*. Сборник в честь профессора Б. А. Ларина. Ленинград: Издательство Ленинградского университета; 1963. с. 149–158.
18. Яскевіч АА, укладальнік. *Старабеларускія лексіконы («Лексісць з тлумачэннем слоў славянскіх моў проста», «Лексіс...» Л. Зізанія, «Синоніма славеноросская»)*. Мінск: Выдавецтва Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта; 1992. 174 с.
19. Яскевіч АА. «Лексіс з талкаваннем славянскіх моў проста». У: Сачанка БІ, Міхневіч АЯ, рэдактары. *Беларуская мова: энцыклапедыя*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя; 1994. с. 300–301.
20. Берков ВП. Норвежский язык. В: Ярцева В, Солнцев В, Толстой Н, редакторы. *Языки мира. Германские языки. Кельтские языки*. Москва: Academia; 2000. с. 300–327.
21. Стеблин-Каменский МИ. Образование норвежского национального языка. *Вопросы языкознания*. 1952;1:107–120.
22. Стеблин-Каменский МИ. *История скандинавских языков*. Москва: Издательство Академии Наук СССР; 1953. 340 с.
23. Беликов ВИ, Крысин ЛП, редакторы. *Социолингвистика*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2001. 315 с.
24. Михальченко ВЮ, редактор. *Словарь социолингвистических терминов*. Москва: Институт языкознания РАН; 2006. 312 с.
25. Петренко ВД, Петренко ДА. Билингвизм и вариативность языкового репертуара билингва. *Иностранные языки в высшей школе*. 2018;4:42–55.
26. Хауген Э. Языковой контакт. В: Розенцвейг ВЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 61–80.
27. Rodriguez I. Towards an understanding on the ideological effects of contact-induced phenomena in the Basque Country. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 132–133.
28. Шейгал ЕИ. *Семиотика политического дискурса*. Москва: Гнозис; 2004. 324 с.
29. Walsby H. *The domain of ideologies: a study of the origins development and structure of ideologies*. Portland: 127 House; 2020. 250 p.
30. Иванова МЕ. Язык идеологии и идеология языка: аспекты взаимодействия. *Manuscript*. 2020;13(1):133–140. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.27.
31. Walford G. *Beyond politics: an outline of systematic ideology*. London: Calabria Press; 1990. 190 p.
32. Marín-Arrese JI. Effective control in political discourse: a cross-linguistic study of text-related variation. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 105–106.
33. Lestrade S. Simulating the development of argument marking. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 92.
34. Ferguson CA. The ethiopian language area. In: Bender ML, Bowen JD, Cooper RL, Ferguson CA, editors. *Language in Ethiopia*. Oxford: Oxford University Press; 1976. p. 63–76.
35. Голикова ТА. *Введение в языкознание*. Москва: Directmedia; 2016. 369 с.
36. Diebold AR. The consequences of early bilingualism in cognitive development and personality formation. In: Titone R, editor. *On the bilingual person. Canadian society for Italian studies*. [S. l.]: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 65–92.
37. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–67.

38. [Лёсик Я]. Да рэформы беларускай азбукі [даклад у рамках секцыі]. У: Некрашэвіч С, Ігнатоўскі У, рэдактары. *Працы Акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі; 14–21 лістапада 1926 г.; Мінск, БССР*. Мінск: Інстытут беларускае культуры; 1927. с. 115–123.
39. Лыч ЛМ. Духоўны дзямент нацыі: мова як аб’ект дзяржаўнай палітыкі. *Беларуская думка*. 2014;8:52–58.
40. Виноградов ВА. Языковая ситуация [Интернет]. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990 [протитовано 2 июля 2020 г.]. Доступно по: <http://tapemark.narod.ru/les/616b.html>.
41. Аврорин ВА. *Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолингвистики*. Ленинград: Наука; 1975. с. 124–148.
42. Алпатов ВМ. *История одного мифа: Миф и мифизм*. Москва: Editorial URSS; 2011. 288 с.
43. Башинджаган ЛГ. Институт мышления и языка имени Н. Я. Марра. Вестник Академии наук СССР. 1937; 10–11:251–265.
44. Дешериев ЮД. Языковые проблемы многонационального советского общества. *Вопросы языкознания*. 1982;6:14–27.
45. Иванов ВВ, Михайловская НГ. Русский язык как средство межнационального общения: актуальные аспекты и проблемы. *Вопросы языкознания*. 1982;6:3–13.
46. Алпатов ВМ. Языковая ситуация в регионах современной России. Отечественные записки [Интернет]. 2005 [протитовано 2 июля 2020 г.];2:210–219. Доступно по: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii>.
47. Мальдзіс АІ. *На скрыжаванні славянскіх традыцый. Літаратура Беларусі пераходнага перыяду (другая палавіна XVII – XVIII ст.)*. Мінск: Навука і тэхніка; 1980. 352 с.
48. Behaghel O. *Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter; 1928. 588 S.
49. Баліцкі А. Беларусізацыя культурна-асветных устаноў. *Полымя*. 1925;4:117–148.
50. Barker GC. Social functions of language in a Mexican-American community. *Acta Americana*. 1947;5:185–202.
51. Barker GC. Growing up in a bilingual community. *The Kiva*. 1951;17:17–32.
52. Barker GC. Pachuco: an American-Spanish argot and its social functions in Tucson, Arizona [Internet]. *University of Arizona Social Science Bulletin*. 1950 [cited 2020 July 29];18(1). Available from: <https://repository.arizona.edu/handle/10150/632299>.
53. Сомин АА. Языковая рефлексия в современной Беларуси сквозь призму комментариев в интернет-СМИ. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2015;1:62–86.
54. Кобенко ЮВ. Экзоглоссная и эндоглоссная фазы языковой эволюции. *Вестник Вятского государственного университета. Филология и искусствоведение*. 2010;4(2):56–59.
55. Нурлигенова ЗН, Джумабаева КА, Серкжан БМ. Реализация культурного проекта «Триединства языка» в Республике Казахстан. В: Вострецов АИ, редактор. *Достижения современной науки: от теории к практике. Материалы научно-практической (заочной) конференции; 28 ноября 2019; Минск, Беларусь*. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки»; 2019. с. 53–58.
56. Суконбаева АЖ. Языковая ситуация как фактор функционирования языка для специальных целей. *Научный диалог*. 2016;5:97–108.
57. Жаркынбекова ШК. Языковые трансформации в новых геополитических условиях Казахстана (социолингвистический анализ). В: Вербицкая ЛА, Рогова КА, Попова ТИ, редакторы. *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ – Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы; 13–20 сентября 2015; Гранада, Испания. Том 2*. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ; 2015. с. 54–59.
58. О’Бикен Д. «Казахизация» и языковая политика в постсоветском Казахстане. В: Киселев КВ, редактор. *Политическая наука и государственная власть в Российской Федерации и новых независимых государствах*. Екатеринбург: Уральское отделение РАН; 2005. с. 68–84.
59. O’Beacháin D, Kevlihan R. State-building, identity and nationalism in Kazakhstan: some preliminary thoughts. *Working Papers in International Studies (Centre for International Studies of Dublin City University)*. 2011;1:1–18.
60. Matuszkiewicz R. The language issue in Kazakhstan – institutionalizing new ethnic relations after independence. *Economic and Environmental Studies*. 2010;10(2):211–227.
61. Cummings SN. *Power and change in Central Asia*. London: Routledge; 2002. 158 p. (Politics in Asia). DOI: 10.4324/9780203166918.
62. Щерба ЛВ. К вопросу о двуязычии. В: Щерба ЛВ. *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград: Наука; 1974. с. 313–318.
63. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование. В: Чемоданов НС, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 7. Социолингвистика*. Москва: Прогресс; 1975. с. 441–472.
64. Бодуэн де Куртэнэ АИ. Вспомогательный международный язык. В: Бодуэн де Куртэнэ АИ. *Избранные труды по общему языкознанию. Том 2*. Москва: Издательство АН СССР; 1963. с. 144–160.
65. Fishman JA, Gertner MH, editors. *The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity*. Berlin: Walter de Gruyter; 1985. 531 p. (Contributions to the Sociology of Language).
66. Исаев МИ. Е. А. Бокарев и интралингвистика. В: Исаев МИ, редактор. *Проблемы интерлингвистики типология и эволюция международных искусственных языков*. Москва: Наука; 1976. с. 5–11.
67. Некрашэвіч С, Ігнатоўскі У, рэдактары. *Працы Акадэмічнае канфэрэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі; 14–21 лістапада 1926 г.; Мінск, БССР*. Мінск: Інстытут беларускае культуры; 1927. 431 с.
68. Edwards J. *Multilingualism: understanding linguistic diversity*. London: Routledge; 2012. 134 p.
69. Скворцов ЛИ. Культура речи [Интернет]. В: Ярцева ВН, редактор. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия; 1990 [протитовано 16 июля 2020 г.]. Доступно по: <http://tapemark.narod.ru/les/247a.html>.

70. Иванов ВячВс. Древнеиндийский миф об установлении имен и его параллель в греческой традиции. В: Струве ВВ, Бонгард-Левин ГМ, редакторы. *Индия в древности*. Москва: Наука: 1964. с. 85–94.
71. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. В: Розенцвейг ВЮ, редактор. *Новое в лингвистике. Выпуск 6. Языковые контакты*. Москва: Прогресс; 1972. с. 25–61.
72. Лукашанец А. Беларуская мова ў пачатку XXI ст. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2009;1:4–10.
73. Лукашанец АА. Беларуская мова ў XXI ст.: асаблівасці развіцця і функцыянавання. У: *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Мова – Літаратура – Культура. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 28–29 кастрычніка 2010 г.; Мінск, Беларусь. Частка 1*. Мінск: РІВШ; 2011. с. 3–8.

References

1. Edwards J. Foundations of Bilingualism. In: Bhatia TK, Ritchie WC, editors. *The handbook of bilingualism*. Malden: Blackwell; 2006. p. 7–31.
2. Baker C. *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.; 1993. 492 p.
3. Zhirmunsky VM. *Natsional'nyi yazyk i sotsial'nye dialekty* [National language and social dialects]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1936. 304 p. Russian.
4. Yartseva VN. [The theory of language interaction and the work of U. Weinreich «Language contacts»]. In: Weinreich U. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts. Research status and problems]. Blagoveshchensk: BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene; 2000. p. 5–17. Russian.
5. Hertzler JO. *A Sociology of language*. New York: Random House; 1965. 559 p.
6. Weinreich U. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts. Research status and problems]. Blagoveshchensk: BGK imeni I. A. Boduena de Kurtene; 2000. 264 p. Russian.
7. Peterson MN. [Language as a social phenomenon]. *Uchenye zapiski Instituta yazyka i literatury*. 1927;1:3–21. Russian.
8. Hadson U. Diglossia. In: Spolsky B, editor. *Concise encyclopaedia of educational linguistics*. Oxford: Elsevier Science Ltd.; 1999. p. 37–42.
9. Baudouin de Courtenay JI. [The mixed nature of all languages]. In: Baudouin de Courtenay JI. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 1* [Selected works on general linguistics. Volume 1]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1963. p. 362–372. Russian.
10. Baudouin de Courtenay JI. [Language and languages]. In: Baudouin de Courtenay JI. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 2* [Selected works on general linguistics. Volume 2]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1963. p. 67–95. Russian.
11. Ferguson ChA. Diglossia. *World*. 1959;15(2):325–340.
12. Ferguson ChA. [Problems of the influence of the language situation on teaching a second language]. In: Neroznak VP, compiler; Gak VG, editor. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vypusk 25. Kontrastivnaya lingvistika: perevody* [New in foreign linguistics. Issue 25. Contrastive linguistics: translations]. Moscow: Progress; 1989. p. 122–127. Russian.
13. Ferguson ChA. The phonemes of Bengali. *Language*. 1962;36:22–59.
14. Mechkovskaya NB. *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Aspekt Press; 1996. 207 p. Russian.
15. Krysin LP. [Tenure of various subsystems of the language as a phenomenon of diglossia]. In: Krysin LP. *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe. Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, one's own and someone else's. Studies in modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2004. p. 468–474. Russian.
16. Shapir MI. [The theory of «Church-Slavonic – Russian diglossia» and its supporters]. *Russian Linguistics*. 1989;13(2): 271–309. Russian.
17. Isachenko AV. [On the question of the periodization of the history of the Russian language]. In: Maslov YuS, editor. *Voprosy teorii i istorii yazyka. Sbornik v chest' professora B. A. Larina* [Questions of the theory and history of language. A collection in honor of professor B. A. Larin]. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1963. 341 p. 149–158. Russian.
18. Yaskevich AA, compiler. *Starabelaruskija leksikony («Leksis s tolkovaniem slovenskikh mov prosto», «Leksis...» L. Zizaniya, «Sinonima slavenorosskaya»)* [Old Belarusian lexicons («Lexis with the interpretation of Slovenian languages simply», «Lexis...» by L. Zizany, «Synonyma of Slavonic»)]. Minsk: Belarusian State University Publishing House; 1992. 174 p. Belarusian.
19. Yaskevich AA. [Lexis with the interpretation of Slovenian languages simply]. In: Sachanka BI, Mikhnevich AY, editors. *Belaruskaja mova: jencyklapedyja* [Belarusian language: encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 1994. p. 300–301. Belarusian.
20. Berkov VP. [Norwegian language]. In: Yartseva V, Solntsev V, Tolstoi N, editors. *Yazyki mira. Germanskie yazyki. Kel'tskie yazyki* [Languages of the World: Germanic Languages. Celtic languages]. Moscow: Academia; 2000. p. 300–327. Russian.
21. Steblin-Kamensky MI. [The emergence of the Norwegian national language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1952;1:107–120.
22. Steblin-Kamensky MI. *Istoriya skandinavskikh yazykov* [History of the Scandinavian languages]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1953. 340 p. Russian.
23. Belikov VI, Krysin LP, editors. *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2001. 315 p. Russian.
24. Mikhachenko VYu, editor. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; 2006. 312 p. Russian.
25. Petrenko VD, Petrenko DA. Bilingualism and variability of the bilingual's repertoire language. *Inostrannyye yazyki v vysshei shkole*. 2018;4:42–55. Russian.
26. Haugen E. [Language contact]. In: Rosenzweig VYu, editor. *Novoe v lingvistie. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 61–80. Russian.

27. Rodriguez I. Towards an understanding on the ideological effects of contact-induced phenomena in the Basque Country. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 132–133.
28. Sheigal EI. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of the Political Discourse]. Moscow: Gnosis; 2004. 324 p. Russian.
29. Walsby H. *The domain of ideologies: a study of the origins development and structure of ideologies*. Portland: 127 House; 2020. 250 p.
30. Ivanova ME. Language of ideology and ideology of language: aspects of interaction. *Manuscript*. 2020;13(1):133–140. Russian. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.27.
31. Walford G. *Beyond politics: an outline of systematic ideology*. London: Calabria Press; 1990. 190 p.
32. Marín-Arrese JI. Effective control in political discourse: a cross-linguistic study of text-related variation. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 105–106.
33. Lestrade S. Simulating the development of argument marking. In: Kohlberger M, Kloekhorst A, editors. *48th Annual meeting of the Societas Linguistica Europaea; 2015 September 2–5; Leiden, Netherlands. Book of abstracts*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics; 2015. p. 92.
34. Ferguson CA. The ethiopian language area. In: Bender ML, Bowen JD, Cooper RL, Ferguson CA, editors. *Language in Ethiopia*. Oxford: Oxford University Press; 1976. p. 63–76.
35. Golikova TA. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Directmedia; 2016. 369 p. Russian.
36. Diebold AR. The consequences of early bilingualism in cognitive development and personality formation. In: Titone R, editor. *On the bilingual person. Canadian society for Italian studies*. [S. l.]: Biblioteca di Quaderni d'italianistica; 1989. p. 65–92.
37. Cummins J. Bilingual education: basic principles. In: Dewaele JM, Housen A, Wei L, editors. *Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore*. Clevedon: Multilingual Matters; 2003. p. 56–67.
38. [Liosik Ja]. [Towards the reform of the Belarusian alphabet (report within the discussion)]. In: Nekrashevich S, Ihnatouski V, editors. *Pracy Akademiichnae kanferjencyi pa rjeforme belaruskaga pravapisu i azbuki; 14–21 listapada 1926 g.; Minsk, BSSR* [Proceedings of the Academic Conference on the Reform of the Belarusian Spelling and Alphabet; 1926 November 14–21; Minsk, BSSR]. Minsk: Institute of Belarusian Culture; 1927. p. 115–123. Belarusian.
39. Lych LM. [The spiritual diamond of the nation: language as an object of state policy]. *Belaruskaja dumka*. 2014;8: 52–58. Belarusian.
40. Vinogradov VA. Language situation [Internet]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsyclopediya; 1990 [cited 2020 July 2]. Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/616b.html>. Russian.
41. Aurorin VA. *Problemy izucheniya funkcional'noi storony yazyka. K voprosu o predmete sotsiolingvistiki* [Problems of studying the functional side of language. On the subject of sociolinguistics]. Leningrad: Nauka; 1975. p. 124–148. Russian.
42. Alpatov VM. *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [The history of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: Editorial URSS; 2011. 288 p. Russian.
43. Bashinjaghyan LG. [Institute of Thinking and Language named after N.Ya. Marr]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1937; 10–11:251–265. Russian.
44. Desheriev YuD. Linguistic problems of the multinational Soviet society. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1982;6:14–27. Russian.
45. Ivanov VV, Mixajlovskaja NG. The Russian language as a means of communication among nations. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1982;6:3–13. Russian.
46. Alpatov VM. [The language situation in the regions of modern Russia]. *Otechestvennye zapiski* [Internet]. 2005 [cited 2020 July 2];2:210–219. Available from: <https://strana-oz.ru/2005/2/yazykovaya-situaciya-v-regionah-sovremennoy-rossii>. Russian.
47. Maldzis AI. *Na skryzhavanni slavjanskikh tradytsij. Litaratura Belarusi perahodnaga peryjadu (drugaja palavina XVII – XVIII st.)* [At the crossroads of Slavic traditions. Literature of Belarus in the transition period (second half of the 17th – 18th centuries)]. Minsk: Navuka i tehnika; 1980. 352 p. Belarusian.
48. Behaghel O. *Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter; 1928. 588 S.
49. Balitsky A. [Belarusianization of cultural and educational institutions]. *Polymja*. 1925;4:117–148. Belarusian.
50. Barker GC. Social functions of language in a Mexican-American community. *Acta Americana*. 1947;5:185–202.
51. Barker GC. Growing up in a bilingual community. *The Kiva*. 1951;17:17–32.
52. Barker GC. Pachuco: an American-Spanish argot and its social functions in Tucson, Arizona [Internet]. *University of Arizona Social Science Bulletin*. 1950 [cited 2020 July 29];18(1). Available from: <https://repository.arizona.edu/handle/10150/632299>.
53. Somin A. Attitudes to the belarusian language through the prism of comments in the online media. *RSUH/RGGU Bulletin: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies Series*. 2015;1:62–86. Russian.
54. Kobenko YuV. Exo- and endoglossic phases of linguistic evolution. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya i iskusstvovedenie*. 2010;4(2):56–59. Russian.
55. Nurligenova ZN, Dzhumabayeva KA, Serikzhan BM. [Implementation of the cultural project «Language Trinity» in the Republic of Kazakhstan]. In: Vostretsov AI, editor. *Dostizheniya sovremennoi nauki: ot teorii k praktike. Materialy nauchno-prakticheskoi (zaочноi) konferentsii; 28 noyabrya 2019; Minsk, Belarus'* [Achievements of modern science: from theory to practice. Materials of a scientific-practical conference; 2019 November 28; Minsk, Belarus]. Neftekamsk: Scientific Publishing Center «Mir nauki»; 2019. p. 53–58. Russian.
56. Suyunbaeva A. Zh. [Language situation as a factor of language functioning for special purposes]. *Nauchnyi dialog*. 2016;5:97–108. Russian.
57. Zharkynbekova ShK. [Language transformations in the new geopolitical conditions of Kazakhstan (sociolinguistic analysis)]. In: Verbitskaya LA, Rogova KA, Popova TI, editors. *Russkii yazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRYaL – Mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo yazyka i literatury; 13–20 sentyabrya 2015; Granada, Ispaniya. Tom 2* [Russian language and literature in the space of world culture: Proceedings of the XIII Congress of

- International Association of Teachers of Russian Language and Literature; 2015 September 13–20; Granada, Spain. Volume 2]. Saint Petersburg: International Association of Teachers of Russian Language and Literature; 2015. p. 54–59. Russian.
58. O'Beacháin D. [«Kazakhization» and language policy in post-Soviet Kazakhstan]. In: Kiselev KV, editor. *Politicheskaya nauka i gosudarstvennaya vlast' v Rossiiskoi Federatsii i novykh nezavisimyykh gosudarstvakh* [Political science and state power in the Russian Federation and Newly Independent States]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2005. p. 68–84. Russian.
59. O'Beacháin D, Kevlihan R. State-building, identity and nationalism in Kazakhstan: some preliminary thoughts. *Working Papers in International Studies (Centre for International Studies of Dublin City University)*. 2011;1:1–18.
60. Matuszkiewicz R. The language issue in Kazakhstan – institutionalizing new ethnic relations after independence. *Economic and Environmental Studies*. 2010;10(2):211–227.
61. Cummings SN. *Power and change in Central Asia*. London: Routledge; 2002. 158 p. (Politics in Asia). DOI: 10.4324/9780203166918.
62. Shcherba LV. [On the issue of bilingualism]. In: Shcherba LV. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka; 1974. p. 313–318. Russian.
63. Haugen E. [Linguistics and language planning]. In: Chemodanov NS, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 7. Sotsiolingvistika* [New in linguistics. Issue 7. Sociolinguistics]. Moscow: Progress; 1975. p. 441–472. Russian.
64. Baudouin de Courtenay JI. [Auxiliary international language]. In: Baudouin de Courtenay JI. *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. Tom 2* [Selected works on general linguistics. Volume 2]. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR; 1963. p. 144–160. Russian.
65. Fishman JA, Gertner MH, editors. *The rise and fall of the ethnic revival: perspectives on language and ethnicity*. Berlin: Walter de Gruyter; 1985. 531 p. (Contributions to the Sociology of Language).
66. Isaev MI. [E. A. Bokarev and intralinguistics]. In: Isaev MI, editor. *Problemy interlingvistiki tipologiya i evolyutsiya mezhdunarodnykh iskusstvennykh yazykov* [Problems of interlinguistics, typology and evolution of international artificial languages]. Moscow: Nauka; 1976. p. 5–11. Russian.
67. Nekrashevich S, Ihnatouski V, editors. *Pracy Akademiichnae kanferjencyi pa rjeforme belaruskaga pravapisu i azbuki; 14–21 listapada 1926 g.; Minsk, BSSR* [Proceedings of the Academic Conference on the Reform of the Belarusian Spelling and Alphabet; 1926 November 14–21; Minsk, BSSR]. Minsk: Institute of Belarusian Culture; 1927. 431 p. Belarusian.
68. Edwards J. *Multilingualism: understanding linguistic diversity*. London: Routledge; 2012. 134 p.
69. Skvortsov LI. A culture of speech [Internet]. In: Yartseva VN, editor. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya; 1990 [2020 cited July 16]. Available from: <http://tapemark.narod.ru/les/247a.html>. Russian.
70. Ivanov VV. [The ancient Indian myth of the establishment of names and its parallel in the Greek tradition]. In: Struve VV, Bongard-Levin GM, editors. *Indiya v drevnosti [India in Antiquity]*. Moscow: Nauka; 1964. p. 85–94. Russian.
71. Weinreich U. [Monolingualism and multilingualism]. In: Rosenzweig VYu, editor. *Novoe v lingvistike. Vypusk 6. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Issue 6. Language contacts]. Moscow: Progress; 1972. p. 25–61. Russian.
72. Lukashanets A. Belarusian language at the beginning of the XXI century. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Seryja 4. Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika*. 2009;1:4–10. Belarusian.
73. Lukashanets A. [Belarusian language in the 21st century: features of development and functioning]. In: Belarusian State University. *Mova – Litaratura – Kul'tura. Matjeryjaly VI Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 28–29 kastychnika 2010 g.; Minsk, Belarus'. Chastka 1* [Language – Literature – Culture. Proceedings of the 6th International Scientific Conference; 2010 October 28–29; Minsk, Belarus. Part 1]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2011. p. 3–8. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 21.08.2020.
Received by editorial board 21.08.2020.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 314.1:316.2

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРИГРАНИЧНЫХ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИХ ОБЛАСТЕЙ

А. Г. ЗЛОТНИКОВ¹⁾, Л. Л. РЫБАКОВСКИЙ²⁾

¹⁾Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации,
пр. Октября, 50, 246029, г. Гомель, Беларусь

²⁾Институт социально-политических исследований Российской академии наук,
ул. Фотиевой, 6, корп. 1, 119333, г. Москва, Россия

Рассматриваются процессы демографической динамики приграничных регионов России и Беларуси. Сравниваются тенденции в изменении численности населения приграничных белорусских (Витебской, Гомельской, Могилёвской) и российских (Брянской, Псковской, Смоленской) областей за периоды 1959–1989 и 1989–2019 гг. Сопоставлены уровни ожидаемой продолжительности жизни населения этих регионов. Охарактеризованы и проанализированы коэффициенты депопуляции и результативности миграционного движения населения. Выявлен более высокий уровень демографической динамики белорусских приграничных областей по сравнению с российскими. Вместе с тем показано, что в целом демографической динамике как белорусских, так и российских областей свойственны депопуляционные тенденции, характерные и для других регионов со славянским населением.

Ключевые слова: приграничные области России и Беларуси; демографическая динамика; интегральные демографические показатели; депопуляция; ожидаемая продолжительность жизни при рождении населения; результативность миграционного движения населения.

Образец цитирования:

Злотников АГ, Рыбаковский ЛЛ. Демографическая динамика приграничных белорусско-российских областей. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;4:93–103.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-93-103>

For citation:

Zlotnikov AG, Rybakovskii LL. Demographic dynamics of the Belarusian-Russian border regions. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;4:93–103. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-93-103>

Авторы:

Анатолий Геннадьевич Злотников – кандидат экономических наук, доцент; профессор кафедры права и экономических теорий факультета экономики и управления.

Леонид Леонидович Рыбаковский – доктор экономических наук, профессор; ведущий научный сотрудник.

Authors:

Anatoly G. Zlotnikov, PhD (economics), docent; professor at the department of law and economic theory, faculty of economics and management

zlot@tut.by

Leonid L. Rybakovskii, doctor of science (economics), full professor; leading researcher.

1281781@mail.ru

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках совместного проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (№ Г20Р-054) и Российского фонда фундаментальных исследований (№ 20-510-00004) «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве – Россия и Беларусь».

DEMOGRAPHIC DYNAMICS OF THE BELARUSIAN-RUSSIAN BORDER REGIONS

A. G. ZLOTNIKOV^a, L. L. RYBAKOVSKI^b

^aBelarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, 50 Kastyrychnika Avenue, Homiel 246029, Belarus

^bInstitute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences, 6 Fotievoi Street, 1 building, Moscow 119333, Russia

Corresponding author: A. G. Zlotnikov (zlot@tut.by)

The article deals with the demographic dynamics of the border regions of the Russia and Belarus. The article compares trends in population changes in the border Belarusian (Vitebsk, Gomel and Mogilev) and Russian (Bryansk, Pskov and Smolensk) regions over periods of 1959–1989 and 1989–2019. A comparison of the levels of life expectancy of the population at birth in these regions is given. The characteristics of the depopulation coefficient, as well as the effectiveness of the migration movement of the population are given. Their analysis revealed a higher level of demographic dynamics in the Belarusian border regions compared to the Russian regions. However, in general, the demographic dynamics of both Belarusian and Russian regions are characterised by depopulation trends that are typical of other regions with Slavic populations.

Keywords: border regions of Russia and Belarus; demographic dynamics; integrated demographic indicators; depopulation; life expectancy at birth; efficiency of migration movement of the population.

Acknowledgements. The publication was prepared under a collaborative project of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (No. G20R-054) and Russian Foundation for Basic Research (No. 20-510-00004) «Assessment and algorithm of using reserves of reproduction of the population and migration for the maintaining of the demographic growth in the Union State of Russia and Belarus».

Демографическое развитие характеризуется многогранными явлениями и процессами. Это прежде всего количественные изменения (рост или сокращение) в численности населения планеты, страны, региона. Изменения в численности населения отражают процессы естественного (рождаемость, смертность) и механического (миграция) движения населения, а также территориально-административные преобразования, включая приобретение новых территорий. Наряду с количественными изменениями важными индикаторами демографических процессов являются их качественные показатели: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, суммарный коэффициент рождаемости, результативность общего и естественного движения населения, этническая структура населения. Эти важнейшие процессы в жизни населения страны в своей совокупности отражают демографическую динамику. В зависимости от уровней ее анализа по одним явлениям и процессам статистика дает постоянную (ежемесячную, квартальную, годовую) информацию, по другим – периодическую (этнический состав по итогам переписей на-

селения) либо частичную (миграция, в том числе межрегиональная).

Республика Беларусь и Российская Федерация, как субъекты Союзного государства России и Беларуси, имеют общую границу, к которой с обеих сторон примыкают по три области: с белорусской стороны – Витебская, Гомельская и Могилёвская, с российской – Брянская, Смоленская и Псковская. В отношении протяженности общей границы имеются различные данные. Так, в одной из статей «Википедии» сообщается, что «граница существует формально и на практике ее можно легко пересечь без таможенных проверок. Протяженность границы составляет 1239 км, в том числе 857,7 км сухопутной, 262,3 км речной и 19 км озерной»¹. В другой статье уже приводится иная информация: в Беларуси «наибольшую протяженность имеет граница с Россией (1283 км)»². В школьных учебниках по географии Беларуси также содержатся противоречивые данные: в более раннем издании указано, что «на северо-востоке и востоке страны на 990 км протягивается граница с Россией»³; в новейшем учебнике отмечается, что «самый протяженный

¹Российско-белорусская граница // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 07.10.2020).

²Государственная граница Белоруссии // Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org/wiki (дата обращения: 07.10.2020).

³Брилевский М. Н., Смоляков Г. С. География Беларуси : учеб. пособие для 10 кл. Минск : Нар. асвета, 2012. 303 с.

участок государственной границы с Россией – 1283 км»⁴.

Несмотря на эти противоречия, неоспорим тот факт, что на северо-востоке и востоке у Беларуси наибольшая по протяженности граница. И судьбы шести граничащих областей в значительной степени не только схожи, но и переплетаются, хотя в чем-то и различаются.

Специфику демографического развития белорусских приграничных областей составляет то, что, во-первых, их областные центры являются наиболее крупными в Республике Беларусь городами, уступая по численности населения только столице. Кроме того, они больше, чем их российские соседи. Так, Гомель – второй по численности населения город Беларуси (536,9 тыс. человек), Могилёв – третий (383,3 тыс. человек), Витебск – четвертый (378,5 тыс. человек). Важной особенностью развития Витебской и Гомельской областей является то обстоятельство, что их областные центры находятся восточнее территории своей области и значительно ближе к государственной границе, чем областные центры российских областей. Такая асимметрия в условиях единого государства (СССР) оказывала большое влияние на различные виды миграции населения российских областей в соседние белорусские областные центры. При этом по численности населения центры приграничных российских областей меньше центров белорусских областей: Брянск – 402,7 тыс. человек, Смоленск – 325,5 тыс. человек, Псков – 210,3 тыс. человек.

В группу приграничных белорусских областей входит и один из наиболее крупных по численности населения регион – Гомельская область (1,3885 млн человек), – уступающий только Минской области, и самые малочисленные в Беларуси Могилёвская (1,0248 млн человек) и Витебская (1,1357 млн человек) области. В отличие от приграничных белорусских областей их российские соседи не являются крупнейшими в своих федеральных округах. Суммарно же по численности населения они значительно уступают приграничным белорусским областям. Наибольшая среди них Брянская область (1,1925 млн человек). Численность населения других приграничных российских областей составляет менее 1 млн человек: Смоленская область – 934,9 тыс. человек и Псковская – 626,1 тыс. человек. Причем если разница в численности населения самой крупной и малочисленной приграничных белорусских областей составляет 35,5 %, то в приграничных российских областях она значительно больше – почти 50 %.

Граничащие с Россией белорусские области самые урбанизированные в Беларуси, чего не скажешь о российских. По данным переписи населения Рес-

публики Беларусь 2019 г., соотношение городских и сельских жителей в Могилёвской области составило 79,3 и 20,7 % соответственно, Витебской – 77,2 и 22,8 %, Гомельской – 76,6 и 23,4 %. В приграничных российских регионах это соотношение составляет в Смоленской области 71,8 и 28,2 %, Брянской – 70,4 и 29,6 %, Псковской – 70,9 и 29,1 % соответственно, т. е. хотя и в них преобладает городское население, но доля сельского населения здесь более высокая, чем у их белорусских соседей.

Гомельская и Могилёвская области являются наиболее пострадавшими от аварии на Чернобыльской АЭС регионами Беларуси. Среди российских областей больше всего пострадала примыкающая к Беларуси Брянская область, что оказало наибольшее влияние на рост отрицательного сальдо миграции и, как результат, на более высокие темпы сокращения численности населения в ней.

Это означает, что приграничные белорусские и российские области в целом сопоставимы при анализе процессов и тенденций демографической динамики, что позволяет выявить как общие для регионов тенденции, так и особенности их демографического развития.

История развития приграничных белорусских и российских областей еще с древних времен переплетена. Особенностью их демографических процессов, в отличие от других регионов и Беларуси и России, является общность исторического развития, прежде всего отразившаяся на этнических процессах. Еще в исследованиях А. Ф. Риттиха (1875), Е. Ф. Карского (1903) и М. В. Довнар-Запольского (1919) были выявлены этнические границы расселения белорусов, выходящие далеко за рамки нынешних государственных границ. Севернее Беларуси они достигали Великих Лук, а восточнее – Ржева, Вязьмы и Брянска – и выходили значительно восточнее Смоленска⁵.

Недаром в конце 1918 г. в Смоленске было провозглашено создание Белорусской республики. В 1919 г. часть территорий Витебской и Могилёвской губерний (последняя тогда включала и нынешнюю Гомельскую область) входили в состав Советской России. До 1924–1926 гг. многие нынешние территории этих областей Беларуси входили в состав Смоленской и Брянской губерний РСФСР. В 1926 г. БССР в ходе территориального уточнения было возвращено 17 уездов Витебской, Могилёвской и Смоленской губерний, а также созданной Гомельской области. Показателен и тот неизвестный большинству факт, что на территории современной Беларуси в Добрушском районе Гомельской области России принадлежит не связанный с основной территорией страны (1,4 км от российской границы) анклав Медвежье-Саньково

⁴Брилевский М. Н., Климович А. В. География Беларуси : учеб. пособие для 9 кл. учреждений общ. ср. образования с рус. яз. обуч. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2019. 248 с.

⁵Национальный состав населения Республики Беларусь : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. 26 с.

площадью 4,5 км², административно подчиненный Злынковскому району Брянской области.

Существенно на демографическое развитие рассматриваемых регионов Беларуси, как и страны в целом, повлияла Великая Отечественная война, последствия которой определяют негативные процессы в нем. В ходе войны значительная часть населения либо погибла во время оккупации, длившейся 2,5–3 года, либо с приближением немецко-фашистских войск мигрировала (частично жители были эвакуированы вместе с предприятиями) в тыловые районы страны, прежде всего России. К моменту проведения первой послевоенной переписи численность населения в Гомельской, Могилёвской и Витебской областях суммарно сократилась по сравнению с переписью 1939 г. более чем на 810 тыс. человек, или на 17,5 %. В то же время численность населения БССР за период предвоенной и первой послевоенной переписей сократилась более чем на 850 тыс. человек. Жителей республики стало меньше, чем до войны, почти на 10 %, т. е. в уменьшении численности белорусского населения удельный вес восточных областей составил более 95 %.

Существенно иной на фоне демографических изменений в России в целом выглядит динамика населения граничащих с Беларусью российских областей. Численность населения Брянской, Смоленской и Псковской областей в 1959 г. оказалась меньше, чем в 1939 г., почти на 1,7 млн человек, или на треть (32 %), т. е. демографические потери этих областей оказались значительно большими, чем у их бело-

русских соседей. Но при этом население всей России к тому времени возросло до 117,5 млн человек, или более чем на 9,155 млн (8,4 %). Подобная страновая динамика объясняется не только тем, что вся Беларусь больше времени (с 22 июня 1941 по 26 июля 1944 г.) находилась под оккупацией, тогда как в России была оккупирована лишь часть территории и на меньшее время. Большие демографические потери западных российских областей объясняются более высокими размерами миграции их населения в послевоенное время в столичном направлении.

С точки зрения методологических аспектов интерес представляет сравнение тенденций в рассматриваемых регионах за равные тридцатилетние периоды: 1959–1989 и 1989–2019 гг. В граничащих с Беларусью российских областях демографическая динамика по всем составляющим параметрам оказалась хуже, чем в соответствующих белорусских областях.

Так, за 1959–1989 гг. (период после первой послевоенной переписи населения) в белорусских областях сложилась восходящая демографическая динамика, а в приграничных российских областях она по-прежнему оставалась нисходящей. Исключение составила лишь Смоленская область, где за эти 30 лет население увеличилось немного больше чем на 1 % (более 15 тыс. человек). Только в постсоветские три десятилетия (1989–2019) динамика численности населения в белорусских и российских приграничных областях стала выравниваться и, помимо Псковской области, везде оказалась схожей (табл. 1).

Таблица 1

Динамика населения приграничных областей Беларуси и России с 1939 по 2019 г., %

Table 1

Population dynamics of the border regions of Belarus and Russia from 1939 to 2019, %

Регион	Соотношение численности населения за годы			
	1959 к 1939	1989 к 1959	2019 к 1989	2019 к 1939
Витебская область	75,0	110,5	80,8	66,7
Гомельская область	89,1	122,2	83,3	90,8
Могилёвская область	83,6	108,8	80,1	73,4
<i>Беларусь в целом</i>	<i>90,4</i>	<i>126,0</i>	<i>92,7</i>	<i>105,6</i>
Брянская область	86,0	95,2	81,4	66,6
Псковская область	61,4	54,6	74,4	40,6
Смоленская область	57,6	101,3	81,4	47,5
<i>Россия в целом</i>	<i>108,4</i>	<i>125,4</i>	<i>98,0</i>	<i>133,2</i>

Примечание. Составлено на основе статистических данных⁶.

⁶ Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. 429 с. ; Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.09.2020) ; Число родившихся (без мертворожденных) за год // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 08.09.2020).

В Псковской области численность населения в 1959–1989 гг. уменьшилась почти вдвое, а в областях московского направления общая демографическая динамика оказалась иной. На демографическую динамику Псковской области существенно повлияли миграционные процессы, в ходе которых этот регион за эти 30 лет потерял свыше 262 тыс. человек. Прирост численности за счет естественного движения населения среди всех приграничных областей у нее оказался наименьший: всего 64,5 тыс. человек. Миграционная убыль в Брянской области хотя и была намного большей (596 тыс. человек), но величина естественного прироста в ней составила 533 тыс. человек. Примерно такая же ситуация сложилась в Смоленской области, где естественный прирост превысил 223 тыс. человек, а миграционная убыль составила 280 тыс. человек. Доля жителей Брянской области в численности населения России в 1989 г. составляла 1 %, тогда как ее удельный вес в естественном приросте превышал 1,2 %. В Смоленской области эти цифры составили 0,8 и 0,5 % соответственно, тогда как в Псковской – 0,6 и 0,14 %. Этим, собственно, и объясняется сокращение численности населения Брянской области в 1989 г. по отношению к уровню 1959 г. всего на 5 % и его рост в Смоленской области на 1 %, а в Псковской – падение более чем на 45 %. Причем все это произошло при увеличении численности населения России более чем на 25 %.

Если в граничащих с Беларусью российских областях на протяжении послевоенного периода ни одна из них не достигала численности населения, зафиксированной в 1939 г., то в Гомельской области этот показатель был превышен в 1970 г. Наибольшая численность населения в Гомельской области (1,6781 млн человек) в ее истории была зафиксирована в начале 1986 г. Наибольшие демографические потери Гомельщины, связанные с переселением жителей с территорий, наиболее пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, пришлось на 1990 г. (45,9 тыс. человек, или 2,75 %). Могилёвская область, которая также значительно пострадала в результате чернобыльской катастрофы, имела наименьшую среди белорусских областей численность населения. Самый высокий уровень этого показателя – 1,2798 млн человек зафиксирован в 1989 г. в последней советской переписи населения. В Могилёвской, как и в Гомельской области, наибольшие демографические потери – 15,2 тыс. человек, или 1,2 % населения, – также пришлось на 1990 г.

В истории белорусских приграничных областей наибольшее снижение численности населения пришлось на Витебскую область, где убыль составила 291,3 тыс. человек, или 20,4 % (по материалам национальной переписи населения 2019 г. общая численность равна 1,1357 млн человек). Самой малочисленной областью Республики Беларусь ос-

тается Могилёвская, где зафиксировано 1,0248 млн человек. Уменьшение численности населения по сравнению с наивысшим уровнем данного показателя здесь составил 255,8 тыс. человек, или 20,0 %. Гомельская область среди граничащих с Россией белорусских областей имеет наивысшую численность – 1,3885 млн человек. Но и здесь также зафиксировано ее уменьшение: по сравнению с наивысшей численностью убыль составила 282,1 тыс. человек, или 18,9 %.

Наибольшая численность населения Витебской области в ее послевоенной истории пришлось на 1993–1994 гг. и составила 1,4377 млн человек. Но в демографических процессах Беларуси в Витебской области в последнее пятилетие XX и первое пятилетие XXI в. сложилась самая негативная ситуация: ежегодно в 1995–2000 гг. численность ее населения сокращалась более чем на 10 тыс. человек, хотя территория региона не подвергалась радиоактивному загрязнению. В 2002–2004 гг. ежегодное сокращение численности населения достигало здесь 17 тыс. человек, в результате за эти годы она сократилась почти на 3 %. Такая демографическая динамика в Витебской области сближает ее со своим северным соседом – Псковской областью, с которой она имеет самую протяженную общую границу.

Наибольшие темпы сокращения численности населения среди белорусских приграничных областей приходится на Витебскую область, что обусловлено ее меньшим экономическим потенциалом среди белорусских регионов. Витебщина имеет наибольшее в Беларуси количество районов с высокой напряженностью на рынке труда. В демографическом аспекте эта область характеризуется, во-первых, наименьшими показателями рождаемости, во-вторых, самой высокой гендерной диспропорцией, что связано с преобладанием в регионе промышленных предприятий (преимущественно легкой промышленности), ориентированных на использование женского труда, и, в-третьих, высоким отрицательным миграционным сальдо. Последнее обусловлено наличием здесь самой протяженной по сравнению с другими рассматриваемыми областями границы (не только с Россией, но и с Литвой и Латвией).

Могилёвская область, как и Витебская, граничащая с двумя российскими – Смоленской и Брянской – областями, характеризуется активным миграционным движением. Особенно это связано с трудовой миграцией на российском рынке труда, которая в итоге влияет на рост отрицательного белорусского миграционного сальдо. Гомельская область, несмотря на самый значительный в Беларуси ущерб, нанесенный Чернобыльской катастрофой, хотя также характеризуется негативной демографической динамикой, вместе с тем имеет относительно лучшие на фоне приграничных белорусско-российских

областей демографические показатели. Эта относительность отражает только более высокое экономическое развитие Гомельщины: данная область по экономическому потенциалу уступает только Минску.

В 1990-х гг. и в первые десятилетия XXI в. демографическая динамика Российской Федерации в целом зависела главным образом от естественной убыли населения, величина которой в некоторые годы приближалась к 1 млн человек. Но в отдельные периоды значительная часть естественной убыли населения в России в целом компенсировалась постоянным миграционным приростом. Вследствие этого население страны в 2019 г. сократилось относительно уровня 1989 г. всего на 2 %, превышая при этом показатель 1939 г. на 33 %. В отличие от страны в целом демографическая динамика в граничащих с Беларусью российских областях осталась такой же, как в предыдущий период. Численность населения Брянской области в 2019 г. относительно довоенного 1939 г. составила всего 66,6 %, в Смоленской области уменьшилась в 2,1 раза, а в Псковской – почти в 2,5 раза. Это связано с тем, что миграционный прирост населения в приграничных областях стал намного меньше, чем его естественная убыль: в Брянской области – более чем в 10 раз, в Смоленской – почти в 5 раз, в Псковской – в 8 раз. По России

в целом миграционный прирост за этот период даже компенсировал на 63 % естественную убыль и превысил 8 млн человек.

Интегрально процессы демографического развития оцениваются на основе данных об ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ) – ведущего демографического индикатора, используемого ООН при сравнении уровней человеческого развития различных стран.

Сопоставление ОПЖ, дающее обобщенную характеристику итогов демографического развития России и Беларуси рубежа XX–XXI вв. (табл. 2), выявляет, что в Беларуси в целом по стране и в приграничных областях данный показатель выше, чем в России, как в исходном, так и в последующих периодах. Но характерно, что в результате развала единого демографического пространства как в целом в России и Беларуси, так и в приграничных белорусско-российских областях, более 20 лет ОПЖ была существенно ниже по сравнению с уровнем 1990 г. Это обусловлено высокой смертностью в 1991–2003 гг. В России и российских приграничных областях это снижение было более заметным и глубоким по сравнению с Беларусью и ее приграничными областями. Так, за период 1990–2000 гг. ОПЖ в целом по России снизилась на 4,11 года, в Беларуси – на 2,10 года.

Таблица 2

Динамика ОПЖ в приграничных белорусско-российских областях за 1990–2019 гг., лет

Table 2

Dynamics of life expectancy in the Belarusian-Russian border regions for 1990–2019, years

Регион	Год						
	1990	2000	2010	2015	2017	2018	2019
Брянская область	70,18	64,79	67,92	70,36	71,27	71,71	72,31
Псковская область	68,54	61,92	64,59	68,48	69,95	70,16	70,65
Смоленская область	69,56	63,50	66,59	69,74	71,14	71,16	71,89
Россия в целом	69,38	65,27	68,94	71,46	72,70	72,91	73,34
Витебская область	71,00	68,40	69,50	72,80	73,70	73,80	–
Гомельская область	71,80	68,50	69,70	73,10	73,90	73,90	–
Могилёвская область	71,20	68,20	69,60	73,30	73,60	73,30	–
Беларусь в целом	71,10	69,00	70,40	73,90	74,90	74,50	–

Примечание. Составлено на основе статистических данных⁷.

Если в 1990 г. ОПЖ во всех приграничных российских областях, особенно Брянской, превосходила среднероссийский уровень, то уже в 2000 г. этот показатель здесь заметно снизился. В Брянской об-

ласти, имевшей в 1990 г. наиболее высокий уровень ОПЖ среди приграничных российских областей, это снижение было наименьшим и составило 5,39 года. В Псковской области, имевшей самый невысокий

⁷ Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. 429 с. ; Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.09.2020) ; Число родившихся (без мертворожденных) за год // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 08.09.2020).

уровень ОПЖ, его снижение оказалось наибольшим – на 6,62 года. Причем если в 1990 г. в Псковской области отставание от среднероссийского уровня равнялось 0,84 года, то в 2000 г. оно увеличилось почти на 3,40 года.

В последнее десятилетие как целом по странам, так и в областях ОПЖ выросла. В приграничных российских регионах отставание по сравнению с показателем по России хотя и сократилось, но разница увеличилась, составив в последнее время примерно 1–3 года. Так, в 2019 г. в Брянской области ОПЖ была ниже средней по России на 1,03 года, в Смоленской – на 1,45, в Псковской – на 2,69 года. Таким образом, в результате более низких суммарных коэффициентов рождаемости и ОПЖ демографические процессы в граничащих с Беларусью областях с начала XXI в. были хуже, чем во многих других регионах России и, соответственно, негативно отличались от средних по стране.

Хотя на этом фоне в Беларуси в целом, а также в рассматриваемых белорусских областях ОПЖ превышает соответствующие российские показатели, но в областных разрезах тенденции несколько различаются. В Беларуси в целом снижение ОПЖ за период 1990–2000 гг. оказалось почти в 2 раза меньшим, чем России. Но если в 1990 г. эти показатели в приграничных белорусских областях были на уровне среднего по стране показателя, то к 2000 г. тоже стали ниже.

Другим интегральным показателем, характеризующим изменения и динамику составляющих демографических процессов как на межстрановом, так и на региональном уровне, является коэффициент результативности естественного движения и коэффициент результативности миграционного движения населения (КРМД), основы методологии расчета которых обоснованы Л. Л. Рыбаковским [1, с. 8–17] и применены при анализе состояния демографических процессов регионов России.

В ходе выполнения данного исследования использовалась методология, характеризующая состояние депопуляции на основе коэффициентов депопуляции. Этот коэффициент представляет собой отношение численности родившихся к числу умерших в расчете на тысячу населения или, соответственно, общих коэффициентов рождаемости и смертности. Величины коэффициентов депопуляции для приграничных белорусско-российских областей, а также для России и Беларуси в целом за 2000–2019 гг. представлены в табл. 3. Величины менее единицы в итоге отражают негативное состояние процессов естественного движения населения. Чем ниже величина этого показателя, тем острее состояние процесса депопуляции. Его динамика в приграничных областях Беларуси и России в указанный период характеризует своеобразные депопуляционные волны: до 2015–2016 гг. – ослабление, после 2016 г. – обострение депопуляции.

Таблица 3

**Сравнительная характеристика процесса депопуляции
приграничных областей Беларуси и России в 2000–2019 гг.**

Table 3

**Comparative characteristics of the process of depopulation
of the border regions Belarus and Russia in 2000–2019**

Регион	Год							
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Витебская область	0,563	0,509	0,605	0,762	0,760	0,646	0,596	0,550
Гомельская область	0,686	0,636	0,768	0,984	0,985	0,869	0,786	0,723
Могилёвская область	0,635	0,570	0,692	0,896	0,889	0,772	0,705	0,671
<i>Беларусь в целом</i>	<i>0,696</i>	<i>0,639</i>	<i>0,792</i>	<i>0,992</i>	<i>0,984</i>	<i>0,857</i>	<i>0,780</i>	<i>0,727</i>
Брянская область	0,429	0,455	0,629	0,731	0,690	0,621	0,608	0,570
Псковская область	0,322	0,358	0,495	0,604	0,620	0,546	0,541	0,504
Смоленская область	0,350	0,406	0,565	0,679	0,632	0,587	0,533	0,498
<i>Россия в целом</i>	<i>0,569</i>	<i>0,879</i>	<i>0,880</i>	<i>1,023</i>	<i>1,000</i>	<i>0,927</i>	<i>0,872</i>	<i>0,917</i>

Примечание. Составлено на основе статистических данных⁸.

⁸Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. 429 с. ; Регионы Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. Т. 1. : / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. 776 с. ; Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.09.2020). ; Число родившихся (без мертворожденных) за год // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 08.09.2020).

Этот волнообразный характер процесса депопуляции как в белорусских, так и российских приграничных областях сложился в конце XX в. С начала 1993 г. в течение почти 15 лет показатель депопуляции имел тенденцию к ухудшению, а затем, на рубеже 2015–2016 гг., стал улучшаться, приблизившись в Беларуси к единице, а в России уже в 2012–2015 гг. превысив единицу, т. е. стал положительным (см. табл. 3). В Беларуси в целом коэффициент депопуляции только в 2015 г. приблизился к единице (0,992). Однако при сравнении величины этого показателя у всех белорусских областей можно заметить, что в середине текущего десятилетия он был значительно выше, чем у соседних российских областей, а с 2017 г. депопуляция во всех областях стала резко обостряться.

Показательно в этом отношении сравнение депопуляции соседних областей России и Беларуси, имеющих наибольшую друг с другом общую границу. Коэффициент депопуляции Псковской области по сравнению с этим же показателем в Витебской области, свидетельствует об отставании российской области на 9,1 %. Аналогичное сравнение Брянской и Гомельской областей, имеющих относительно лучшие показатели, фиксирует, что и в этой паре регионов российская область более чем на четверть (26,8 %) отстает от белорусской. Сравнение областей,

имеющих средние показатели, свидетельствует о том, что коэффициент депопуляции Смоленской области на треть (34,7 %) ниже, чем у Могилёвской. В начале XXI в. депопуляция российских областей была существенно выше, чем белорусских, но спустя почти 20 лет темпы его роста в российских областях стали выше, чем у белорусских областей. Это объясняется результатом реального действия российского материнского капитала, который в Беларуси пока носит декларативный характер. Однако и в российских, и в белорусских областях депопуляционные процессы не способствуют перспективам роста демографической динамики.

Как уже отмечалось, вклад миграции в демографическую динамику в граничащих с Беларусью российских областях намного меньше, чем в целом по стране, хотя доля этих областей в миграционном обороте России выше, чем в численности населения (2,3 и 1,9 % соответственно). Ниже, чем по стране в целом, и результативность миграционного обмена. Так, КРМД в 2017, 2018 и 2019 гг. составляли в Брянской области 1065, 1095 и 1001, в Смоленской – 946, 1004 и 1010, в Псковской – 1019, 1064 и 946 соответственно, причем этот показатель в рассматриваемые годы по России в целом был равен 956, 975 и 940 (табл. 4).

Таблица 4

Значения КРМД населения в граничащих с Беларусью российских областях в 2017–2019 гг.

Table 4

Values coefficient of efficiency of migration movement of the population
in Russian regions bordering Belarus in 2017–2019

Регион	Международная миграция по годам			Миграция с Беларусью по годам		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Брянская область	514	723	360	491	322	217
Псковская область	792	1201	650	837	967	412
Смоленская область	634	717	837	345	394	992
Россия в целом	640	779	593	447	622	659

Примечание. Составлено на основе статистических данных⁹.

Показатели результативности в граничащих с Беларусью российских областях существенно не отличаются от средних по России, а в отдельные годы они даже были более высокими. Относительно высока доля этих трех областей в международной миграции России (она достигает 4,3 % в прибытии и 3,4 % в выбытии). Особенно заметно отличаются эти области от многих других регионов долей в миграционном обмене населения с Беларусью, что вполне закономерно. Доля Брянской, Смоленской и Псковской областей в общероссийской миграции

по выбытию в Республику Беларусь в 2017–2019 гг. составляла 25,1 %, а в прибытии из Беларуси – 30,3 % (напомним, их доля в численности населения России менее 2 %).

Столь значительное участие в миграционном обмене приграничных областей с Беларусью объясняет и национальный состав населения. В нем более высокий удельный вес принадлежит белорусам (см. табл. 5). Точно так же в составе населения граничащих с Россией белорусских областях доля русских выше, чем в стране в целом (см. табл. 6).

⁹Численность и миграция населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.09.2020) ; Число родившихся (без мертворожденных) за год // ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31606> (дата обращения: 08.09.2020).

Таблица 5

Изменение доли русских в этническом составе населения России, %

Table 5

Changes in the share of Russians in the population of Belarus, %

Регионы	Год					
	1959	1970	1979	1989	1999	2009
Витебская область	9,31	12,24	13,50	15,17	13,64	10,15
Гомельская область	6,57	8,96	10,62	12,62	10,95	7,71
Могилёвская область	7,68	9,82	11,12	12,97	10,88	7,85
<i>Беларусь в целом</i>	<i>8,19</i>	<i>10,42</i>	<i>11,9</i>	<i>13,22</i>	<i>11,37</i>	<i>8,26</i>

Примечание. Составлено на основе данных послевоенных переписей населения¹⁰.

Таблица 6

Изменение доли белорусов в этническом составе населения России, %

Table 6

Changes in the share of Belarusians in the population of Russia, %

Регионы	Год					
	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Брянская область	0,48	5,42	6,66	0,77	0,56	0,43
Псковская область	0,47	0,66	1,03	1,48	1,27	1,01
Смоленская область	0,83	1,06	1,52	1,94	1,55	1,22
<i>Россия в целом</i>	<i>0,71</i>	<i>0,74</i>	<i>0,76</i>	<i>0,82</i>	<i>0,56</i>	<i>0,38</i>

Примечание. Составлено на основе данных послевоенных переписей населения¹¹.

Общность социально-политического, экономического и духовного развития приграничных белорусских и российских областей отразили миграционные и этнические процессы. В приграничных белорусских областях вторым по численности этносом после титульной нации являются русские. В двух российских приграничных областях – Псковской и Смоленской – доля белорусов занимает третье место, уступая титульной нации и украинцам. В Брянской области белорусы являются четвертым по численности этносом после русских, украинцев и татар.

В этническом составе населения России и Беларуси, а также в их приграничных областях в течение 1959–1989 гг. шло непрерывное увеличение доли и, соответственно, численности в первом случае белорусов, во втором – русских. В целом по Беларуси доля русских за это время увеличилась в 1,6 раза, а в Могилёвской и Гомельской областях – в 1,7 и 1,9 раза соответственно. В те же годы доля белорусов в России возросла примерно в 1,2 раза. Столь низкий темп роста доли белорусов объясним «конкуренцией» со стороны народов других союзных ре-

спублик, пополнявших население РСФСР. В отличие от России в целом доля белорусов в этническом составе населения приграничных Брянской, Смоленской и Псковской областей возросла более чем в 1,6, 2,3 и 3,1 раза соответственно.

С начала 1990-х гг. динамика численности белорусов в России и русских в Беларуси стала нисходящей. В 2009 г. относительно уровня 1989 г. доля русских в этническом составе населения Беларуси сократилась на 62,4 %, в том числе в Витебской, Гомельской и Могилёвской областях на 66,9, 61,1 и 60,5 % соответственно. Численность русских за 1989–2019 гг. уменьшилась почти на 260 тыс. человек. В свою очередь, в этническом составе населения граничащих с Беларусью областей России доля белорусов, по данным российской переписи 2010 г., составила относительно уровня 1989 г. в Брянской области 55,8 %, Смоленской – 62,9 %, Псковской – 68,2 %. По России в целом эта доля снизилась на 46,3 %. Численность белорусов в приграничных российских областях уменьшилась за немногим более чем 20 лет с 46 до 24 тыс. человек, т. е. почти вдвое.

¹⁰ Национальный состав населения Республики Беларусь / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. 26 с.

¹¹ Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=7> (дата обращения 08.09.2020).

Каково было влияние миграционного обмена на изменение национального состава населения и, соответственно, сокращения доли русских в Беларуси и граничащих с Россией областях, а также белорусов в России и граничащих с Беларусью областях за последние 12–13 лет, точно сказать невозможно. Это связано с тем, что и в России, и в Беларуси

с 2008 г. больше не регистрируется национальность мигрантов. Но, судя по динамике прибывавших в Россию из Беларуси мигрантов и выбывавших обратно (как и из России в Беларусь) до 2007 г., существенного изменения численности белорусов в России и русских в Беларуси не произошло (табл. 7).

Таблица 7

Миграционный обмен между Россией и Беларусью в 1989–2007 гг., тыс. чел.

Table 7

Migration exchange between Russia and Belarus in 1989–2007, thousand people

Период, годы	Прибыло из Беларуси			Выбыло в Беларусь		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		белорусы	русские		белорусы	русские
1989–1990	64,6	31,0	27,0	55,1	21,5	27,4
1991–1995	39,0	12,7	21,9	41,4	18,4	18,5
1996–2000	15,4	5,1	8,4	18,4	7,3	9,1
2001–2005	6,2	1,4	3,3	7,7	2,0	4,1
2006–2007	5,8	1,4	2,5	5,8	1,1	3,2

Примечание. Составлено на основе статистических данных¹².

С начала 1990-х гг. в России произошло сокращение объемов миграции по прибытию и выбытию в Беларусь. В результате в 2006–2007 гг. среднегодовая величина прибытия всех мигрантов в Россию была ниже, чем в 1989–1990 гг., более чем в 11 раз, а выбытия – в 9,5 раза. Для русских эти величины составляли 10,8 и 8,6 соответственно, для белорусов – 22,1 и 19,5 соответственно. В целом в течение 1989–2007 гг. в Россию прибыло и выбыло обратно 160,8 тыс. 183,5 тыс. белорусов соответственно. Русских за те же 19 лет выбыло из России в Беларусь 62,3 тыс. человек, вернулось 63,1 тыс. КРМД белорусов в России за весь этот период равен 1141, русских в Беларуси – 987. Эти величины вполне соответствуют происходившему социально-политическому развитию государств, получивших самостоятельность.

Прекращение учета национальности мигрантов в России и в Беларуси затруднило прогнозирование дальнейшего развития межгосударственного миграционного обмена. Можно лишь предположить, что достигнутые в начале нового столетия масштабы миграционного обмена между Россией и Беларусью, являющихся союзным государством, вряд ли заметно изменятся. Более 300 тыс. русских, по данным белорусской переписи населения 2019 г., проживающих в приграничных Витебской (138,1 тыс. человек), Гомельской (108,7 тыс. человек) и Могилёвской (62,2 тыс. человек) областях Беларуси и те 25 тыс. белорусов, живущих в Брянской, Смолен-

ской и Псковской областях России, скорее всего, так и останутся гражданами своих стран. Стоит добавить, что доля русских, проживающих в приграничных белорусских областях, в их общей численности населения России и доля белорусов в российских приграничных областях в их общей численности населения Беларуси были одинаковыми в прошлом и остались таковыми в настоящее время. В 1989 г. обе доли колебались в пределах 0,5–0,6 %, а ныне они близки к величине в 0,3 %.

Сопоставление тенденций демографической динамики населения приграничных белорусских (Витебской, Гомельской, Могилёвской) и российских (Брянской, Псковской, Смоленской) областей за периоды 1959–1989 и 1989–2019 гг. выявляет общность исторического развития, схожесть демографических процессов и проблем славянских народов России и Беларуси. Анализ интегральных демографических показателей (показатели ОПЖ населения при рождении, коэффициента депопуляции, а также результативности миграционного движения населения) приграничных белорусских и российских областей свидетельствует о более высоком уровне демографической динамики белорусских приграничных областей по сравнению с российскими. Однако в целом демографическая динамика рассматриваемых областей, как и других регионов России преимущественно со славянским населением, характеризуется тенденциями

¹²Переписи населения Российской империи, СССР, 15 новых независимых государств [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=7> (дата обращения 08.09.2020).

вхождения Союзного государства России и Беларуси в новый этап депопуляции.

Проведенный анализ демографической динамики приграничных белорусско-российских областей показал, что необходимо кардинально изменять идеологию демографического развития славянских этносов, исходя из геополитических и экономических интересов Союзного государства России

и Беларуси. Следует выработать новые меры демографической и миграционной политики, чтобы использовать имеющиеся воспроизводственные резервы в деле противодействия нисходящей демографической динамики, уменьшения негативного воздействия депопуляции на стратегически очерченный для современных Беларуси и России вектор демографического развития.

Библиографические ссылки

1. Рыбаковский ЛЛ, Кожевникова НИ. Региональная дифференциация результативности демографических процессов. *Социально-трудовые исследования*. 2020;40(3):8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17.

References

1. Rybakovsky LL, Kozhevnikova NI. Regional differentiation of demographic processes. *Social and Labor Research*. 2020;40(3):8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17.

Статья поступила в редколлегию 10.11.2020.
Received by editorial board 10.11.2020.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ САМОВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ

И. В. ПИНЧУК¹⁾, А. П. ДЕРБИН²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются актуальные изменения в стратегиях поведения молодых граждан, проявляющиеся в социальной атомизации. Описывается специфика современного жизненного стиля с учетом развития научно-технического прогресса, цифровизации практически всех сфер жизнедеятельности. Актуализируется общественный запрос на личную эмоциональную удовлетворенность и самореализацию. Акцентируется внимание на внедрении дистанционных форм организации работы в сфере трудовых отношений. Выдвигается гипотеза о том, что ориентация на личностное развитие влияет на выбор стратегий выстраивания брачно-семейных отношений. Предполагается, что изменение моделей поведения на межличностном уровне позволяет по-иному взглянуть на механизмы формирования гражданского диалога и социальной солидарности. Ставится вопрос о необходимости формирования в современных реалиях адекватной стратегии коммуникации с гражданами, в том числе в рамках идеологической работы.

Ключевые слова: самореализация; цифровизация; социальная атомизация; виртуальное пространство; самовосприятие; гражданский диалог; краудсорсинг; социальная солидарность.

ACTUAL TENDENCIES OF CHANGES IN SELF-PERCEPTION OF YOUTH IN THE CONTEXT OF FORMING SOCIAL SOLIDARITY

I. V. PINCHUK^a, A. P. DERBIN^b

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bMinsk State Linguistic University, 21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

Corresponding author: I. V. Pinchuk (igor_pinchuk87@mail.ru)

The article discusses current changes in the strategies of behaviour of young citizens, manifested in social atomization. Together with the development of scientific and technological progress, the digitalization of almost all spheres of life, the specifics of modern life style are described. The actualization of the public request for personal emotional satisfaction, self-realization is fixed. In the field of labour relations, attention is focused on the introduction of distance forms of work organization. A hypothesis is being put forward that a guideline on personal development influences the choice of strategies for building marriage and family relations. In aggregate, it is assumed that changing patterns of behaviour at the interpersonal

Образец цитирования:

Пинчук ИВ, Дербин АП. Актуальные тенденции изменения самовосприятия молодежи в контексте формирования социальной солидарности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:104–111.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-104-111>

For citation:

Pinchuk IV, Derbin AP. Actual tendencies of changes in self-perception of youth in the context of forming social solidarity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:104–111. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-104-111>

Авторы:

Игорь Викторович Пинчук – кандидат социологических наук; заведующий кафедрой социальной коммуникации.

Алексей Павлович Дербин – кандидат юридических наук, доцент; проректор по учебной работе и интернационализации образования.

Authors:

Ihor V. Pinchuk, PhD (sociology); head of the department of social communication.

igor_pinchuk87@mail.ru

Alexey P. Derbin, PhD (law), docent; vice-rector for academic affairs and internationalization of education.

al_derbin@tut.by

<https://orcid.org/0000-0003-0544-0729>

level make it possible to take a different look at the mechanisms for the formation of civil dialogue and social solidarity. The question is raised about the need to build in modern realities an adequate strategy for communication with citizens, including as part of ideological work.

Keywords: self-realization; digitalization; social atomization; virtual space; self-perception; civil dialogue; crowdsourcing; social solidarity.

Смысл жизни – в самой жизни. Цель жизни – в том, чтобы получать от нее удовольствие. Жизненный ориентир – самореализация.

Михаил Лабковский

Введение

В качестве эпиграфа к настоящей статье выбрана цитата из бестселлера последних лет – книги психолога М. Лабковского «Хочу и буду. Принять себя, полюбить жизнь и стать счастливым». Следует подчеркнуть, что популярная психология становится все более востребованной у читательской аудитории. В данном случае упомянутое издание не является предметом изучения, а, скорее, отражает актуальные запросы читателей и ориентируется на тенденции в изменении самовосприятия граждан. Очевидно, что акцент в данной книге сделан на личностном развитии индивида и необходимости самореализации, повышении уровня удовлетворенности своей жизнью, стремлении быть счастливым. По сути, такие желания человека не должны вызывать сомнений. Вместе с тем нельзя не отметить, что книга М. Лабковского является актуальной, соответствует интересам современного общества. Какие же факторы обуславливают популярность и востребованность подобных идей у населения?

Динамизм общественных отношений, дальнейшее продвижение научно-технического прогресса, цифровизация практически всех сфер жизнедеятельности усилили индивидуализацию и атомизацию, непосредственным образом отразились на

психоэмоциональном состоянии современного социума. В частности, внимание фокусируется на личных ощущениях и переживаниях, рефлексии, обращении к своему внутреннему миру.

Вынужденные меры, связанные с предупреждением распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), могут стать дополнительным серьезным катализатором дальнейшего купирования межличностных связей в обществе. Усиление самоизоляции в период пандемии уже вносит коррективы в повседневные привычки граждан, меняет подходы к организации рабочего и учебного процессов, существенно сокращает альтернативы для проведения досуга (отказ от посещения традиционных кинотеатров и концертов, кафе, спортзалов и др.). Во многом это реализуется за счет развития электронных сервисов, с помощью которых можно перейти на дистанционный формат взаимодействия, не предполагающий прямого контакта с людьми.

Последствия данных трансформаций предстоит изучить в будущем, но уже сейчас важно понять, каким образом это повлияет на степень социальной солидарности между индивидами, какие форматы коммуникации и объединяющие смысловые конструкции смогут найти отклик у граждан исходя из их самовосприятия.

Результаты и их обсуждение

Феномен социальной солидарности относится к одному из основных вопросов социологической теории. Многие ученые (О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс, Ф. Теннис, Ф. Гиддингс, Т. Парсонс, П. А. Сорокин и др.) посвятили свои работы анализу различных аспектов социальной интеграции. Отдельно необходимо отметить Э. Дюркгейма, выделявшего механическую и органическую солидарность. Наработки французского мыслителя не потеряли актуальность и сегодня. Так, в частности, российский социолог, специалист в области истории и теории социологии, доктор социологических наук, про-

фессор А. Б. Гофман пишет: «В кратком изложении теория солидарности Дюркгейма в том виде, как она представлена в его классической работе “О разделении общественного труда”, выглядит следующим образом. Все общества с необходимостью предполагают определенную форму и определенную степень социальной (групповой) солидарности или, иными словами, связи между индивидами и между индивидами и обществом (группой). В архаических (“сегментарных”) обществах, которые носят однородный, недифференцированный характер, существует “механическая” солидарность, или

солидарность “по сходствам”. В этом типе солидарности (и одновременно – типе общества) индивидуальные сознания растворены в “коллективном”, или “общем” (*commune*), сознании, означающем “...совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества...”¹. Слово “механическая” в данном случае не означает, что солидарность производится искусственно. Данное обозначение используется “по аналогии со сцеплением, соединяющим между собой частицы мертвых тел, в противоположность тому, которое дает единство живым телам. <...> В обществах, где эта солидарность очень развита, индивид... не принадлежит себе; это буквально вещь, которою распоряжается общество”² [1, с. 116]. Также российский социолог отмечает, что «с недостатком механической солидарности связана недостаточная интеграция семейных, политических и религиозных групп в современных обществах. Из того же источника проистекает и кризис самих этих обществ (о чем Дюркгейм пишет, в частности, в предисловии ко второму изданию книги “О разделении общественного труда”, вышедшему в 1902 г.)» [1, с. 118].

В классическом социологическом понимании в более сложных обществах социальная солидарность формируется посредством взаимозависимости их составных частей (индивидов, социальных групп, категорий и др.). Обратным же процессом, который является антиподом социальной солидарности, выступает социальная атомизация.

Чаще всего разрывы связей происходят в переходные периоды исторического развития, во времена кризисов и катастроф, когда в обществе нарастает недоверие к государственной власти и увеличивается «стремление людей во всем рассчитывать только на собственные силы»³. В последние же годы эта тенденция развивается по несколько иным причинам.

К таковым можно отнести проникновение виртуального пространства свободы в мировоззрение современного человека, возможность быть на связи с широким кругом индивидов, не вступая с ними в непосредственный контакт, создавать, присоединяться и покидать различные группы сетевых сообществ.

Виртуальное общение и сетевая организация в целом позволяют относительно легко менять круг общения, переходить от одной группы интересов к другой. Подобные действия не способствуют выстраиванию крепких долгосрочных социальных связей и привязанностей.

Как отмечает российский ученый Г. В. Скорик, «для традиционного общества была характерна стратегия поиска идентичности “лицом к лицу”,

проявлявшаяся в реальных социальных взаимодействиях, принадлежности к различным социальным общностям и группам: сословиям, профессиональным сообществам и т. д.» [2, с. 54].

По мнению Г. В. Скорик, «технические и технологические инновации создают основу для реализации стратегии поиска идентичности через присоединение к сетевым (виртуальным) сообществам, которые приобретают свойства социальных групп. Интернет-сообщества, таким образом, являются одним из видов сообществ как совокупность “невидимых” человеческих связей, реализуемых через вполне осязаемую коммуникативную сеть» [2, с. 54–55]. В этом контексте ученый также делает отсылку на Э. Фромма, который в своей работе «Бегство от свободы» указывал на то, что индивидуализация человека в обществе имеет две тенденции. С одной стороны, люди осознают себя самостоятельными социальными субъектами, которые действуют независимо от традиционных социальных структур, таких как общины, группы, кланы и др. С другой стороны, происходит ослабление социальных связей, которые складывались веками и основывались в том числе на принципе взаимопомощи [2].

Возможной причиной роста данных изменений может выступать и современный уровень развития технологий, сервисов, позволяющий так же быстро и легко решать множество социально-бытовых вопросов (ранее для этого привлекались родственники, друзья или знакомые). В редких случаях появляются поводы просить о помощи, что-либо делать сообща. В определенной мере это снижает потребности в коммуникации, индивиды меньше зависят друг от друга и реже нуждаются в деятельной поддержке, взаимовыручке.

Часть молодежи осознает, что быстрое обновление техники, развитие сервисов аренды или совместного пользования имуществом (каршеринг, службы по сдаче в аренду велосипедов и др.), повышение социальной мобильности (в том числе и в целях эффективного поиска рынков труда), высокая стоимость недвижимости, тренд на обособленное проживание от родительской семьи снижают привлекательность приобретения недвижимости или другого дорогостоящего имущества (так же с привлечением ресурсов родственников, семьи). Человек живет, меньше ощущая привязанность к материальным объектам и не обременяя себя лишними вещами. В этом случае снижается вероятность образования связей в кругу друзей или внутри семьи, вызванных необходимостью приобретения, совместного использования или обслуживания такого имущества.

¹Цит. по: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991. С. 80.

²Там же. С. 127.

³Социальная атомизация // Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/termin/socialnaja-atomizacija.html> (дата обращения: 25.03.2020).

«Тот факт, что в постиндустриальном обществе человек может выжить самостоятельно, и не просто выжить, а оказать себе все необходимые услуги, – вещь совершенно новая», – отмечает российский политолог и публицист Е. М. Шульман [3].

В актуальных условиях, сопряженных с распространением коронавирусной инфекции, вынужденная тактика самостоятельного выживания угнетает не только родственные, дружеские и профессиональные (по месту работы) связи. Существенно меняется привычный образ жизни (сокращается посещение объектов массового скопления людей: кафе, театров, спортклубов и т. д.).

Появляются непривычные формы бытового поведения. На фоне изоляции сильно выросло число таких запросов, как, например, «виртуальный бар» и «собака напрокат» (используется в качестве пропуска для передвижения по городу)⁴.

Одновременно с этим формируются и новые формы проявления солидарности, которые не опираются на взаимодействие с традиционными институтами. К таковым можно отнести цифровую солидарность – «социальное явление, при котором большие массы людей прибегают к механизму социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, максимально используя возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага. Она проявляется в различных сферах организации сетевых действий, таких как цифровая экономика, цифровая демократия, новое производство знания, новая экспертиза, новый альтруизм, новый досуг и производство информационного контента, где люди воспринимают себя как сотрудников, а не как конкурентов, формируя целостное единство» [4, с. 127].

Д. С. Артамонов говорит и о том, что «классические формулировки солидарности (О. Конт, Э. Дюркгейм) имели аксиологическое, мифологическое или религиозное основание и носили идеологический характер. Новая солидарность имеет организационно-когнитивную природу, в которой у действия есть специфическая структура, связанная с построением сети. Одновременно она преследует рациональную цель, опираясь на новое знание о цифровой среде. Индивиды теперь сами строят горизонтальные социальные связи, которые раньше формировались стихийно в процессе социализации» [4, с. 128].

К примерам цифровой или сетевой солидарности можно отнести поиски пропавшего Максима Мархалюка в д. Новый двор Свислочского района в 2017 г. Тогда были задействованы не только волон-

теры поисково-спасательного отряда «Ангел», но и более 3 тыс. добровольцев со всей страны⁵: таким образом была организована наиболее массовая поисковая кампания. Безусловно, в распространении информации о помощи значительную роль сыграли интернет-ресурсы.

Весьма актуальным является и пример самоорганизации белорусов в контексте распространения коронавирусной инфекции. Было создано обширное волонтерское движение, начиная от организации питания медиков (подключились различные рестораны и кафе) и заканчивая созданием онлайн-платформ по сбору средств для обеспечения работы медицинских сотрудников в период пандемии. Все это выросло в самую масштабную кампанию солидарности и помощи #ByCovid19. Каждый день с утра до ночи 1500 волонтеров получали заявки от больниц, искали поставщиков, спонсоров и развозили средства индивидуальной защиты по всей стране. Так, волонтеры закупили 450 тыс. единиц этих средств на сумму 360 тыс. долл. США (деньги были собраны через краудфандинг)⁶.

Необходимо отметить, что происходят изменения и в сфере трудовых отношений, снижающие влияние коллективного начала. Прежде всего это распространение фриланса, удаленной и проектной (временной) форм организации деятельности. Становится нормой динамичная смена мест и сфер деловых интересов. В таких условиях человеку сложнее выработать устойчивые связи в профессиональной среде, трудовом коллективе.

Как отмечает профессор кафедры технологий, культуры и общества в Школе инженерии Тандона при Нью-Йоркском университете Б. С. Новек в своей книге «Умные граждане – умное государство», «поисковые ресурсы, такие как *LinkedIn*, помогают сегодня найти в интернете людей с широким набором знаний и навыков» [5, с. 98]. Соответственно, нет необходимости для непосредственного задействования социального капитала человека. Если говорить о локальном рынке труда, то *Работа.TUT.by* является наиболее заметным современным электронным порталом по поиску работы. На данном ресурсе по состоянию на 6 мая 2020 г. были размещены 2 189 695 резюме, 14 150 вакансий и представлены 79 749 компаний⁷.

В феврале 2020 г. Исследовательский центр *Работа.TUT.by* провел опрос среди 2515 соискателей и 151 работодателя, чтобы узнать, что сейчас является востребованным на рынке труда: фриланс с возможностями выбора проектов и собственным графиком или стабильная работа в офисе? Опрос

⁴ Не выходя из дома [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2020/life-in-isolation> (дата обращения: 11.05.2020).

⁵ Два года назад пропал Максим Мархалюк. Какой сейчас версии пропажи придерживается следствие? [Электронный ресурс]. URL: <https://gp.by/novosti/novosti-belarusi/news202293.html> (дата обращения: 11.06.2020).

⁶ «Мало спали и забывали поесть». Волонтеры #ByCovid19 о том, как изменилась Беларусь и они сами за время коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <https://imenamag.by/posts/bycovid19-story> (дата обращения: 07.07.2020).

⁷ Работа.TUT.by [Электронный ресурс]. URL: <https://jobs.tut.by/> (дата обращения: 06.05.2020).

показал, что 68,3 % специалистов заняты в офисе, однако более 70 % из них хотели бы работать удаленно или на фрилансе. Наличие в штате сотрудников, работающих удаленно, или фрилансеров подтвердили 67,7 % работодателей⁸.

Многие наниматели, оценив эффективность удаленной работы, будут с большей вероятностью ее практиковать и после завершения пандемии. В качестве подобного примера можно привести компанию *Twitter*, владеющую одноименной социальной сетью. В электронном письме от 12 мая 2020 г. сотрудникам поступила информация о том, что им позволят работать удаленно даже после окончания пандемии и отмены режима самоизоляции. Это касается работников, чье физическое присутствие в офисе необязательно; тем, кто отвечает за поддержку серверов, все же придется ходить на работу.

Представитель *Twitter* Дж. Кристи ранее отмечала, что структура работы компании, скорее всего, уже никогда не будет прежней, поскольку многие сотрудники и менеджеры, осознав преимущества удаленной работы, не захотят возвращаться в офисы⁹.

Логичным будет предположить, что и некоторые учащиеся учреждений высшего образования, посчитавшие для себя более удобным формат дистанционного или смешанного обучения, будут выступать за дальнейшее его использование и по завершении пандемии.

Обращаясь к вопросу непосредственного взаимодействия в малых группах, следует отметить тенденцию отхода от традиционного видения института семьи. Если раньше существовала потребность жить в паре и семья нужна была для выживания [3], то сегодня люди все чаще стремятся обрести в семье эмоциональную составляющую – счастье, которое в отношениях становится актуальной необходимостью. Иначе они заканчиваются¹⁰.

При этом нередко в связи со сформировавшимися личностными установками, психологическими проблемами современный человек с трудом может почувствовать себя жизнерадостно и понять, в чем конкретно для него заключается реальная модель счастливой жизни.

Наиболее распространенными становятся онлайн-знакомства, которые постепенно вытесняют прежние (знакомства по семейным связям, на работе или учебе), что приводит к расширению круга выбора. Виртуальное пространство предоставляет возможность найти себе партнера с учетом практически любых желаемых параметров. Как отмечает Е. М. Шульман, поиск партнера по сложным параметрам, вне прежних простых схем, налагает ответственность исключительно на индивида и одновременно не дает понимания, чего ожидать от таких отношений. В традиционном обществе наполнение социальных ролей, основополагающие ценности и, соответственно, ожидания от отношений были гораздо понятнее. Сейчас упований и требований стало много, а ответственность за выбор ложится исключительно на саму личность [3].

Таким образом, несмотря на появление новых, казалось бы, более удобных вариантов для выстраивания социального контакта, происходит и усложнение данного процесса. Вышеуказанные факторы в совокупности влияют на обособление личности, атомизацию, формирование культуры людей, живущих в одиночестве¹¹ [3]. Постепенно вырабатывается привычка ни к чему не привязываться надолго, которая транслируется на межличностные отношения. Человек становится одинок в своей свободе.

Изменения установок в брачно-семейных моделях поведения подтверждают и демографические показатели. Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, число родившихся в 2019 г. составило 87,6 тыс. человек¹². При этом если взять более широкий период, то видно планомерное снижение данного показателя (2015 г. – 119 тыс. человек; 2016 г. – 117,8 тыс.; 2017 г. – 102,6 тыс.; 2018 г. – 94 тыс. человек¹³). Одновременно с этим снижается количество заключаемых браков (с 82 тыс. человек в 2015 г. до 60,7 тыс. в 2018 г.¹⁴ и 62,7 тыс. человек в 2019 г.¹⁵) и растет число разводов (с 402 в 2015 г.¹⁶ до 549,4 в 2019 г., приходящихся на 1 тыс. браков¹⁷). Уместно отметить и увеличение среднего возраста вступления в брак. Если пять лет назад у мужчин он составлял 27,5 лет,

⁸Работодатели готовы к удаленным сотрудникам [Электронный ресурс]. URL: <https://jobs.tut.by/article/26190> (дата обращения: 06.05.2020).

⁹Kantowitz A. Twitter will allow employees to work at home forever. Two months into working from home, Twitter makes it permanent for some [Electronic resource]. URL: <https://www.buzzfeednews.com/article/alexkantowitz/twitter-will-allow-employees-to-work-at-home-forever> (date of access: 15.05.2020).

¹⁰Психологи: «У 85 % белорусов проблемы с эмоциональным интеллектом» [Электронный ресурс]. URL: <https://people.onliner.by/2019/08/01/emocionalnyj-intellekt> (дата обращения: 15.05.2020).

¹¹Хачатуров А., Половинко В. Страна напуганных атомов. Профессор «Шанинки» Григорий Юдин – о портрете современного россиянина [Электронный ресурс]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2018/12/18/78978-strana-raspavshayasya-na-atomu> (дата обращения: 10.02.2020).

¹²Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. С. 4.

¹³Беларусь в цифрах : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. С. 12.

¹⁴Там же. С. 14.

¹⁵Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. С. 44.

¹⁶Беларусь в цифрах : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. С. 14.

¹⁷Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. С. 44.

у женщин – 25,5¹⁸, то в 2019 г. данный возраст был равен 28,3 и 26,1 года соответственно¹⁹.

Если схожие показатели рождаемости в 1990-х гг. можно было объяснить неустойчивой социально-экономической ситуацией, то сегодня вряд ли существует такая зависимость. Следовательно, можно говорить о нематериальном характере изменений. В плоскости общественного мнения также фиксируются некоторые коррелирующие трансформации. Республиканский социологический опрос, реализованный Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь во втором квартале 2018 г., указывает на некоторые изменения в установках юношей и девушек в возрасте до 30 лет. Исследование проведено методом личного интервью по месту жительства респондентов (*face to face*), объем выборочной совокупности – 1490 респондентов в возрастном промежутке 18–29 лет. Статистическая погрешность не превышает 3 %. Так, в сравнении с 2017 г. для белорусской молодежи несколько менее значимыми стали жизненные установки на создание счастливой семьи (снижение на 5,5 %). Основными же показателями высокого социального статуса юноши и девушки считают наличие хорошо оплачиваемой работы, собственного жилья (отметили в среднем по 63 %) и семьи (52,5 %)²⁰.

Подобные тенденции отмечают и российские социологи Т. А. Рассадина и Е. И. Репина. Авторы обращают внимание на то, что «конструирование современных семейно-брачных отношений молодыми людьми в условиях расширения пространства индивидуального выбора происходит на основе личных интересов и целей, амбиций, потребностей в самореализации, значимости получения удовольствия и впечатлений. Очевидны рост прагматических ориентаций, усиление рациональности в процессе выбора партнера. Вместе с тем этот выбор имеет сложные, разноректорные, гибко-контекстуальные формы. Молодежь ориентируется не только на материальные потребности, на достижение прагматических, утилитарных целей, на “голый” расчет. Она ценит и выбирает эмоции, чувства, отношения как основания своей каждодневной жизни» [6, с. 116].

Это тесно связано с термином «самовосприятие» (*self-concept*), под которым подразумевается совокупность мнений, которые люди имеют о себе.

В последнее время социальные, клинические и когнитивные психологи (когнитивная психология) исследуют пути того, каким образом отношение к себе может влиять на поведение индивида, его эмоции и процесс мышления. Вера людей в собственные способности, в природу своего дарования рождает решимость и тем самым развивает таланты. Противоречие между тем, что индивид думает о себе, и тем, каким ему хотелось бы видеть себя или следовало бы быть, может вызвать беспокойство и даже депрессию²¹.

Таким образом, современный человек в целом высокого уровня образованности, в силу вышеперечисленных причин не желает довольствоваться в общественной жизни только ролями производителя и потребителя. Он чаще обращается к своему внутреннему миру, рефлексии, стремится познать себя, правильно интерпретировать свои чувства и эмоции. Актуальным становится желание не просто проживать день за днем, а делать это осознанно и быть счастливым.

С одной стороны, это обуславливает интерес относительно широкой аудитории к психологам, лайф-коучам, мероприятиям соответствующей направленности. С другой стороны, современный человек стремится путешествовать, заниматься видами деятельности, приносящими яркие эмоции. Сегодня по-настоящему ценными являются не только, а нередко и не столько объекты материального мира, сколько ощущения, переживания, впечатления. Смещение фокуса внимания на субъективный внутренний мир человека меняет приоритеты его позиционирования в социуме и виртуальном пространстве.

Нормой становится откровенно демонстрировать свои чувства, в том числе ранимость, грусть, переживать «на людях» в виртуальной среде не только успехи и радости, но и неприятности, трагедии. Личность перестает прятать свои эмоции, внутренние переживания, психологические состояния. Поводом для этого могут стать как смерть близкого человека, так и банальная, но вместе с тем трогательная, по мнению пользователя интернета, ситуация.

Как замечает в лекции «Что скрывается за новым языком эмоций и как выжить в мире оскорбленных чувств?» российский журналист Ю. Г. Сапрыкин²², в отличие от советской культуры, современный человек не должен прятать свои эмоции. Он постоянно одинок, испытывает давление внешнего

¹⁸ Беларусь в цифрах : стат. справ. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. С. 14.

¹⁹ Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2019 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2020. С. 44.

²⁰ Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов соц. исслед. / под ред. А. П. Дербиной. Минск : Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь, 2018. С. 170–171.

²¹ Самовосприятие // Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/termin/samovosprijatie.html> (дата обращения: 20.05.2020).

²² Сапрыкин Ю. Что скрывается за новым языком эмоций и как выжить в мире оскорбленных чувств? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oPRcv8JEvHE> (дата обращения: 01.04.2020).

мира, в психологическом плане ему постоянно что-то угрожает. Возрастает потребность обижаться. Острое переживание чувств, представленное на

видео в интернете, способно объединить даже тех людей, которых сложно сблизить в обычной (реальной) жизни.

Выводы

Обобщая вышеуказанные изменения в стиле жизни индивидов, их мотивирующих факторах, можно констатировать, что в своей совокупности они не только отражают трансформацию моделей поведения на межличностном уровне, но и позволяют по-иному взглянуть на механизмы формирования гражданского диалога, задействование в нем актуальных инструментов общения, соответствующих современным запросам.

Как отмечает доктор философских наук, профессор А. В. Зайцев, «институциональный диалог государства и гражданского общества следует понимать как предельно широкую гражданскую коммуникацию в ее конкретных институциональных проявлениях. Таких, к примеру, как общественные слушания, публичные дебаты, дискуссии, переговоры, социальное партнерство, общественный (гражданский) контроль за властью, общественные экспертизы социально значимых проектов, защита прав граждан и т. д.» [7, с. 316]. В данном случае задача научного и экспертного сообщества может заключаться в анализе и актуализации условий современного социального контракта, формировании новых смыслов и посылов в контексте построения эффективного взаимодействия государства и гражданина.

Неслучайно основа социальной солидарности изменяется от простых обществ к более сложным. Во-первых, она часто базируется на отношениях родства, прямом взаимодействии и общих ценностях, во-вторых, появляются иные источники: механическая и органическая солидарность²³.

Это актуализирует вопрос выстраивания в нынешних реалиях адекватной стратегии коммуникации с гражданами (особенно с новыми поколениями), использования тех или иных инструментов воздействия на общество (в том числе в рамках идеологической работы), а также формирования демографической политики государства.

При поиске стимулирующих факторов, которые в перспективе повлияют на вовлеченность людей в различные социальные процессы, следует ориентироваться на современные запросы граждан. По этой причине целесообразно задействовать дополнительные каналы и средства прямой связи с населением, которые будут соответствовать сегодняшнему формату восприятия и стилю коммуникации,

принимать во внимание тренд на индивидуализацию и атомизацию.

Традиционные формы влияния без учета новых стратегий поведения вряд ли смогут принести желаемый эффект в долгосрочной перспективе. Вероятно, нужны новые формы диалога с возможностью интерактивного участия (электронные опросные листы), нишевизация прорабатываемых стратегий и программ, формирование сообществ по конкретным направлениям, применение технологий так называемого краудсорсинга мнений при принятии управленческих решений (в том числе на основе анализа социальных сетей).

Так, ярким примером роста востребованности коммуникационных площадок является высокая популярность мессенджеров. В апреле 2020 г. в условиях распространения коронавирусной инфекции кроссплатформенный мессенджер *Telegram* достиг отметки в 400 млн активных пользователей. По информации, представленной компанией, это на 100 млн больше, чем год назад, а каждый день в *Telegram* регистрируется не менее 1,5 млн человек²⁴.

Сегодня растет востребованность таких онлайн-инструментов коллективного участия, как краудсорсинг. Как отмечает Б. С. Новек, «благодаря им организации могут систематически получать разнообразную помощь и привлекать к решению проблем все больше представителей общественности». <...> «Обширные базы данных людей, дополненные информацией из массивов данных, пользовательских профилей и сторонних отзывов, позволяют достаточно точно выявить знания и способности людей. Впервые появилась настоящая возможность привлекать людей в режиме реального времени к участию в государственном управлении исходя из их знаний, возможностей и желаний, не ограничивая их участие лишь актом голосования» [5, с. 3, 511]. Представленные в настоящей статье примеры самоорганизации граждан в Республике Беларусь являются наглядным подтверждением того, что данный формат востребован и находит отклик у населения. Причем, что немаловажно, в таких ситуациях не следует прибегать к серьезным организационным затратам, сопровождаемым трудоемкими бюрократическими процессами.

Эти и другие актуальные тенденции целесообразно учитывать при формировании в обществе

²³ Социальная солидарность // Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://voluntary.ru/termin/socialnaja-solidarnost.html> (дата обращения: 25.03.2020).

²⁴ 400 миллионов пользователей, 20 000 стикеров, улучшенные опросы и € 400 К для авторов образовательных тестов [Электронный ресурс]. URL: <https://telegram.org/blog/400-million/ru> (дата обращения: 01.05.2020).

объединяющего конструкта, который позволяет людям различных социальных групп (с присущими им взглядами, мировоззрением) находить общие ценности, конструктивно жить сообща, выстраивать диалог, направленный на согласие и созидание. Современный человек все чаще нуждается в прямых отсылках к своим индивидуальным стремлениям, более полной корреляции транслируемых в социуме установок с его внутренними убеждениями.

Таким образом, в качестве выводов к данной работе можно сформулировать ряд тезисов.

1. Актуальный характер общественных отношений, сопутствующие этому современные условия быта, ведение хозяйства и коммуникации существенно влияют на жизненные стратегии молодых граждан. Внимание переключается на самовосприятие, познание своего внутреннего мира, эмоций и переживаний. Акцент делается на расширении

кругозора, личностном развитии. В указанных условиях сокращается потребность в тесных личных контактах, купируются многие привычные социальные связи, что детерминирует общественную атомизацию.

2. Ситуация с распространением коронавирусной инфекции выступает, с одной стороны, дополнительным фактором, провоцирующим дальнейшее социальное дистанцирование, с другой – формирует основу для развития новой цифровой солидарности.

3. В складывающихся обстоятельствах для повышения социальной солидарности в обществе необходима проработка новых способов гражданского участия, предполагающих интеграцию современных коммуникационных площадок в процессы выработки решений, продвижение гражданских инициатив.

Библиографические ссылки

1. Гофман АБ. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. В: Покровский НЕ, Ефременко ДВ, редакторы. *Социологический ежегодник, 2012*. Москва: ИНИОН РАН; 2013. с. 97–167.
2. Скорик ГВ. Человек в информационном обществе: проблема идентификации (поиска идентичности). *Вестник Томского государственного университета*. 2007;302:53–55.
3. Шульман ЕМ. «Люди не любят рожать без перерыва». Россиян перестал интересовать секс. Но мы не выйдем [Интернет]. 2018 [протитировано 20 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://lenta.ru/articles/2018/07/04/newsexrevolution/>.
4. Артамонов ДС. Новая цифровая солидарность и «реабилитация» толпы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика*. 2019;19(2):124–129. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129.
5. Новек БС. Умные граждане – умное государство. *Экспертные технологии и будущее государственного управления*. Уварова М, Ро О, Клименко А, редакторы. Москва: Олимп-Бизнес; 2016. 512 с.
6. Рассадина ТА, Репина ЕИ. Современные тенденции конструирования семейно-брачных отношений: взгляд молодежи. *Социально-гуманитарные знания*. 2019;5:109–116.
7. Зайцев АВ. Диалог в институциональной среде взаимодействия государства и гражданского общества. *Вестник Костромского государственного университета*. 2011;3:313–318.

References

1. Gofman AB. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration. In: Pokrovsky NE, Efremenko DV, editors. *Sotsiologicheskii ezhegodnik* [Sociological yearbook], 2012. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2013. p. 97–167. Russian.
2. Skorik GV. Man in the information society: the problem of identity. *Tomsk State University Journal*. 2007;302:53–55. Russian.
3. Shulman EM. «People do not like to give birth without a break». Russians are no longer interested in sex. But we will not die out [Internet]. 2018 [cited 2020 May 20]. Available from: <https://lenta.ru/articles/2018/07/04/newsexrevolution/>. Russian.
4. Artamonov DS. New digital solidarity and «rehabilitation» of the crowd. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2019;19(2):124–129. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-2-124-129. Russian.
5. Novek BS. *Umnye grazhdane – umnoe gosudarstvo. Ekspertnye tekhnologii i budushchee gosudarstvennogo upravleniya* [Smart citizens – smarter state. The technologies of expertise and the future of governing]. Uvarova M, Ro O, Klimenko A, editors. Moscow: Olymp-Business; 2016. 512 p. Russian.
6. Rassadina TA, Repina EI. Current trends of designing the family and marriage relations: youth look. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2019;5:109–116. Russian.
7. Zaytsev AV. Dialogue in the institutional environment of interaction between state and civil society. *Vestnik of Kostroma State University*. 2011;3:313–318. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2020.
Received by editorial board 16.06.2020.

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

В. С. ЛАПУЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены основные проблемы, с которыми за последние пять лет столкнулось белорусское высшее образование (в рамках интернационализации). Проведен анализ интеграции Беларуси в международное образовательное пространство. Данный период ознаменован новыми вызовами: процесс вхождения в Европейское пространство высшего образования осложнился рядом требований, выполнить которые достаточно трудно; в Евразийском экономическом союзе образование не входит в число приоритетных направлений. Потоки въездной мобильности сократились из-за внешних факторов. Сложившаяся ситуация требует комплексного подхода, включающего в себя стратегические и тактические изменения в образовательной сфере. Предложены пути решения новых проблем высшего образования.

Ключевые слова: образовательная интеграция; интернационализация высшего образования; Болонский процесс; академическая мобильность.

INTEGRATIVE PROCESSES IN EDUCATION: NEW CHALLENGES FOR BELARUS

V. S. LAPUTSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the main problems faced by Belarusian higher education in the framework of internationalisation over the past five years, analyses the integration of Belarus into the international educational space. This period was marked by new challenges – the process of entering the European Higher Education Area was complicated by the difficult fulfilment of a number of requirements, and in the Eurasian Economic Union education is not among the priority areas. Inbound mobility flows have declined due to external factors. The current situation requires a comprehensive solution that includes strategic and tactical changes in the educational sphere. The article proposes ways of solving new problems of higher education.

Keywords: educational integration; internationalisation of higher education; Bologna process; academic mobility.

Введение

Тема интеграции белорусского образования в международное образовательное пространство становится все более актуальной. Участие в международных образовательных программах, интерна-

ционализация входят в число основных критериев рейтингов университетов и системы высшего образования страны. На фоне метаморфоз с трансформацией высшего образования (в контексте

Образец цитирования:

Лапуцкий В.С. Интегративные процессы в области образования: новые вызовы для Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:112–119.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-112-119>

For citation:

Laputsky VS. Integrative processes in education: new challenges for Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:112–119. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-112-119>

Автор:

Виктор Сергеевич Лапуцкий – аспирант кафедры социологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор социологических наук, профессор Л. Г. Титаренко.

Author:

Victor S. Laputsky, postgraduate student at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
valnoros@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2514-9608>

Болонского процесса), зависимости международной деятельности страны от нескольких наиболее крупных игроков, неопределенного статуса сферы образования в рамках ЕАЭС, а также внешних факторов, лежащих вне образовательной среды, вопрос дальнейшего протекания интегративных процессов в высшем образовании Беларуси становится все более острым.

В научной литературе уже проанализирован опыт России, Казахстана и стран Европы. Обозначился ряд проблем и задач по трансформации высшего образования, которые стоят перед Беларусью. Была отмечена важность построения общих образовательных пространств в ЕС, ЕАЭС и Союзном государстве России и Беларуси как способа создания «перспективной модели системы высшей школы» [1, с. 82].

Однако за прошедшие пять лет многие обстоятельства существенно изменились: процесс вхождения в Европейское пространство высшего

образования (ЕПВО) затянулся ввиду трудной совместимости белорусской высшей школы с требованиями дорожных карт; образовательная сфера в ЕАЭС по-прежнему не является одним из приоритетов; внешние факторы внесли свои коррективы в потоки въездной и выездной академической мобильности. Для Беларуси 2020 г. должен был стать временем, определяющим дальнейшие направления интеграции белорусской высшей школы.

Цель данной статьи – выявить новые тенденции в сфере международной деятельности белорусской высшей школы и состояние ее европейской и евразийской интеграции. Эмпирической базой настоящей работы являются данные Национального статистического комитета Республики Беларусь, управления международного сотрудничества Министерства образования Республики Беларусь, а также авторские социологические исследования, проведенные в период с 2017 по 2020 г.¹

Теоретические аспекты интеграции высшего образования

В мире ежегодно проводятся десятки исследований по проблемам образовательной интеграции и интернационализации, единой позиции по которым, однако, до сих пор не выработано. Это обусловлено несколькими причинами: 1) большинство исследований, направленных на решение прикладных задач, имеют практико-ориентированный характер; 2) неоднородная образовательная интеграция существует как феномен, что дает возможность для анализа с точки зрения разных социогуманитарных дисциплин; 3) географическая специфика влияет на восприятие интеграционных процессов. Таким образом, в научном сообществе появилось много интерпретаций того, что следует считать образовательной интеграцией.

Совет Европы рассматривает это явление как «сближение и сравнение между системами образования» [2, с. 68], российские социологи трактуют его в контексте кризиса национальных образовательных систем и модернизации образования. В частности, Г. Е. Зборовский представляет процедуру вступления российской высшей школы в Болонский процесс как один из инструментов реформирования высшего образования. Под образовательной интеграцией подразумевается не просто выход системы образования на международный уровень или сближение нескольких систем, но и изменение самой системы с учетом внешних стандартов [3, с. 94–95]. В дальнейшем Г. Е. Зборовский, детализировав свою позицию, отмечал, что интеграция в международное образовательное пространство для России про-

исходит в условиях постоянного поиска «таких путей реформирования, которые могли бы приблизить его к лучшим мировым достижениям» [4, с. 441]. Автор выделял три вектора интеграции: 1) копирование зарубежного опыта; 2) разработку собственных экспериментальных инноваций, способных вывести отечественную высшую школу на международный уровень; 3) комбинацию элементов первого и второго векторов.

В западноевропейской литературе само понятие интеграции высшего образования встречается реже, его заменяет термин *интернационализация*. Такое различие, вероятно, связано с разными приоритетами: если ученые на постсоветском пространстве акцентируют внимание на вхождении национальной высшей школы в международный контекст, то западные делают упор на трансформации деятельности высших учебных заведений. Общеизвестные зарубежным и отечественным научным сообществом классики Дж. Найт и Ф. Альтбах рассматривают интернационализацию как внедрение международного измерения в учебное заведение на всех уровнях: в преподавание, исследование, оказание услуг [5, р. 4].

Представляется целесообразным выделить трех уровней в теоретико-социологическом исследовании образовательной интеграции.

На *макроуровне* рассматриваются функционирование международного образовательного пространства (или пространств) как глобализированного процессуального конструкта, взаимодействие

¹Серия глубинных интервью среди белорусских студентов, участвовавших в процессах академической мобильности ($n = 20$); анкетный опрос среди белорусских студентов Белорусского государственного университета, Белорусского государственного экономического университета, Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Минского государственного лингвистического университета, Белорусского государственного технологического университета ($n = 420$); онлайн-опрос среди китайских студентов ($n = 186$); глубинные интервью с иностранными студентами из разных стран ($n = 30$).

надгосударственных и локальных структур, а также динамика изменения мировой системы высшего образования. В данном контексте уместно сослаться на работы Р. Робертсона [6], З. Баумана [7], Ш. Айзенштадта [8], Дж. Урри [9], Т. Рокса [10], Дж. Брукса и А. Нормора [11].

На *мезоуровне* анализируется организационная сторона интернационализации национальной системы высшего образования (со структурной и процессуальной точки зрения) и определяются субъекты интернационализации. Данная сторона интегративных процессов излагается с учетом работ Д. Норта [12], Дж. Брукса и А. Нормора [11], М. Арчер [13], П. Бурдье [14], Э. Гидденса [15].

На *микроуровне* изучается опыт студентов, преподавателей, сотрудников образовательных учреждений, т. е. участников интегративных процессов в области образования, выступающих в роли эмпирического индикатора направленности этих процессов. Их опыт изучается с позиции работ А. Шютца [16], П. Бурдье [14], М. Арчер [13], П. Бергера, Т. Лукмана [17].

Подобное разделение уровней измерения интеграции обосновывается разными способами решения возникающих задач и проблем (в том числе с теоретической и методологической точки зрения), что требует комплексного подхода, включающего в себя наработки представителей различных теоретических направлений.

Беларусь в рамках интеграционных объединений

Противоречивость и комплексность процессов интеграции отражены в трудах белорусских социологов и философов. В разные годы к проблемам интеграции белорусского образования в международный контекст обращались В. Н. Шимов и Л. М. Крюков [1], Ч. С. Кирвель [18], Л. Г. Титаренко [19], А. Л. Куиш [20], А. В. Рытов [21], Л. С. Шаховская и Е. Э. Головчанская [22], В. А. Бейзеров [23], Н. Н. Скриба [24]. Вопрос вхождения в Болонский процесс, возможности и риски членства в ЕВПО и статус ЕАЭС как евразийского вектора интеграции высшего образования Беларуси являются наиболее дискуссионными на протяжении последних пяти лет.

Со времени вступления Беларуси в Болонский процесс ее статус остается неопределенным. Несмотря на то что страна была принята в ЕВПО в 2015 г. номинально, от нее требовалось внести ряд изменений в деятельность образовательной сферы, во взаимодействия университета и государства. В 2017 и 2018 гг. сроки по внесению изменений переносились. Однако предпринятые шаги по трансформации высшей школы (об этом свидетельствуют различные инициативы, например Стратегический план действий по реализации основных задач развития системы образования в соответствии с принципами и инструментами Европейского пространства высшего образования²) и выполнение всех требований Болонской конвенции не были осуществлены своевременно.

Причины болонской «пробуксовки» связаны с неопределенной позицией, а также неприоритетным статусом европейской интеграции для Беларуси. Начиная с 2017 г. вопрос развития международного вектора высшего образования в большей степени

касался Союзного государства России и Беларуси, взаимодействия со странами ЕАЭС, средневосточного и дальневосточного регионов, признанных более перспективными направлениями в краткой и среднесрочной перспективе. Интеграция в ЕВПО по-прежнему формально остается задачей белорусской высшей школы, однако больше в фоновом режиме. В пользу данного тезиса свидетельствуют несколько фактов: 1) рассмотрение интеграционных процессов со странами ЕВПО в повестке Министерства образования Республики Беларусь остается минимальным – на уровне планов, отчетов, мероприятий; 2) фокус внимания в нормативных документах смещается на другие маршруты интернационализации – Россию, Туркменистан, Китай³.

Вместе с тем это не означает, что европейская интеграция остановлена: определенные действия по трансформации и модернизации образовательной деятельности в данном направлении проходят и сейчас. При этом уже внесенные изменения в образовательную сферу и последующие события позволяют интерпретировать европейскую интеграцию Беларуси как глокализационное течение. Одним из первых понятие «глокализация» ввел Р. Робертсон, описывая данное явление как процесс изменения локальных культурных образований, которые на фоне огромного влияния не теряют своих региональных особенностей, а напротив, сохраняют и усиливают их [6]. Автор постулирует, что благоприятное развитие глобального пространства предполагает формирование у его элементов глокализационного аспекта. Вопрос глокализационных тенденций в образовании поднимали Дж. Брукс и А. Нормор. Они считают глокализацию наиболее

² См.: <https://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/vysshee-obrazovanie/strategicheskiy-plan-deystviy/> (дата обращения: 22.09.2020).

³ Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 19 авг. 2004 г. № 3/1508. URL: <https://bit.ly/2ZTp7dP> (дата обращения: 22.09.2020) ; Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Туркменистана о сотрудничестве в сфере образования от 15.01.2013 [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 3/2889. URL: <https://bit.ly/2H7NSw3> (дата обращения: 22.09.2020).

подходящей теоретической рамкой (ввиду неизбежности смешения на национальном уровне локального и глобального аспектов), а также говорят о необходимости развития компетенций лиц, принимающих решения в образовательной сфере на региональном и национальном уровнях, в глокальной плоскости [11, р. 54].

Трансформация системы образования Беларуси в рамках ЕПВО – пример глокализационных изменений в образовательной сфере. Неопределенное отношение Министерства образования Республики Беларусь к Болонской конвенции является причиной искаженного внедрения изначальных требований в образовательную сферу страны и, как следствие, противоречивого влияния данных процессов на качество образования. Трансформация высшего образования достигла амбивалентной стадии, когда вернуться к изначальной системе будет крайне затруднительно (об этом свидетельствуют попытки отказа от ряда изменений, в частности возвращения к одногодичной магистратуре), но и продвинуться вперед в целях признания белорусского образования как равноправной части ЕПВО не удастся.

Похожая ситуация с ЕПВО наблюдается и в других странах на постсоветском пространстве. Так, А. Виньо, А. А. Байков и Е. Калужнова на примере России отмечают положение неопределенности, когда, с одной стороны, продолжается интеграция в Болонский процесс (запуск проектов типа 5-100 (*The Russian Academic Excellence Project*)), с другой – сохраняется прежний идеологический подход к формированию образовательных программ. Подобная неопределенность и попытка использовать преимущества обоих миров – внешнего мира (ЕВПО) и внутреннего (сложившаяся российская система образования) – приводят к снижению общего уровня университетского образования. Выходом из этой ситуации может быть построение стратегии постепенной адаптации процессов обучения в российских университетах к международным нормам [25, с. 42].

Нужно ли Беларуси глубже входить в ЕПВО? Без социально-экономической базы интеграции такое вовлечение может привести к формированию односторонней связи, где Беларусь будет выступать в большей степени как потребитель образовательных услуг. Подобная тенденция выражена в настоящее время. Если проанализировать имплементацию западных международных образовательных программ (*ERASMUS*, *DAAD* и др.), то очевидным будет тот факт, что выездная мобильность существенно выше, чем въездная [26, с. 275]. Эффективная образовательная интеграция невозможна без деятель-

ности в других сферах. Все это требует качественных изменений в стране. Как считает А. Л. Куиш, в данном контексте Болонский процесс может стать одним из драйверов дальнейшей интеграции в ЕС [20, с. 109]. Социально-экономические и образовательные интеграционные процессы должны осуществляться одновременно.

Сегодня наиболее предпочтительной считается образовательная интеграция в рамках ЕАЭС, созданном в 2015 г. Несмотря на то что в контексте нормативных документов союза⁴ образовательная сфера слабо выражена, на нее в перспективе может повлиять формируемая интегративная экономическая база. Так, снижение количества барьеров между странами-участницами позволит развивать их международное сотрудничество в области образования и науки и академической мобильности. Подобная интеграция предполагает дополнительные действия со стороны стран-участниц. Вместе с тем за пять лет существования ЕАЭС не было предпринято значимых шагов по выходу интеграции за пределы экономической сферы. Невзирая на то, что в 2015 г. возникли различные концепции реализации данной стратегии (триединая концепция В. Н. Шимова, предполагающая одновременную трансформацию образовательной сферы на национальном, союзном и мировом уровнях [1, с. 81]), активных действий в этом направлении до сих пор не было сделано. В научном сообществе существует мнение о том, что страны – члены ЕАЭС недостаточно используют свой потенциал для социального и социогуманитарного сотрудничества; происходит подмена нормативных актов, законов, договоров между странами отдельными точечными инициативами, не решающими в полной мере поставленных задач [27, с. 35]. Причины бездействия по формированию единого образовательного пространства в ЕАЭС являются прагматическими. В 2018/19 учебном году численность обучающихся в университетах ЕАЭС составила 97 тыс. человек, 89 % из них приходились на въездную мобильность в Россию. Здесь обучаются 10 тыс. человек, прибывших только из Беларуси, что значительно выше, чем вся въездная мобильность в белорусское государство⁵. В ЕАЭС в сфере образования сложилась центр-периферийная ситуация, в рамках которой формирование единого образовательного пространства не является необходимостью в краткосрочной перспективе для страны-лидера.

Ввиду вышесказанного деятельность белорусской стороны по вхождению в интеграционные объединения как в европейском, так и в евразийском

⁴ Правовой портал [Электронный ресурс]. URL: <https://bit.ly/2HjimLH> (дата обращения: 22.09.2020).

⁵ Образовательная миграция: Численность обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования государств – членов ЕАЭС, прибывших из других государств – членов ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/education.aspx (дата обращения: 22.09.2020).

контексте остается неопределенной и противоречивой. Государство реализует точечные инициативы по отношению к определенным странам, однако на

системном уровне по-прежнему нет единой стратегии в развитии интеграции в сфере высшего образования.

Международная деятельность Республики Беларусь вне интеграционных объединений как третий путь интернационализации образования

На фоне малоактивной деятельности белорусской высшей школы по отношению к ЕПВО и ЕАЭС доминантные потоки въездной мобильности приходятся на страны вне данных объединений. В 2019/20 учебном году в Беларуси обучались 18,4 тыс. иностранцев, из которых 60,1 % студентов приходился на Туркменистан и КНР⁶. Значительное количество студентов, приехавших получить образование в Беларусь из названных стран, обусловлено накопленным опытом взаимодействия на государственном, университетском и межличностном уровнях, а также нормативными актами, стимулирующими приток таких обучающихся⁷.

Данные факты свидетельствуют о том, что государство играет активную роль в наращивании потоков мобильности вне интеграционных объединений. Если интерпретировать этот процесс в рамках парадигмы мобильностей Дж. Урри, деятельность университетов и государств способствует формированию русел (*scare*), по которым индивиды, получающие образование за рубежом самостоятельно либо в рамках академических обменов, выступают в качестве участников потоков (*flow*). Подобные явления имеют накопительный эффект: с течением времени их резиденты делятся опытом, что впоследствии способствует интенсификации или ослаблению потока [9, с. 17, 130].

Если для интерпретации данных процессов использовать теорию социального капитала П. Бурдьё, то речь будет идти о наращении символического и культурного капиталов субъектами образовательных обменов. Агент, будучи носителем более высокого социального капитала по отношению к иным участникам общественного взаимодействия, сам сможет оказывать влияние на уже существующие правила игры [14, с. 56–57], что приводит к изменениям в образовательном и профессиональном контекстах.

Кого можно считать действующим субъектом образовательной интернационализации в Беларуси? В данном случае следует сочетать деятельность университетов и тех индивидов, которые ранее обу-

чались в белорусском государстве. Университеты самостоятельно или силами своих партнеров информируют иностранную аудиторию о возможностях обучения в Беларуси. Лица, получившие образование в Беларуси или находившиеся в стране с иной целью, составили о ней позитивное мнение, которое могут передать своему кругу общения.

Иностранцами студентами в рамках социологических исследований была подтверждена важность университетских и межличностных контактов для академической мобильности. Так, в результате проведенного онлайн-опроса китайских студентов было выяснено, что для них наиболее значимым источником информации выступили друзья и родственники, полезными оказались также сведения, найденные о Республике Беларусь в интернете. Схожее мнение высказали и участники опроса из других стран: туркменские, турецкие, ливийские студенты во время глубинных интервью сообщали, что при принятии решения о выборе страны обучения они в первую очередь опирались на опыт пребывания в Беларуси своих близких (в целях проживания или получения образования).

С учетом внешних факторов и геополитики потоки мобильности вне интеграционных объединений при всей своей масштабности являются наиболее уязвимыми. Во-первых, точечные инициативы по усилению сотрудничества с конкретными странами подвержены дополнительным рискам, зависящим от результатов диалога между этими странами; во-вторых, они не всегда сопровождаются качественными изменениями нормативно-правовой составляющей. Примером этому является отказ Туркменистана от верификации документов об образовании, полученных в университетах, не входящих в топ-1000 мирового рейтинга, а сам спектр допустимых специальностей существенно сократился⁸. Подобная ситуация привела к тому, что поток туркменских студентов, до этого распределенный по более чем 15 учреждениям высшего образования (УВО) Республики Беларусь, сконцентрировался в БГУ, что негативно отразилось

⁶ Медведова И. В. Образование в Республике Беларусь (учебный год 2019/2020) / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск : [б. и.], 2019. 47 с.

⁷ Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Туркменистана о сотрудничестве в сфере образования от 15.01.2013 г. [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 3/2889. URL: <https://bit.ly/2H7NSw3> (дата обращения: 22.09.2020) ; Соглашение между правительством Республики Беларусь и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании [Электронный ресурс] // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь 19 авг. 2004 г. № 3/1508. URL: <https://bit.ly/2ZTp7dP> (дата обращения: 22.09.2020).

⁸ Туркменистан перестал признавать дипломы вузов не из топ-1000. Как это сказалось на наших универах? [Электронный ресурс] URL: <https://news.tut.by/society/652053.html> (дата обращения: 22.09.2020).

на показателях международной деятельности других университетов. Второй пример – мобильность студентов из Китая в контексте эпидемии COVID-19 в 2020 г. Тяжелая эпидемиологическая ситуация в мире создала объективные трудности для мобильности (повышение стоимости перелетов, персональные страхи студентов и т. д.). Данное обстоятельство актуализировало вопрос об организации для иностранных студентов онлайн-образования, наличие и закреплённость которого на нормативно-правовом уровне могло бы снять данный барьер. Однако дистанционное обучение для иностранцев пока не получило отражения в белорусском законодательстве, в связи с чем в 2020/21 учебном году (как и ожидалось) существенно снизилось количество студентов, прибывших из Китая для получения образования в УВО Беларуси.

В России для решения схожей проблемы принята попытка систематического введения дистанционного образования для иностранцев. В 2020 г. удаленное обучение было узаконено в университетах Калининграда, Владивостока, Санкт-Петербурга

и других городов. Поскольку инициатива исходила от самих университетов (преимущественно тех, где удельный уровень иностранных студентов выше среднего), а не от государства, то пока она не получила широкого распространения в России. Однако дистанционное образование как направление деятельности в российском законодательстве гораздо более развито, чем в белорусском. В связи с этим появилась возможность оперативно внести изменения в образовательный процесс УВО России.

Иностранный студент, приезжая в Беларусь с целью получить образование, сталкивается с трудностями языковой, академической и социокультурной адаптации [28]. Белорусская сторона на протяжении более 10 лет предпринимает усилия по обеспечению благоприятного процесса приспособления. Несмотря на высказанное многими иностранными студентами в рамках глубинных интервью и опросов удовлетворение проводимой в данном направлении в Беларуси работой, университетам не хватает системного подхода для решения вопросов помощи иностранцам.

Выводы

Интернационализация белорусского образования продолжается. Сегодня, приоритетом международной деятельности Республики Беларусь в области высшего образования должны стать поддержание и развитие связей в рамках существующих интеграционных объединений. При всей неоднозначности процессов в долгосрочной перспективе это может способствовать росту конкурентоспособного образования.

В рамках ЕАЭС и ЕПВО наблюдается разная ситуация: в ЕАЭС активно идет процесс экономической интеграции, но отсутствует движение в развитии сотрудничества в сфере образования; в ЕПВО сделаны первые шаги в сторону образовательной интеграции, однако без социально-экономической базы они малоэффективны. На этом фоне в краткосрочной перспективе международная деятельность вне интеграционных образований является более значимой и продуктивной. Однако точечный характер создания и поддержания связей, субъектный статус университетов в формировании потоков мобильности и доминирующая доля двух основных партнеров (Туркменистан, Китай) делают данное направление уязвимым и зависимым от внеобразовательных факторов.

Представленные проблемы требуют глобальных и тактических изменений и внедрения новых социальных технологий как на университетском, так и на нормативно-правовом уровне.

Во-первых, решения требует вопрос целостности национальной тактики по развитию международного сотрудничества и модернизации сферы образования согласно ЕПВО и ЕАЭС. Некоторые шаги в этом

плане предпринимаются и сейчас: выполняется Стратегический план действий по реализации основных задач развития системы образования в соответствии с принципами и инструментами ЕПВО; организуются проекты по развитию международного вектора белорусской высшей школы (*PICASA*, *HARMONY*, *QATMI*, *ICAEN*). Однако без согласованной позиции государства относительно вносимых изменений включение в интеграционные объединения невозможно.

Во-вторых, необходимо расширить географию сотрудничества. Университеты являются основными субъектами интернационализации, самостоятельно строят взаимоотношения с партнерами и привлекают потоки мобильности. Государство может выступать в роли дополнительного посредника, способствующего формированию новых связей между странами и университетами, что поможет перевести этот процесс в более системное русло.

Тактические изменения предполагают трансформацию самой образовательной среды Беларуси с целью снизить количество барьеров для потенциальных студентов. В условиях пандемии глобально актуализировался вопрос дистанционного образования для иностранцев, и многие государства и, в частности, университеты разработали меры по его внедрению. Беларусь не должна находиться в стороне от этих событий.

В рамках образовательного процесса актуальными остаются разработки таких мер по эффективной адаптации иностранцев, как создание дружественной среды, расширение сфер коммуникативного общения между студентами [29],

повышение уровня межкультурной компетенции белорусских студентов и преподавателей. Подобные решения позволят улучшить опыт иностранных студентов в Республике Беларусь и в долгосрочной перспективе усилить и расширить потоки въездной мобильности.

Библиографические ссылки

1. Шимов ВН, Крюков ЛМ. Перспективы развития высшей школы Беларуси: поиск ответов на новые вызовы. *Белорусский экономический журнал*. 2015;3:79–103.
2. Бражник ЕИ. *Интеграционные процессы в современном европейском образовании*. Санкт-Петербург: Библиотека Академии наук; 2001. 200 с.
3. Зборовский ГЕ. Модернизация образования сквозь призму социальной политики. *Журнал исследований социальной политики*. 2010;8(1):87–104.
4. Зборовский ГЕ, Амбарова ПА. *Социология высшего образования*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; 2019. 539 с.
5. Knight J. *Trade in higher education services: the implications of GATS*. London: Observatory on Borderless Higher Education; 2002. 28 p.
6. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. New York: SAGE Publications; 1992. 211 p.
7. Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press; 1998. 136 p.
8. Eisenstadt SN. Multiple Modernities. *Daedalus* [Internet]. 2011 [cited 2020 March 15];129(1):1–29. Available from: <https://www.jstor.org/stable/20027613?seq=1>.
9. Урри Дж. *Мобильности*. Лазарев АВ, переводчик. Москва: Праксис; 2012. 576 с.
10. Renc-Roe J, Roxå T. The Internationalisation of a university as local practices: a case study. *Education Inquiry*. 2014;5(1):127–148. DOI: 10.3402/edui.v5.24048.
11. Brooks JS, Normore AH. Educational leadership and globalization: literacy for a global perspective. *Educational Policy*. 2010;24(1):52–82. DOI: 10.1177/0895904809354070.
12. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Нестеренко АН, переводчик. Москва: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.
13. Archer MS. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 368 p. DOI: 10.1017/CBO9780511557675.
14. Бурдье П. *Социология политики*. Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1993. 336 с.
15. Giddens A. *The consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 188 p.
16. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. Алхасов АЯ, составитель; Алхасов АЯ, Мазлумянова НЯ, переводчики; Батыгин ГС, редактор. Москва: Институт фонда «Общественное мнение»; 2003. 336 с.
17. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
18. Кирвель ЧС. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:88–96.
19. Титаренко ЛГ. Современные интеграционные процессы в сфере высшего образования: предпосылки, закономерности, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:82–90.
20. Куиш АЛ. Направления интеграции высшего образования: выбор Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:104–109.
21. Рытов АВ. Ключевые аспекты интернационализации высшего образования Республики Беларусь в свете результатов исследования проекта Harmony. *Высшая школа*. 2019;3:3–8.
22. Шаховская ЛС, Головачанская ЕЭ. Интеграционные процессы как необходимое условие развития интеллектуальных ресурсов в системе университетов предпринимательского типа. *Белорусский экономический журнал*. 2016;2:31–44.
23. Бейзеров ВА. *Интеграция белорусской системы образования в мировое образовательное пространство*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2006. 71 с.
24. Скриба НН, Федотова ИЭ, Лапуцкая ИИ. Обучение русскому языку в системе подготовки иностранных специалистов: специфика, проблемы, пути их решения. *Вестник Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. 2018;2:98–108.
25. Виньо А, Байков АА, Калужнова Е. Имплементация зарубежных норм в российском высшем образовании: проблемы адаптации. *Высшее образование в России*. 2020;29(8–9):39–54. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-39-54.
26. Дунаев В. *Белая книга 2018. Европейские перспективы белорусского высшего образования*. Дунаев В, редактор. Vilnius: VŠĮ «Socialinės ir politinės ekspertizės agentūra»; 2018. 328 с.
27. Осадчая ГИ. Евразийская интеграция: принципы, идеология, практика. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:31–43.
28. Лапуцкий ВС. Проблема адаптации иностранных студентов в контексте белорусской высшей школы. *СОТИС – социальные технологии, исследования*. 2019;2:99–106.
29. Сакума СЛ. *Особенности этносоциальной адаптации вьетнамцев, китайцев, корейцев и японцев в Беларуси в 1980–2011 гг.* Минск: Беларуская навука; 2014. 123 с.

References

1. Shimov VN, Kryukov LM. Prospects of higher education development in Belarus: search for new challenges' solutions. *Belarusian Economic Journal*. 2015;3:79–103. Russian.
2. Brazhnik EI. *Integratsionnye protsessy v sovremennom evropeiskom obrazovanii* [Integration processes in modern European education]. Saint Petersburg: Biblioteka Akademii nauk; 2001. 200 p. Russian.

3. Zborovsky GE. Modernization of education through the prism of social policy. *The Journal of Social Policy Studies*. 2010;8(1):87–104. Russian.
4. Zborovsky GE, Ambarova PA. *Sociology of higher education*. Yekaterinburg: University for Humanities; 2019. 539 p. Russian.
5. Knight J. *Trade in higher education services: the implications of GATS*. London: Observatory on Borderless Higher Education; 2002. 28 p.
6. Robertson R. *Globalization: social theory and global culture*. New York: SAGE Publications; 1992. 211 p.
7. Bauman Z. *Globalization: the human consequences*. New York: Columbia University Press; 1998. 136 p.
8. Eisenstadt SN. Multiple Modernities. *Daedalus* [Internet]. 2011 [cited 2020 March 15];129(1):1–29. Available from: <https://www.jstor.org/stable/20027613?seq=1>.
9. Urry J. *Mobil'nosti* [Mobility]. Moscow: Praxis; 2012. 576 p. Russian.
10. Renc-Roe J, Roxå T. The Internationalisation of a university as local practices: a case study. *Education Inquiry*. 2014;5(1):127–148. DOI: 10.3402/edui.v5.24048.
11. Brooks JS, Normore AH. Educational leadership and globalization: literacy for a global perspective. *Educational Policy*. 2010;24(1):52–82. DOI: 10.1177/0895904809354070.
12. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Alt J, North D, editors. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. [152] p.
Russian edition: North D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. Nesterenko AN, translator. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi «Nachala»; 1997. 180 p.
13. Archer MS. *Realist social theory: the morphogenetic approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 368 p. DOI: 10.1017/CBO9780511557675.
14. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of politics]. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1993. 336 p. Russian.
15. Giddens A. *The Consequences of modernity*. Stanford: Stanford University Press; 1990. 188 p.
16. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Alkhasov AY, compiler; Alkhasov AY, Mazlumyanova NY, translators; Batygin GS, editor. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie»; 2003. 336 p. Russian.
17. Berger PL, Luckmann T. *The social construction of reality: a treatise in the sociology of knowledge*. New York: Anchor Books; 1966. 240 p.
18. Kirvel ChS. Modern education «in the clutches» of liberal market extremism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:88–96. Russian.
19. Titarenko LG. Modern integration processes in the sphere of higher education: prerequisites, regularities, perspectives. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:82–90. Russian.
20. Kuish AL. Directions of integration of higher education: the choice of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:104–109. Russian.
21. Rytov AV. Key aspects of the internationalization of higher education in the Republic of Belarus in the light of the results of the study of the Harmony project. *Vyshjeishaja shkola*. 2019;3:3–8. Russian.
22. Shakhovskaya LS, Golovchanskaya EE. Integration processes as a necessary condition for intellectual resources development within the system of entrepreneurial universities. *Belarusian Economic Journal*. 2016;2:31–44. Russian.
23. Beizerov VA. *Integratsiya belorusskoi sistemy obrazovaniya v mirovye obrazovatel'noe prostranstvo* [Integration of the Belarusian education system into the world educational space]. Homiel: Francisk Skorina Gomel State University; 2006. 71 p. Russian.
24. Scriba NN, Fedotova IE, Laputskaya AI. Teaching Russian in the system of training international specialists: specificity, problems, ways of solution. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga jekanamichnaga wniversitjeta*. 2018;2:98–108. Russian.
25. Vigno A, Baykov AA, Kalyuzhnova E. Implementation of International norms in Russia: the case of higher education. *Higher Education in Russia*. 2020;29(8-9):39–54. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-39-54. Russian.
26. Dunaev V. *Belaya kniga 2018. Evropeiskie perspektivy belorusskogo vysshogo obrazovaniya* [White book 2018. European perspectives of Belarusian higher education]. Dunaev V, editor. Vilnius: VŠĮ «Socialinės ir politinės ekspertizės agentūra»; 2018. 328 p. Russian.
27. Osadchaya GI. Eurasian integration: principles, ideology, practice. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:31–43. Russian.
28. Laputsky VS. Problem of adaptation of foreign students in Belarusian higher education. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2019;2:99–106. Russian.
29. Sakuma SL. *Osobennosti etnosotsial'noi adaptatsii v'etnamtsev, kitaitsev, koreitsev i yapontsev v Belarusi v 1980–2011 gg.* [Features of the ethno-social adaptation of the Vietnamese, Chinese, Koreans and Japanese in Belarus in 1980–2011]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 123 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.10.2020.
Received by editorial board 05.10.2020.

СВЯЗИ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СМАРТФОНА С СОСТОЯНИЯМИ И СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ

В. П. ШЕЙНОВ¹⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220007, г. Минск, Беларусь

Показано, что зависимость от смартфона оказывает вредное воздействие на многие важные аспекты современной жизни. Цель данной работы – провести аналитический обзор зарубежных исследований о взаимосвязях зависимости от смартфона с психологическими состояниями и свойствами личности. Обнаружены неблагоприятные последствия чрезмерного использования смартфонов для физического и психического здоровья в виде депрессии, тревожности, стресса, отрицательных эмоций, бессонницы, плохого качества сна, малой физической активности. Низкая саморегуляция и слабый самоконтроль – предпосылки избыточного использования смартфона. Из-за слишком длительного общения через мобильный телефон люди становятся менее чуткими друг к другу, что приводит к потере способности сопереживать и ухудшению эмоциональной связи с окружающими. Зависимость от смартфона положительно коррелирует с синдромом дефицита внимания, гиперактивностью, компульсивным поведением и прокрастинацией. Реализуемая через смартфоны зависимость от социальных сетей сопряжена с межличностными проблемами и содействует неассертивному поведению и незащищенности от кибербуллинга. Самые активные пользователи смартфонов получают наиболее высокие оценки в отношении аддиктивного поведения. Одиночество и застенчивость являются самыми сильными предикторами зависимости от смартфонов, которая негативно влияет на коммуникативные навыки. Зависимость от смартфона сильнее выражена у женщин, чем у мужчин, а также у лиц, не состоящих в браке.

Ключевые слова: зависимость от смартфона; здоровье; саморегуляция; одиночество; застенчивость; прокрастинация; кибербуллинг; коммуникативные навыки.

RELATIONSHIP OF SMARTPHONE DEPENDENCE WITH PERSONAL STATES AND PROPERTIES

V. P. SHEINOV^a

^aNational Institute of Higher School, 15 Maskoŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

Numerous studies show that smartphone addiction has a detrimental effect on many important aspects of modern life. The purpose of this article is an analytical review of foreign studies on the relationship between smartphone addiction and psychological states and personality traits. The adverse effects of excessive use of smartphones for physical and mental health were found in the form of depression, anxiety, stress, negative emotions, insomnia, poor sleep quality, and low physical activity. Excessive smartphone use predicts low self-regulation and poor self-control. Excessive smartphone communication makes people less empathetic to each other, resulting in a loss of empathy and a deterioration in emotional connection with others. Smartphone addiction is positively associated with attention deficit disorder, hyperactivity disorder, compulsive behaviour, and procrastination. Smartphone addiction to social media is linked to interpersonal issues and contributes to non-assertive behaviour and exposure to cyberbullying. The most active smartphone users receive the highest scores for

Образец цитирования:

Шейнов В.П. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;4:120–127. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>

For citation:

Sheinov VP. Relationship of smartphone dependence with personal states and properties. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;4:120–127. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-4-120-127>

Автор:

Виктор Павлович Шейнов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры психологии и педагогического мастерства.

Author:

Viktor P. Sheinov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of psychology and pedagogical excellence.
sheinov1@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2191-646X>

addictive behaviour. Of the personality traits of individuals, loneliness and shyness are the strongest predictors of smartphone addiction. Smartphone addiction negatively affects communication skills. Unmarried people are more dependent on the smartphone. Women are more dependent on smartphones than men.

Keywords: smartphone addiction; health; self-regulation; loneliness; shyness; procrastination; cyberbullying; communication skills.

Введение

Смартфон сегодня превратился почти в полноценный компьютер, умещающийся в кармане. Функции, заложенные в этот гаджет, порождают пристрастие к его чрезмерному использованию.

Многие люди, особенно подростки и дети, не представляют своей жизни без смартфона и всегда держат его при себе. Из-за фокуса внимания, постоянно прикованного к данному девайсу, его пользователи не могут полноценно учиться, вдумчиво и продуктивно выполнять работу, строить отношения с окружающими и в целом жить полноценной жизнью.

Серьезное беспокойство вызывает тот факт, что именно у подростков все чаще проявляется зависимость от смартфона. Данное явление пагубно отражается на физическом и психологическом здоровье юношей и девушек. Родители при этом служат детям плохим примером, а часто даже способствуют увлечению гаджетами, предлагая ребенку электронную игрушку, чтобы тот не мешал им заниматься своими делами.

Зависимость от смартфона – это новое явление, одна из наиболее часто встречающихся немедицинских зависимостей, которая по своей многочисленности уже опередила интернет-зависимость и игроманию, образовав с ними опасный конгломерат.

Степень распространенности и характер проявлений зависимости от смартфонов анализировались многими учеными. Согласно исследованиям, проведенным в Великобритании и США, «81 % пользователей смартфонов признались, что они не задумываясь берут в руки смартфон, который при этом

не звонил. Многие подтвердили, что пользуются мобильным телефоном во время религиозных обрядов, деловых встреч, находясь в театре или на занятиях. Немало тех, кто берет с собой смартфон в ванную комнату, когда собирается принять душ, 70 % американцев утверждают, что не могут заснуть, если рядом нет смартфона. Многие пользователи стараются не отходить от своего смартфона дальше, чем на 1,5 метра»¹[1].

Молодые американцы отправляют более 100 сообщений в день. Вместе с тем 46 % юношей и девушек считают, что без телефона они «не могут жить». Исследователи из Мэрилендского университета обнаружили, что большинство студентов испытывают сильный дискомфорт, если у них телефон выключен в течение суток. При этом 30 % опрошенных скорее предпочтут отказаться от секса, нежели от смартфона².

Исследователи пришли к выводу, что социальные сети вызывают более сильную зависимость, чем сигареты и алкоголь. Некоторые из испытуемых подчеркивали, что друзья в социальных сетях для них важнее и ближе, чем настоящие люди вокруг [2].

Зависимость от смартфонов имеет отрицательные последствия, включающие психологические и поведенческие трудности и проблемы с самооценкой [3].

Целью данной статьи является аналитический обзор зарубежных исследований о взаимосвязях зависимости от смартфона с психологическими состояниями и свойствами личности.

Зависимость от смартфонов и симптомы нездоровья

Исследования показали, что существует значительная положительная корреляция между зависимостью от смартфонов и симптомами нездоровья [4].

Например, в одной из проанализированных работ 71,2 % студентов заявили, что у них появились проблемы со здоровьем, вызванные использованием смартфонов; наиболее частой жалобой была признана бессонница (23,6 %) [5].

Плохое качество сна опосредовало связь между зависимостью от смартфонов и симптомами нездоровья. Полученные данные свидетельствуют о том, что для благополучия и укрепления здоровья

и людям необходимо ограничивать использование смартфонов, особенно перед сном [4].

Зависимость от смартфона и откладывание сна имеют значительную положительную взаимосвязь, тогда как саморегуляция в большей степени отрицательно сопряжена с плохим качеством сна (оценивалось субъективно по задержке и продолжительности). Полученные данные подтвердили предположение о том, что поздний отход ко сну и низкая саморегуляция являются медиаторами, повышающими риск связи между зависимостью от смартфонов и плохим качеством сна [6].

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Ш.

²Десять фактов, которые свидетельствуют об опасности смартфонов для современного общества // Интернет-журнал «Novate» [Электронный ресурс]. URL: <https://novate.ru/blogs/280217/40265/> (дата обращения: 26.11.2018).

Зависимость от смартфонов проявляется в сильно выраженном стрессе и более низкой физической активности, что, как известно, приводит к проблемам со здоровьем [7], а также соотносится с депрессией, тревожностью и стрессом [8].

К настоящему времени выявлено несколько свободных предикторов (предсказателей) зависимости от смартфона, это прежде всего депрессия и тревога [9].

Чрезмерное использование смартфона коррелирует с более низким уровнем благополучия, что обусловлено основной тенденцией к возникновению тревоги, негативных эмоций, а также с отсутствием самоконтроля [10].

Таким образом, популярность и доступность смартфонов вызывают все возрастающие опасения по поводу потенциально неблагоприятных послед-

ствий избыточного применения гаджетов (особенно в отношении физического и психического здоровья). Действительно, исследование, проведенное с помощью структурной и функциональной магнитно-резонансной томографии (МРТ), ставит под сомнение безвредность смартфонов, по крайней мере для людей, которые подвергаются повышенному риску развития зависимости от них [11].

Аналогичное исследование (с помощью МРТ) выявило связь зависимости от смартфонов с импульсивным поведением и функциональными нарушениями мозговой деятельности [12].

Симптомы нездоровья, выявленные у индивидов, зависимых от смартфонов, ведут к ухудшению настроения и вызывают стресс, что, в свою очередь, в значительной степени способствует зависимости от смартфона [9].

Влияние зависимости от смартфона на поведение его активных пользователей

Определено, что из-за чрезмерного общения с помощью смартфона люди становятся менее чувствительными друг к другу. Обезличенный обмен сообщениями лишает возможности улавливать интонации, обращать внимание на эмоции, мимику, жесты и прочие неотъемлемые атрибуты личного взаимодействия, которые так важны для полноценного восприятия смысла любого послания и установления взаимопонимания. Это приводит к потере способности к эмпатии и отсутствию эмоциональной связи с другими людьми [13].

Зависимость от социальных сетей с высокой степенью статистической значимости положительно связана с вопросами межличностного общения ($r = 0,434, p < 0,001$) и отрицательно – с ассертивным поведением ($r = -0,148, p < 0,05$). Высокозначимая отрицательная корреляция выявлена между ассертивностью и проблемами межличностного общения ($r = -0,459, p < 0,001$). Чем выше склонность к зависимости от социальных сетей, тем ниже проявляется ассертивность и в большей мере возникают вопросы в межличностных отношениях [14]. В русскоязычном социуме также установлена отрицательная связь между ассертивностью и наличием затруднений в межличностных контактах [15].

Наиболее активные пользователи смартфонов получают самые высокие оценки в отношении аддиктивного поведения и других психопатологий, развившихся худшими результатами по различным психосоциальным шкалам. При этом у каждого пола можно наблюдать определенные особенности [16].

Зависимость от смартфона положительно соотносится с синдромом дефицита внимания, гиперактивностью [8]. Исследование с помощью МРТ выявило связь зависимости от смартфонов с импульсивным поведением [12].

Показано, что чрезмерное использование смартфона положительно коррелирует не только с дефи-

цитом внимания ($r = 0,870, p < 0,01$), но и с условиями обучения ($r = 0,812, p < 0,01$), медлительностью в учебе – прокрастинацией ($r = 0,772, p < 0,01$). Особенности учебной среды положительно сопряжены с академической прокрастинацией ($r = 0,777, p < 0,01$). Дефицит внимания ($p < 0,001$) и медлительность в учебе ($p < 0,01$) являются факторами влияния чрезмерного использования смартфонов [17].

Выявлена положительная связь прокрастинации (склонности постоянно откладывать даже важные и срочные дела) с зависимостью от смартфонов [18; 19]. Более того, чрезмерное использование смартфонов положительно предсказывает академическую прокрастинацию ($\beta = 0,21, p < 0,001$) и академическую тревожность ($\beta = 0,18, p < 0,01$). Однако саморегуляция отрицательно сопряжена с чрезмерным использованием смартфона ($\beta = -0,35, p < 0,001$) и академической тревогой ($\beta = -0,29, p < 0,001$), положительно – с медлительностью в учебе ($\beta = 0,23, p < 0,001$) [20].

Установлено, что прокрастинация также опосредует связь между поиском подростком новых ощущений и зависимостью от смартфонов [21]. Корреляционный анализ показал, что зависимость от смартфонов положительно соотносится с академической медлительностью, а отрицательно – с академической самоэффективностью (в то же время между собой они связаны отрицательно). Кроме того, зависимость от смартфонов оказывает прямое прогнозирующее влияние на академическую прокрастинацию учащихся и косвенный прогнозирующий эффект через академическую самоэффективность [22].

В результате стремительного и массированного внедрения информационных технологий во все сферы человеческой жизни возникли новые вызовы. Одним из них стал кибербуллинг – это многократные преднамеренные действия одного или нескольких

лиц, использующих электронные средства связи для выражения агрессии, направленной против жертвы, которая не может защититься [23]. Кибербуллинг – это вид насилия, осуществляемый посредством издевательств, оскорблений, травли, унижения, запугивания с применением интернета, мобильных телефонов и других электронных устройств.

Показано, что кибербуллинг может быть предсказан зависимостью от мобильных телефонов [24]. Согласно исследованиям кибербуллинг положительно коррелирует с чрезмерным использова-

нием смартфонов ($r = 0,321, p < 0,001$) и агрессией ($r = 0,397, p < 0,001$). Излишнее применение смартфона оказало прямое влияние на агрессию ($\beta = 0,195, p = 0,014$), а агрессия – на кибербуллинг ($\beta = 0,260, p = 0,007$). Кроме того, были подтверждены опосредствующие эффекты агрессии на взаимосвязь между чрезмерным использованием смартфонов и кибербуллингом ($\beta = 0,051, p = 0,007$) [25–27].

Кибербуллинг приводит к виктимизации его жертв [3], которая оказывает негативное воздействие на их поведение.

Зависимость от смартфонов и личные качества индивидов

Обнаружено, что одиночество – самый сильный предиктор зависимости от смартфонов [28]. Чем сильнее чувство одиночества и застенчивости, тем выше вероятность того, что индивид будет зависим от смартфона [29]. Определено, что одиночество и саморегуляция являются основными предпосылками зависимости от смартфона [30]. На основании данных ряда исследовательских работ была установлена и обратная связь: подростки, постоянно пользующиеся смартфонами, чувствуют себя более одинокими [31].

Исследователями показано, что зависимость от смартфона отрицательно сопряжена с саморегуляцией, благодаря которой можно уменьшить склонность к чрезмерному использованию смартфонов [32]. Молодые люди более уязвимы в отношении роста зависимости от смартфонов, поскольку у них слабо развита саморегуляция⁵. Отказ от саморегуляции вызывает более высокий риск зависимости от смартфона [33].

Низкая саморегуляция предсказывает чрезмерное использование смартфона ($\beta = -0,35, p < 0,001$) и академическую тревогу ($\beta = -0,29, p < 0,001$) [20].

Корреляционный анализ показал, что имеется отрицательная значимая, хотя и довольно слабая связь между зависимостью от смартфонов у студентов и коммуникативными навыками ($r = -0,149$), т. е. зависимость от смартфонов негативно влияет на коммуникативные навыки [34].

В результате проведенного исследования [35] между группой зависимых от смартфонов и контрольной группой испытуемых были выявлены значимые различия в самоконтроле ($t = 3,02, p = 0,003$) и повседневном жизненном стрессе ($t = 3,56, p < 0,001$), однако они не наблюдались в коммуникативных навыках ($t = 1,72, p = 0,088$). У членов из группы зависимых от смартфонов зафиксирован худший самоконтроль и более высокий уровень повседневного стресса, чем в контрольной группе.

Итак, чем сильнее выражен показатель застенчивости, тем выше вероятность зависимости от смартфона [36]. Застенчивость и зависимость от мобильных телефонов имеют значительную положительную связь друг с другом, а также значительную отрицательную связь с самоконтролем (по данным корреляционного анализа) [37].

Представляются четкие доказательства того, что использование смартфонов для разнообразных целей (особенно для поиска информации и общения) и проявление различных симптомов зависимости (озабоченность, чувство тревоги и потерянности) значительно повлияли на создание социального капитала. Его снижение происходит из-за имеющихся существенных связей между зависимостью от смартфонов и застенчивостью [29].

Зависимость от смартфона: гендерные отличия

Имеют место значительные гендерные различия зависимости от смартфона [17; 38]: у женщин она выражена сильнее, чем у мужчин [39]. Женский пол, частое использование интернета и тревожность являются факторами большого риска зависимости от смартфона [40].

Существенные гендерные различия были обнаружены в пяти измерениях: в степени чрезмерного использования смартфона, социально-психологическом аспекте, состоянии здоровья, в озабоченности смартфонами, технологическом факторе.

В целом все эти параметры чаще проявляются у женщин, чем у мужчин (за исключением технологического измерения, поскольку мужчины стремятся приобретать смартфоны с большими возможностями). Выявлены существенные различия в зависимости от смартфона в пользу лиц, не состоящих в браке, а также использующих смартфон более 4 ч в день [41].

Кроме того, определены значительные различия между мужчинами и женщинами в части кибербуллинга в пользу мужчин [24].

⁵Bolle C. L. Who is a smartphone addict? The impact of personal factors and type of usage on smartphone addiction in a Dutch population [master's thesis]. Enschede, 2014. 41 p.

Выводы

1. Депрессия, тревожность, стресс, отрицательные эмоции, бессонница, плохое качество сна, малая физическая активность – неблагоприятные последствия чрезмерного использования смартфонов для физического и психического здоровья.
2. Низкая саморегуляция и слабый самоконтроль являются предпосылками чрезмерного использования смартфона.
3. Из-за слишком длительного общения через смартфон люди становятся менее чуткими друг к другу, что приводит к потере способности к эмпатии и ухудшению эмоциональной связи с окружающими.
4. Зависимость от смартфона положительно коррелирует с синдромом дефицита внимания, гиперактивностью, компульсивным поведением и прокрастинацией.
5. Реализуемая через смартфоны зависимость от социальных сетей соотносится с межличностными проблемами и способствует неассертивному поведению и незащищенности от кибербуллинга.
6. Наиболее активные пользователи смартфонов получают самые высокие оценки в отношении аддиктивного поведения.
7. Из личных качеств индивидов одиночество и застенчивость являются самыми сильными предикторами зависимости от смартфонов.
8. Зависимость от смартфонов негативно влияет на коммуникативные навыки.
9. Более зависимы от смартфона лица, не состоящие в браке.
10. Зависимость от смартфонов у женщин выше, чем у мужчин.

Библиографические ссылки

1. Hayden T, Webster T. *The mobile commerce revolution: business success in a wireless world*. Indianapolis: Que Publishing; 2014. 208 p.
2. Howard-Jones PA. *The impact of digital technologies on human well-being*. [S. l.]: Nominet Trust; 2011. 98 p.
3. Шейнов ВП. Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019;4(1):94–123.
4. Xie X, Dong Y, Wang J. Sleep quality as a mediator of problematic smartphone use and clinical health symptoms. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018;7(2):466–472. DOI: 10.1556/2006.7.2018.40.
5. Zencirci SA, Aygar H, Göktaş S, Önsüz MF, Alaiye M, Metintaşet S. Evaluation of smartphone addiction and related factors among university students. *International Journal of Research in Medical Sciences*. 2018;6(7):2210–2216. DOI: 10.18203/2320-6012.ijrms20182805.
6. Zhang MX, Wu AMS. Effects of smartphone addiction on sleep quality among Chinese university students: the mediating role of self-regulation and bedtime procrastination. *Addictive Behaviors*. 2020;111. DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106552.
7. Haug S, Castro RP, Kwon M, Filler A, Kowatsch T, Schaub MP. Smartphone use and smartphone addiction among young people in Switzerland. *Journal of Behavioral Addictions*. 2015;4(4):299–307. DOI: 10.1556/2006.4.2015.037.
8. Kim S, Park J, Kim H, Pan Z, Lee Y, McIntyre RS. The relationship between smartphone addiction and symptoms of depression, anxiety, and attention-deficit/hyperactivity in South Korean adolescents. *Ann Gen Psychiatry*. 2019;18:1. DOI: 10.1186/s12991-019-0224-8.
9. Tateno M, Teo AR, Ukai W, Kanazawa J, Katsuki R, Kubo H, Kato T. Internet addiction, smartphone addiction, and hikikomori trait in Japanese young adult: social isolation and social network. *Frontiers in Psychiatry*. 2019;10:455. DOI: 10.3389/fpsy.2019.00455.
10. Horwood S, Anglim J. Problematic smartphone usage and subjective and psychological well-being. *Computers in Human Behavior*. 2019;97:44–50. DOI: 10.1016/j.chb.2019.02.028.
11. Horvath J, Mundinger C, Schmitgen MM, Wolf ND, Sambataro F, Hirjak D. Structural and functional correlates of smartphone addiction. *Addictive Behaviors*. 2020;105(106334). DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106334.
12. Schmitgen MM, Horvath J, Mundinger C, Wolf ND, Sambataro F, Hirjak D. Neural correlates of cue reactivity in individuals with smartphone addiction. *Addictive Behaviors*. 2020;108(106422). DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106422.
13. Turkle Sh. *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books; 2017. 400 p.
14. Gu HJ, Lee OS, Hong MJ, Min J. The relationship between SNS addiction tendency, self-assertiveness, interpersonal problems and in college students. *Journal of the Korea Academia-Industrial cooperation Society*. 2016;17(4):180–187. DOI: 10.5762/KAIS.2016.17.4.180.
15. Шейнов ВП. *Психология асертивного поведения*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing; 2019. 604 с.
16. Lee SY, Lee D, Nam CR, Kim DY, Park S, Kwon J. Distinct patterns of Internet and smartphone-related problems among adolescents by gender: latent class analysis. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018;7(2):454–465. DOI: 10.1556/2006.7.2018.28.
17. Im IC, Jang K. The Convergence Influence of excessive smartphone use on attention deficit, learning environment, and academic procrastination in health college students. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2017;8(12):129–137. DOI: 10.15207/JKCS.2017.8.12.129.
18. Rozgonjuk D, Kattago M, Täht K. Social media use in lectures mediates the relationship between procrastination and problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*. 2018;89:191–198. DOI: 10.1016/j.chb.2018.08.003.
19. Rehman S, Esichaiku V, Guha S, Dailey MN. Relationship of smartphone addiction and academic procrastination: the role of self-regulated learning strategies [Internet]. 2016 [cited 2020 February 20]. Available from: <http://www.cs.ait.ac.th/xmlui/handle/123456789/822>.

20. Yang Z, Asbury K, Griffiths MD. An exploration of problematic smartphone use among Chinese university students: associations with academic anxiety, academic procrastination, self-regulation and subjective wellbeing. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:596–614. DOI: 10.1007/s11469-018-9961-1.
21. Wang J, Wang P, Yang X, Zhang G, Wang XC, Zhao F. Fear of missing out and procrastination as mediators between sensation seeking and adolescent smartphone addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:1049–1062. DOI: 10.1007/s11469-019-00106-0.
22. Li L, Gao H, Xu Y. The mediating and buffering effect of academic self-efficacy on the relationship between smartphone addiction and academic procrastination. *Computers & Education*. 2020;159(104001). DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104001.
23. Smith P, Mahdavi J, Carvalho M, Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying [Internet]. 2020 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://static.lgfl.net/LgflNet/downloads/online-safety/LGfL-OS-Research-Archive-2006-Goldsmiths-Cyberbullying.pdf>.
24. Qudah MFA, Albursan IS, Bakhiet SFA, Hassan EMAH, Alfnan AA, Aljomaa SS. Smartphone addiction and its relationship with cyberbullying among university students. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:628–643. DOI: 10.1007/s11469-018-0013-7.
25. Woo JJ, Kwak EM, Lee HJ. The convergence study of smartphone overuse on cyberbullying: focusing on mediating effects of aggression. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2018;9(5):61–67. DOI: 10.15207/JKCS.2018.9.5.061.
26. Шейнов ВП. Кибербуллинг: предпосылки и последствия. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019;4(2):77–98.
27. Шейнов ВП. Внутриличностные предикторы виктимизации. Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019;4(1):154–182.
28. Jiang Q, Li Y, Shypenka V. Loneliness, individualism, and smartphone addiction among international students in China. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018;21(11):711–718. DOI: 10.1089/cyber.2018.0115.
29. Bian M, Leung L. Linking loneliness, shyness, smartphone addiction symptoms, and patterns of smartphone use to social capital. *Social Science Computer Review*. 2015;33(1):61–79. DOI: 10.1177/0894439314528779.
30. Mahapatra S. Smartphone addiction and associated consequences: role of loneliness and self-regulation. *Behaviour & Information Technology*. 2019;38(8):833–844. DOI: 10.1080/0144929X.2018.1560499.
31. Kara M, Baytemir K, Inceman-Kara F. Duration of daily smartphone usage as an antecedent of nomophobia: exploring multiple mediation of loneliness and anxiety. *Behaviour & Information Technology*. 2019. DOI: 10.1080/0144929X.2019.1673485.
32. Ching KH, Tak LM. The structural model in parenting style, attachment style, self-regulation and self-esteem for smartphone addiction. *IAFOR Journal of Psychology & the Behavioral Sciences*. 2017;3(1):85–103. DOI: 10.22492/ijpbs.3.1.06.
33. van Deursen AJAM, Bolle CL, Hegner SM, Kommers PAM. Modeling habitual and addictive smartphone behavior: the role of smartphone usage types, emotional intelligence, social stress, self-regulation, age, and gender. *Computers in Human Behavior*. 2015;45:411–420. DOI: 10.1016/j.chb.2014.12.039.
34. Cerit B, Bilgin NÇ, Ak B. Relationship between smartphone addiction of nursing department students and their communication skills. *Contemporary Nurse*. 2018;54(4–5):532–542. DOI: 10.1080/10376178.2018.1448291.
35. Sok SR, Seong MH, Ryu MH. Differences of self-control, daily life stress, and communication skills between smartphone addiction risk group and general group in Korean nursing students. *Psychiatr Q*. 2019;90(1):1–9. DOI: 10.1007/s11126-018-9596-1.
36. Bian M, Leung L. Smartphone Addiction: linking loneliness, shyness, symptoms and patterns of use to social capital. *Media Asia*. 2014;41(2):159–176. DOI: 10.1080/01296612.2014.11690012.
37. Han L, Geng J, Jou M, Gao F, Yang H. Relationship between shyness and mobile phone addiction in Chinese young adults: mediating roles of self-control and attachment anxiety. *Computers in Human Behavior*. 2017;76:363–371. DOI: 10.1016/j.chb.2017.07.036.
38. Gökçearslan Ş, Uluyol Ç, Şahin S. Smartphone addiction, cyberloafing, stress and social support among university students: a path analysis. *Children and Youth Services Review*. 2018;91(C):47–54. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.05.036.
39. Albursan IS, Qudah MFA, Dutton E, Hassan EMAH, Bakhiet SFA, Alfnan AA, Aljomaa SS. National, sex and academic discipline difference in smartphone addiction: a study of students in Jordan, Saudi Arabia, Yemen and Sudan. *Community Ment Health Journal*. 2019;55:825–830. DOI: 10.1007/s10597-019-00368-x.
40. Choi SW, Kim DJ, Choi JS, Ahn H, Choi EJ, Song WY. Comparison of risk and protective factors associated with smartphone addiction and Internet addiction. *Journal of Behavioral Addictions*. 2015;4(4):308–314. DOI: 10.1556/2006.4.2015.043.
41. Aljomaa SS, Qudah MFA, Albursan IS, Bakhiet SFA, Abduljabbar AS. Smartphone addiction among university students in the light of some variables. *Computers in Human Behavior*. 2016;61:155–164. DOI:10.1016/j.chb.2016.03.041.55–164.

References

1. Hayden T, Webster T. *The mobile commerce revolution: business success in a wireless world*. Indianapolis: Que Publishing; 2014. 208 p.
2. Howard-Jones PA. *The impact of digital technologies on human well-being*. [S. l.]: Nominet Trust; 2011. 98 p.
3. Sheinov VP. Victimization of mockeries' victims as the source of their negative emotional states. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2019;4(1):94–123. Russian.
4. Xie X, Dong Y, Wang J. Sleep quality as a mediator of problematic smartphone use and clinical health symptoms. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018;7(2):466–472. DOI: 10.1556/2006.7.2018.40.
5. Zencirci SA, Aygar H, Göktaş S, Önsüz MF, Alaiye M, Metintaşet S. Evaluation of smartphone addiction and related factors among university students. *International Journal of Research in Medical Sciences*. 2018;6(7):2210–2216. DOI: 10.18203/2320-6012.ijrms20182805.

6. Zhang MX, Wu AMS. Effects of smartphone addiction on sleep quality among Chinese university students: the mediating role of self-regulation and bedtime procrastination. *Addictive Behaviors*. 2020;111. DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106552.
7. Haug S, Castro RP, Kwon M, Filler A, Kowatsch T, Schaub MP. Smartphone use and smartphone addiction among young people in Switzerland. *Journal of Behavioral Addictions*. 2015;4(4):299–307. DOI: 10.1556/2006.4.2015.037.
8. Kim S, Park J, Kim H, Pan Z, Lee Y, McIntyre RS. The relationship between smartphone addiction and symptoms of depression, anxiety, and attention-deficit/hyperactivity in South Korean adolescents. *Ann Gen Psychiatry*. 2019;18:1. DOI: 10.1186/s12991-019-0224-8.
9. Tateno M, Teo AR, Ukai W, Kanazawa J, Katsuki R, Kubo H, Kato T. Internet addiction, smartphone addiction, and hikikomori trait in Japanese young adult: social isolation and social network. *Frontiers in Psychiatry*. 2019;10:455. DOI: 10.3389/fpsyt.2019.00455.
10. Horwood S, Anglim J. Problematic smartphone usage and subjective and psychological well-being. *Computers in Human Behavior*. 2019;97:44–50. DOI: 10.1016/j.chb.2019.02.028.
11. Horvath J, Mundinger C, Schmitgen MM, Wolf ND, Sambataro F, Hirjak D. Structural and functional correlates of smartphone addiction. *Addictive Behaviors*. 2020;105(106334). DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106334.
12. Schmitgen MM, Horvath J, Mundinger C, Wolf ND, Sambataro F, Hirjak D. Neural correlates of cue reactivity in individuals with smartphone addiction. *Addictive Behaviors*. 2020;108(106422). DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106422.
13. Turkle Sh. *Alone together: why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books; 2017. 400 p.
14. Gu HJ, Lee OS, Hong MJ, Min J. The relationship between SNS addiction tendency, self-assertiveness, interpersonal problems and in college students. *Journal of the Korea Academia-Industrial cooperation Society*. 2016;17(4):180–187. DOI: 10.5762/KAIS.2016.17.4.180.
15. Sheinov VP. *Psikhologiya assertivnogo povedeniya* [Psychology of assertive behavior]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing; 2019. 604 p. Russian.
16. Lee SY, Lee D, Nam CR, Kim DY, Park S, Kwon J. Distinct patterns of Internet and smartphone-related problems among adolescents by gender: latent class analysis. *Journal of Behavioral Addictions*. 2018;7(2):454–465. DOI: 10.1556/2006.7.2018.28.
17. Im IC, Jang K. The Convergence Influence of excessive smartphone use on attention deficit, learning environment, and academic procrastination in health college students. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2017;8(12):129–137. DOI: 10.15207/JKCS.2017.8.12.129.
18. Rozgonjuk D, Kattago M, Täht K. Social media use in lectures mediates the relationship between procrastination and problematic smartphone use. *Computers in Human Behavior*. 2018;89:191–198. DOI: 10.1016/j.chb.2018.08.003.
19. Rehman S, Esichaiku V, Guha S, Dailey MN. Relationship of smartphone addiction and academic procrastination: the role of self-regulated learning strategies [Internet]. 2016 [cited 2020 February 20]. Available from: <http://www.cs.ait.ac.th/xmlui/handle/123456789/822>.
20. Yang Z, Asbury K, Griffiths MD. An exploration of problematic smartphone use among Chinese university students: associations with academic anxiety, academic procrastination, self-regulation and subjective wellbeing. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:596–614. DOI: 10.1007/s11469-018-9961-1.
21. Wang J, Wang P, Yang X, Zhang G, Wang XC, Zhao F. Fear of missing out and procrastination as mediators between sensation seeking and adolescent smartphone addiction. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:1049–1062. DOI: 10.1007/s11469-019-00106-0.
22. Li L, Gao H, Xu Y. The mediating and buffering effect of academic self-efficacy on the relationship between smartphone addiction and academic procrastination. *Computers & Education*. 2020;159(104001). DOI: 10.1016/j.compedu.2020.104001.
23. Smith P, Mahdavi J, Carvalho M, Tippett N. An investigation into cyberbullying, its forms, awareness and impact, and the relationship between age and gender in cyberbullying [Internet]. 2020 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://static.lgfl.net/LgflNet/downloads/online-safety/LGfL-OS-Research-Archive-2006-Goldsmiths-Cyberbullying.pdf>.
24. Qudah MFA, Albursan IS, Bakhiet SFA, Hassan EMAH, Alfnan AA, Aljomaa SS. Smartphone Addiction and Its Relationship with Cyberbullying Among University Students. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2019;17:628–643. DOI: 10.1007/s11469-018-0013-7.
25. Woo JJ, Kwak EM, Lee HJ. The convergence study of smartphone overuse on cyberbullying: focusing on mediating effects of aggression. *Journal of the Korea Convergence Society*. 2018;9(5):61–67. DOI: 10.15207/JKCS.2018.9.5.061.
26. Sheinov VP. Cyberbullying: prerequisites and implications. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*. 2019;4(2):77–98. Russian.
27. Sheinov VP. Intrapersonal predictors of victimization. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Psychology of Labor*. 2019;4(1):154–182. Russian.
28. Jiang Q, Li Y, Shypenka V. Loneliness, individualism, and smartphone addiction among international students in China. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018;21(11):711–718. DOI: 10.1089/cyber.2018.0115.
29. Bian M, Leung L. Linking loneliness, shyness, smartphone addiction symptoms, and patterns of smartphone use to social capital. *Social Science Computer Review*. 2015;33(1):61–79. DOI: 10.1177/0894439314528779.
30. Mahapatra S. Smartphone addiction and associated consequences: role of loneliness and self-regulation. *Behaviour & Information Technology*. 2019;38(8):833–844. DOI: 10.1080/0144929X.2018.1560499.
31. Kara M, Baytemir K, Inceman-Kara F. Duration of daily smartphone usage as an antecedent of nomophobia: exploring multiple mediation of loneliness and anxiety. *Behaviour & Information Technology*. 2019. DOI: 10.1080/0144929X.2019.1673485.
32. Ching KH, Tak LM. The structural model in parenting style, attachment style, self-regulation and self-esteem for smartphone addiction. *IAFOR Journal of Psychology & the Behavioral Sciences*. 2017;3(1):85–103. DOI: 10.22492/ijpbs.3.1.06.
33. van Deursen AJAM, Bolle CL, Hegner SM, Kommers PAM. Modeling habitual and addictive smartphone behavior: the role of smartphone usage types, emotional intelligence, social stress, self-regulation, age, and gender. *Computers in Human Behavior*. 2015;45:411–420. DOI: 10.1016/j.chb.2014.12.039.
34. Cerit B, Bilgin NÇ, Ak B. Relationship between smartphone addiction of nursing department students and their communication skills. *Contemporary Nurse*. 2018;54(4–5):532–542. DOI: 10.1080/10376178.2018.1448291.

35. Sok SR, Seong MH, Ryu MH. Differences of self-control, daily life stress, and communication skills between smart-phone addiction risk group and general group in Korean nursing students. *Psychiatr Q.* 2019;90(1):1–9. DOI: 10.1007/s11126-018-9596-1.
36. Bian M, Leung L. Smartphone Addiction: linking loneliness, shyness, symptoms and patterns of use to social capital. *Media Asia.* 2014;41(2):159–176. DOI: 10.1080/01296612.2014.11690012.
37. Han L, Geng J, Jou M, Gao F, Yang H. Relationship between shyness and mobile phone addiction in Chinese young adults: mediating roles of self-control and attachment anxiety. *Computers in Human Behavior.* 2017;76:363–371. DOI: 10.1016/j.chb.2017.07.036.
38. Gökçearsan Ş, Uluyol Ç, Şahin S. Smartphone addiction, cyberloafing, stress and social support among university students: a path analysis. *Children and Youth Services Review.* 2018;91(C):47–54. DOI: 10.1016/j.chidyouth.2018.05.036.
39. Albursan IS, Qudah MFA, Dutton E, Hassan EMAH, Bakhiet SFA, Alfnan AA, Aljomaa SS. National, sex and academic discipline difference in smartphone addiction: a study of students in Jordan, Saudi Arabia, Yemen and Sudan. *Community Ment Health Journal.* 2019;55:825–830. DOI: 10.1007/s10597-019-00368-x.
40. Choi SW, Kim DJ, Choi JS, Ahn H, Choi EJ, Song WY. Comparison of risk and protective factors associated with smart-phone addiction and Internet addiction. *Journal of Behavioral Addictions.* 2015;4(4):308–314. DOI: 10.1556/2006.4.2015.043.
41. Aljomaa SS, Qudah MFA, Albursan IS, Bakhiet SFA, Abduljabbar AS. Smartphone addiction among university students in the light of some variables. *Computers in Human Behavior.* 2016;61:155–164. DOI:10.1016/j.chb.2016.03.041.55-164.

Статья поступила в редколлегию 20.09.2020.
Received by editorial board 20.09.2020.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

Лихачев Н. Е., Лихачева С. Н. Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития : монография. Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. 176 с.

Likhachev N. E., Likhacheva S. N. Social sphere of the Belarusian countryside: sociological analysis of the condition and prospects for development : monograph. Mahilioŭ : Mogilev State A. Kuleshov Univ., 2020. 176 p. Russian.

Рецензируемая монография посвящена изучению проблем сельской социальной сферы, состоянию оказания социальных услуг в условиях рыночной экономики. Авторы книги – Николай Егорович Лихачев, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и политологии Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова, и Светлана Николаевна Лихачева, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии, – проанализировали общественное мнение сельских жителей о социальном обслуживании и определили оптимальные параметры удовлетворенности средой жизненного бытия в сельских поселениях, выявили барьеры на пути дальнейшего совершенствования социальной сферы, предложили рекомендации и направления ее развития. Целевой аудиторией изданной монографии являются руководители местных органов власти, студенты, магистранты, аспиранты и преподаватели, специализирующиеся в социологии, социальной работе и других отраслях гуманитарного знания.

Монография характеризуется четкой структурой, логикой построения. Она включает 10 глав, каждая из которых обладает своей смысловой нагрузкой. В то же время все главы представляют собой целостное и, безусловно, значимое научное исследование социальной сферы белорусского села.

В первой главе рассматриваются теоретико-методологические основы исследования социальной сферы села. Состояние социальной сферы можно изучать, используя разные методологические подходы. «В широком смысле это система институтов и механизмов, реализующих законодательно закрепленные

социальные, правовые и экономические гарантии населения. В узком – с учетом внутреннего содержания – социальная сфера представляет собой совокупность специальных служб, занятых обеспечением социальной защиты и удовлетворяющих реализацию приемлемых потребностей, а также поддержание достойного уровня жизни людей в соответствии с наличием государственных и местных ресурсов» (с. 8).

Во второй главе анализируются социальное самосознание и поселенческие интересы сельского населения. По мнению авторов, самосознание сельчан «представляет собой прежде всего осознание и оценку человеком самого себя как личности, деятельности во взаимосвязи с другими индивидами, политическими и экономическими субъектами» (с. 23). Составляющей структуры самосознания является оценка действий человека коллегами, семейным окружением, что формирует своеобразный социальный портрет конкретной личности. На социальное самосознание серьезное воздействие оказывают условия территориально-поселенческой общности.

В третьей главе дана характеристика оценочных суждений сельчан о состоянии социальной инфраструктуры в сельских поселениях. Удовлетворение социальных потребностей сельчан невозможно без оценки развития социальной инфраструктуры, которая определяет содержание образа жизни индивидов и социальных групп. Авторы исследования делают вывод, что «если ранжировать оценочные суждения респондентов по уровню неудовлетворенности, то наибольшей критичности подвергается сфера бытового обслуживания, медицинские учреждения, работа коммунальных служб, общественный транспорт» (с. 36).

Четвертая глава представляет собой социологический анализ потребностей сельского населения в социальной защите. Результаты исследований показывают, что «перечень критических замечаний к бытовому обслуживанию достаточно велик, но преобладает недовольство величиной оплаты и состоянием ассортимента» (с. 50). Относительно высокая стоимость и ограниченный ассортимент бытовых услуг связан с удаленностью сельских

поселений и отсутствием конкуренции. Кроме того, «половина опрошенных сельчан недовольны состоянием дорог в местах проживания и между поселениями» (с. 50).

В пятой главе рассматривается социальное обслуживание сельского населения в контексте повседневности. Социальное обслуживание охватывает широкие слои граждан, но в сельской местности клиентами «чаще выступают одинокие престарелые люди, утратившие способность к самообслуживанию» (с. 60). Оказание социальных услуг осложняется некомпактностью проживания сельчан, трудностями организации быта, медицинской помощи в деревнях по сравнению с городами. Особенностью социального обслуживания в сельской местности является то, что «большая часть жителей трудится на своих приусадебных участках, поэтому трудовая нагрузка достаточно велика» (с. 60). В таких условиях потребность в услугах становится особенно актуальной.

В шестой главе анализируется сельская сфера труда во взаимосвязи с социальной защитой. Авторы делают вывод о том, что социальное обслуживание должно быть организовано на сельскохозяйственных предприятиях для создания условий, обеспечивающих развитие личности в трудовой деятельности и общении. Стремление человека к максимальной реализации своих способностей тесно связано с социальной защищенностью в процессе труда. Трудовая деятельность является «основным источником дохода и одновременно важнейшим полем личностной самореализации» (с. 71). Положение в этой сфере во многом детерминирует социальный статус человека, его самооценку и удовлетворенность жизнью.

Седьмая глава посвящена социальному обслуживанию в структуре местного управления и самоуправления сельских поселений. Авторы считают, что «решение многих экономических и социальных проблем в сельских поселениях будет зависеть от того, насколько полно используется потенциал системы местного самоуправления» (с. 86). Развитие социального института самоуправления представляет собой показатель успешности формирования гражданского общества. Данные общественного мнения сельчан показали невысокую степень их активности в управлении местными делами. Большинство респондентов участвуют в решении локальных проблем эпизодически или вообще игнорируют эту возможность.

В центре внимания авторов в восьмой главе находится безопасность труда как составная часть социальной защиты. Защита работника от несчаст-

ных случаев, обеспечение нормальных санитарных и технических условий, рациональная организация рабочего места являются важной составляющей перечня мероприятий социальной защиты. Анализ случаев производственного травматизма в агросфере, проведенный авторами, показал основные причины этой проблемы: низкий уровень механизации многих видов работ, снижение исполнительской дисциплины, ненадлежащее выполнение служебных обязанностей руководителями, употребление алкоголя на производстве.

В девятой главе рассматриваются демографическая ситуация и семейные отношения. Демографическая ситуация в сельских сообществах неоднородна по областям, что обусловлено влиянием ряда факторов, таких как урбанизация и индустриализация XX в., последствия катастрофы на Чернобыльской АЭС, социально-экономическое положение в регионах, социокультурные и социально-психологические установки населения. Исследование выявило следующую зависимость: чем больше населенный пункт, тем меньше молодые люди спешат обзаводиться семьей.

В десятой главе показана роль обращений граждан, проживающих в сельской местности, в органы власти в совершенствовании социального управления и защищенности. Обращения граждан рассматриваются как обратная связь в плане повышения эффективности, адресности, масштабов, оперативности выявления болевых точек. Социологический опрос позволил выяснить главный фактор, мешающий плодотворной работе госучреждений с обращениями сельских жителей. Самой острой проблемой оказался дефицит полномочий и материальных ресурсов местной власти, что не позволяет удовлетворить запросы обратившихся.

Исследование, проведенное авторами, позволило выявить и теоретически обосновать необходимость приспособления существующих систем социальной защиты к рыночным отношениям, что актуализирует потребность в значительной ее модернизации. Основным направлением в реформировании системы социальной защиты сельского населения является формирование комплекса контролируемых государством экономических, социальных и правовых гарантий, обеспечивающих сельчанам приемлемые условия для достойной жизни. В настоящее время значимым элементом развития рынка социальных услуг становится привлечение разнообразных поставщиков к их исполнению, дальнейшее совершенствование стандартов, обеспечение занятости населения.

В. Н. Блохин¹

¹ Виктор Николаевич Блохин – кандидат социологических наук; доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусской государственной сельскохозяйственной академии.

Viktar M. Blakhin, PhD (sociology); associate professor at the department of social and humanitarian disciplines of the Belarusian State Agricultural Academy.

E-mail: blakhin@baa.by

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

**Михаил Константинович
ГОРШКОВ**

**Mikhail Konstantinovich
GORSHKOV**

Михаилу Константиновичу Горшкову, одному из ведущих российских социологов, академику РАН, директору Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) 29 декабря 2020 г. исполнилось 70 лет. Мир Михаила Константиновича богат и во многом уникален. Ученый никогда в жизни не был простым статистом, сторонним наблюдателем за происходящим. Судьба его – быть в гуще событий, на гребне перемен, являться лидером. В чем-то он антикризисный менеджер, как сейчас принято говорить. Социальный опыт позволял М. К. Горшкову не раз отводить беду от людей чести, сохранять научные коллективы, веру в порядочность и человеческое участие и, на какие бы вершины не заносила его судьба, оставаться верным другом и надежным товарищем.

Коренной москвич, М. К. Горшков с юных лет многое в жизни попробовал и испытал, прежде чем окончательно утвердиться в социологической науке: занимался спортом, окончил музыкальную школу, в продолжение семейной традиции получил высшее медицинское образование, работал в ком-

сомоле, аппарате ЦК КПСС, создал крупную независимую научно-исследовательскую структуру, сейчас руководит ФНИСЦ РАН. В любых ситуациях Михаил Константинович оставался прежде всего исследователем-диагностом и социальным аналитиком. Может, поэтому и в свои 70 лет он как всегда молод и готов к покорению новых вершин...

Брак с социологией у М. К. Горшкова был по любви. Никакого расчета и больших дивидендов от этого ученый не ожидал. Просто среда, в которой он работал, люди, которые его окружали, – цвет советской гуманитарной мысли – не могли не заразить молодого, талантливого юношу идеями активно развивающейся науки – социологии. Изучение общественного мнения и стало ключевой проблемой, которой Михаил Константинович посвятил кандидатскую (1979) и докторскую (1989) диссертации. Он автор ставших классическими монографий по социологии общественного мнения, по которым и сегодня обучаются будущие профессиональные социологи.

Текстам Михаила Константиновича присуще глубокое теоретико-методологическое сопровождение,

ясность и изысканность изложения научной мысли, утонченность и лаконичность стиля, ему дано писать просто о сложном. Поражает широта его научных интересов. Академик М. К. Горшков – автор большого количества научных изданий, статей, учебников, энциклопедий, он лауреат Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники за работу «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие» (серийное издание в 24 томах, 28 книгах).

И, хотя Михаил Константинович как-то в интервью сказал, что «никогда и никакая власть не питала особой любви к социологии», он всегда умело выстраивает отношения с руководством высшего уровня, причем делает это очень эффективно, что видно по тому, как разрастается влияние ФНИСЦ РАН, организованный М. К. Горшковым.

Всегда с большой теплотой мы вспоминаем визит Михаила Константиновича в Белорусский государственный университет летом 2017 г. Памятны многочисленные встречи, выступления ученого

перед студентами и преподавателями факультета философии и социальных наук, общение в ректорате, на кафедре социологии, которые были полезны и информационно насыщены. Несмотря на свою огромную занятость (у М. К. Горшкова буквально на следующий день после поездки в Минск была назначена встреча в Кремле с участием главы государства), Михаил Константинович нашел возможность прийти на площадь Победы, возложить цветы к памятнику погибшим воинам-интернационалистам на «Острове слез», побывать в Хатыни. Все это было очень искренне, от чистого сердца.

Поздравляем Вас, дорогой Михаил Константинович, с прекрасным юбилеем. Здоровья Вам, новых свершений и побед в нашей беспокойной социологической науке! В Беларуси Вас хорошо знают, высоко ценят, здесь много Ваших друзей, коллег, благодарных читателей, мы всегда рады новым встречам с Вами на белорусской земле.

Поздравляем с юбилеем!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.653(075.8)

Титаренко Л. Г. Социология общественного мнения [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для 1-й ступени высш. образования по спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 78 с. : табл. Библиогр.: с. 42–45. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248740>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.09.2020, № 011828092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Социология общественного мнения» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Социология общественного мнения» и предназначен для студентов специальности 1-й ступени высшего образования 1-23 01 05 «Социология» дневного и заочного обучения.

ЭУМК содержит тексты лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, тематику выступлений и рефератов, перечень контрольных мероприятий, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

УДК 316.2(075.8)

Титаренко Л. Г. Новые направления развития социальной теории [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для 2-й ступени высш. образования по спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 57 с. : табл. Библиогр.: с. 34–39. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248744>. Загл. с экрана. Деп. 28.09.2020, № 011928092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Новые направления развития социальной теории» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Новые направления развития социальной теории» в целях учебно-методического обеспечения специальности 1-23 01 05 «Социология» 2-й ступени высшего образования.

ЭУМК содержит тексты лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, тематику выступлений и рефератов, перечень контрольных мероприятий, вопросы к экзамену, список рекомендуемой литературы.

УДК 316(091)(075.8)

Титаренко Л. Г. История социологии (современная западная социология) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для 1-й ступени высш. образования по спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 65 с. : табл. Библиогр.: с. 56–65. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248746>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.09.2020, № 012028092020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «История социологии (современная западная социология)» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-23 01 05 «Социология» очной и заочной формы.

Электронный учебно-методический комплекс содержит текст лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, примерную тематику выступлений и рефератов, перечень контрольных мероприятий, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

УДК 316.346.2(075.8)

Титаренко Л. Г. Гендерные исследования [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для 2-й ступени высш. образования по спец. 1-23 01 05 «Социология» / Л. Г. Титаренко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 56 с. Библиогр.: с. 40–43, библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/248752>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.09.2020, №012128092020.

Электронный учебно-методический комплекс «Гендерные исследования» подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Гендерные исследования» в целях учебно-методического обеспечения специальности 1-23 01 05 «Социология» 2-й ступени высшего образования.

ЭУМК содержит тексты лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, тематику выступлений и рефератов, перечень контрольных мероприятий, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

УДК 316.728(075.8)

Социология повседневности [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 80 04 «Социология» / БГУ ; сост. Т. В. Бурак. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 56 с. : ил. Библиогр.: с. 32–33. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/250015>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 22.10.2020, № 013322102020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов магистратуры специальности 1-23 80 04 «Социология». Содержание ЭУМК предполагает освоение обучающимися основных концепций, исследовательских подходов и основных понятий социологии повседневности.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Георгий Петрович Давидюк	4
--------------------------------	---

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

Смирнов В. Э. Онтологическое обоснование идеи прогресса	6
Волнистая М. Г., Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Истина как социокультурное явление: современная интерпретация.....	14
Мацевич-Духан И. Я. Этическая дилемма инвестиционного гражданства	23
Щербин В. К. Социальные истоки семиотики риска.....	29

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ

Антонович И. И. Системный расизм США и проблема поляризации общества	39
Плацинский А. А. Формирование внешнеполитической стратегии США после окончания Второй мировой войны: анализ факторов и целей, ставших сегодня реальностью	50
Мишкель М., Поплавский Т. Проблемы в процессе коммуникации между неправительственными организациями и обществом.....	65
Богущ Т. А., Сельверстова С. Е., Максимук Е. Г. Рейтинговая система как элемент управления человеческими ресурсами в высшей школе.....	71

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

Можейко М. А. Мова як з’ява: белорусский язык в контексте диглоссии.....	79
--	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

Злотников А. Г., Рыбаковский Л. Л. Демографическая динамика приграничных белорусско-российских областей	93
Пинчук И. В., Дербин А. П. Актуальные тенденции изменения самовосприятия молодежи в контексте формирования социальной солидарности	104
Лапуцкий В. С. Интегративные процессы в области образования: новые вызовы для Беларуси.....	112
Шейнов В. П. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности	120

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Блохин В. Н. Лихачев Н. Е., Лихачева С. Н. Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития	128
---	-----

ЮБИЛЕИ

Михаил Константинович Горшков	130
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	132

CONTENTS

TO THE MEMORY OF SCIENTIST

Georgii Petrovich Davidyuk	4
----------------------------------	---

ARTICLES AND REPORTS

<i>Smirnov V. E.</i> Ontological justification of the idea of progress.....	6
<i>Volnistaya M. G., Korkiya E. D., Mamedov A. K.</i> Truth as a sociocultural phenomenon: modern interpretation	14
<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> The ethical dilemma of citizenship by investment	23
<i>Shcherbin V. K.</i> Social origins of risk semiotics	29

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Antonovich I. I.</i> Systematic racism in the USA and the problem of polarisation of society	39
<i>Plashchinsky A. A.</i> Formation of the USA foreign policy strategy in the aftermath of World War II: the analysis of factors and goals that shaped the reality today	50
<i>Miszkiel M., Popławski T.</i> The problems in the communication process between NGOs and society	65
<i>Bogush T. A., Selverstova S. E., Maksimuk E. G.</i> Rating system as an element of human resource management at tertiary level	71

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Mojeiko M. A.</i> Language as a phenomenon: Belarusian language in the context of diglossia	79
--	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Zlotnikov A. G., Rybakovskii L. L.</i> Demographic dynamics of the Belarusian-Russian border regions.....	93
<i>Pinchuk I. V., Derbin A. P.</i> Actual tendencies of changes in self-perception of youth in the context of forming social solidarity	104
<i>Laputsky V. S.</i> Integrative processes in education: new challenges for Belarus	112
<i>Sheinov V. P.</i> Relationship of smartphone dependence with personal states and properties	120

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Blakhin V. M., Likhachev N. E., Likhacheva S. N.</i> Social sphere of the Belarusian countryside: sociological analysis of the condition and prospects for development	128
---	-----

JUBILEES

Mikhail Konstantinovich Gorshkov	130
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	132

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 4. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы А. В. Агеева, С. Е. Богуш, А. С. Люкевич
Технический редактор А. Ю. Лещинская
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 24.12.2020.
Тираж 105 экз. Заказ 505.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 4. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors A. V. Ahejeva, S. J. Bohush, A. S. Lyukevich
Technical editor A. Y. Leshchinskaya
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 24.12.2020.
Edition 105 copies. Order number 505.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020